

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1897.

№ 3.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	
Современный нравственно-религіозный кризисъ на Западѣ (продолженіе). <i>II. Соколова</i>	125—141
Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству (продолженіе). <i>A. Вертеловскаго</i>	142—156
Изъ Церковной жизни современной Румыніи (продолженіе). <i>К. Истомина</i>	157—184
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Разборъ философскихъ ученій о чувствѣ, какъ основѣ нравственности (продолженіе). <i>И. Попова</i>	97—116
Цѣнность жизни (продолженіе). Олэ-Дилрюна, профессора Высшей Нормальной Школы въ Парижѣ. Переводъ съ французскаго. * * *	117—138
Высочайше утвержденный Уставъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ	139—6
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Отъ Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта.—Высочайшая отмѣтка.—Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 1895/96 учебный годъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1895/96 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія Петровскій пер., д. № 17.

1897.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ канонѣвъ и богослуженій, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторія философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлымъ мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, переченъ текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границею 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Врентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА и РАЗУМЪ въ 1897 году.

Издание богоооловоко-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1897 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое издание журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое издание внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковского Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ Конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гляровскаго, Столѣнниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1890 г., и по 9 р. за 1891, 1892, 1893 и 1894 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 65 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. „Падство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Февраля 1897 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

Современный нравственно-религіозный кризисъ на Западѣ.

(Продолженіе *).

V.

„Не такъ далеко еще время,—говоритъ Брюнетьеръ,—когда ученое невѣріе считалось всѣми признакомъ или доказательствомъ умственнаго превосходства. Люди этой минувшей эпохи не отрицали ни значенія „религій“ въ исторіи, ни въ особенности значенія „религій“ или „религіознаго чувства“ въ развитіи человѣчества. Въ этомъ признаніи они даже съ гордостью видѣли шагъ впередъ сравнительно съ міросозерцаніемъ XVIII вѣка и, исповѣдуя полное невѣріе, упрекали Вольтера, Дидро и Кондорсэ за оскорбительную наглость ихъ нападокъ на христіанство, безсовѣстность ихъ аргументаціи и узкость ихъ философіи. Но это не мѣшало имъ вмѣстѣ съ Огюстомъ Контомъ и всей его школой видѣть „въ теологическомъ состояніи“ только эмбриональную фазу умственной жизни и, можетъ быть, еще въ настоящее время есть фізіологи или антропологи, которые твердо держатся этого убѣжденія. „Религіи,—читаемъ мы въ одной недавней книгѣ,—суть очищенные остатки суетвѣрій... Цѣнность цивилизаціи обратно пропорціональна религіозному рвенію... Всякій интеллектуальный прогрессъ соответствуетъ уменьшенію сверхъестественнаго въ мірѣ... Будущее принадлежитъ наукѣ“ (*La Religion*, par André Lefèvre, p. 572, 573). Эти строки написаны въ 1892 году, но духъ, который ихъ диктовалъ, старше ихъ на 20 или на 30 лѣтъ.

*) См. журн. «Вѣра и Разумъ» за 1897 г., № 2.

„Что-же произошло съ тѣхъ поръ? Какая глухая работа совершилась въ глубинахъ современной мысли? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы въ свою очередь скажемъ о „банкротствѣ науки“. Ученые негодуютъ или смѣются при этомъ словѣ. Гдѣ-же,—говорятъ они,—тѣ обѣщанія, которыхъ не сдержала, напримѣръ, физика или химія? Наши науки являлись на свѣтъ не далѣе, какъ вчера, и менѣе чѣмъ въ одно столѣтіе онѣ перевернули всю жизнь. Предоставимъ-же имъ время расти и развиваться! Впрочемъ, кто тѣ, которые говорятъ здѣсь о банкротствѣ или несостоятельности? Что знаютъ они о наукѣ? Съ какимъ открытіемъ, съ какими успѣхами механики или естественной исторіи они соединили свое имя? Изобрѣли-ли они по крайней мѣрѣ телефонъ или, можетъ быть, нашли вакцину крупы? Вотъ то, что хотѣлось-бы знать, прежде чѣмъ отвѣчать имъ. И если-бы даже, наконецъ, какой нибудь ученый съ слишкомъ смѣлымъ и химерическимъ умомъ припаялъ на себя во имя науки обязательства, которыхъ она не подписывала, то развѣ наука въ томъ виновата? Здравый смыслъ, который Декартъ считалъ „самою распространенною вещью въ мірѣ“, въ дѣйствительности встрѣчается рѣже, чѣмъ чтобы то ни было, рѣже, чѣмъ талантъ, можетъ быть такъ-же рѣдко, какъ гевій, и мы охотно признаемъ, что великимъ ученымъ иногда его недоставало... Такъ рассуждаютъ люди, желающіе видѣть въ „банкротствѣ науки“ только громкую метафору;—и я не могу сказать, чтобы они были совершенно неправы.

„Но они и не вполне правы. Какъ-бы ни пытались они установить различіе между здравымъ смысломъ „истинныхъ“ ученыхъ и прискорбнымъ безразсудствомъ другихъ, все-таки остается несомнѣннымъ то, что наука не разъ обѣщала обновить „лицо земли“. „Я полагаю,—писалъ Кондорсэ ровно столѣтъ тому назадъ,—что я доказалъ возможность сдѣлать правильность суждевія почти всеобщимъ качествомъ..., такъ чтобы руководиться истинной стало привычкой человѣка и цѣлаго народа... такъ, чтобы всякій подчинялся въ своемъ поведеніи правиламъ морали... пытаюсь кроткими и чистыми чувствами“. И онъ прибавлялъ: „такова цѣль, къ которой *непре-*

мно должны вести челоѣка труды генія и *успѣхи прогресса*“ (*Esquisse d'un tableau des progrès de l'esprit humain*, Oeuvres, édition Didot, t. IV, p. 395). Мнѣ скажутъ, что вѣдь Кондорсэ былъ въ концѣ концовъ энциклопедистъ? Я и понимаю его такимъ образомъ. Но Реванъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ своего литературнаго поприща, говорилъ то-же самое: „Наука всегда останется удовлетвореніемъ самаго высшаго изъ желаній, свойственныхъ нашей природѣ—любопытности; она всегда будетъ доставлять челоѣку единственное доступное ему средство улучшить его жребій“. Въ другомъ мѣстѣ той-же самой книги о „*Будущемъ науки*“, одно заглавіе которой само по себѣ было цѣлой программой, онъ писалъ: „*Организовать научно челоѣчество* (это онъ самъ подчеркивалъ),—таково послѣднее слово современной науки, таково ея смѣлое, но законное притязаніе“ (*L'avenir de la science*, p. 37). Вотъ, мнѣ кажется, обѣщанія, которыя идутъ немножко дальше честолюбія химика или физика, и предъ этими именно обѣщаніями наука признается банкротомъ.

„Но рассмотримъ вопросъ ближе. Въ самомъ дѣлѣ, физическія или естественныя науки обѣщали намъ устранить „тайну“. Между тѣмъ, онѣ не только не устранили ея, но какъ мы ясно видимъ теперь, онѣ никогда ея не разъяснятъ. Онѣ бессильны,—я не говорю разрѣшить, а даже надлежащимъ образомъ поставить тѣ вопросы, которые для насъ единственно важны,—вопросы касающіеся происхожденія челоѣка, закона его поведенія и его будущей судьбы. Непознаваемое окружаетъ насъ всюду; оно охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ, и мы не можемъ извлечь изъ законовъ физики или результатовъ физиологіи никакого средства, чтобы распознать въ немъ что-нибудь. Я изумляюсь, какъ никто другой, безсмертнымъ работамъ Дарвина, и когда вліяніе его доктрины сравниваютъ съ вліяніемъ открытій Ньютона, я охотно подписываюсь подъ этимъ. Но что-же! Если мы, быть можетъ, происходимъ отъ обезьяны,—или обезьяна и мы отъ одного общаго предка,—сдѣлали-ли мы этимъ шагъ впередъ и что знаемъ мы въ истинномъ вопросѣ о нашемъ происхожденіи? „Въ Моисеевой гипотезѣ творенія,—говоритъ Гэккель,—намъ явля-

ются съ изумительной простотой и ясностью два самыхъ важныхъ и основныхъ предположеній теоріи эволюціи.“ Но сверхъ того,—прибавимъ мы,—„Моисеева гипотеза творенія“ даетъ намъ отвѣтъ на вопросъ: *откуда мы приходимъ*, а теорія эволюціи не даетъ его намъ никогда. Ни антропологія, ни этнографія, ни лингвистика никогда не дадутъ намъ также отвѣта на вопросъ: *что мы такое*, а будутъ-ли онѣ утверждать, что онѣ никогда не обѣщали намъ этого отвѣта? Было бы слишкомъ легко показать, что онѣ не ставили себѣ иной задачи. „Я убѣжденъ,—говорилъ Ренанъ,—что есть наука о происхожденіи человѣчества, которая нѣкогда будетъ построена не абстрактною спекуляціей, а *научнымъ изслѣдованіемъ*... Существуетъ-ли жизнь человѣческая, которая, при настоящемъ состояніи науки, была-бы достаточна для изслѣдованія всѣхъ сторонъ одной этой проблемы?.. И если эту проблему еще не разрѣшили, какъ сказать, *что мы знаемъ челоѣка и челоѣчество?*“ (L'avenir de la science, p. 163). Но въ настоящее время мы можемъ быть увѣрены, что естественныя науки намъ этого не скажутъ. То, что мы есть какъ животныя, онѣ, можетъ быть, разъяснятъ намъ; онѣ не разъяснятъ намъ того, что мы есть, какъ люди! Гдѣ происхожденіе языка? Гдѣ происхожденіе общества? Гдѣ происхожденіе нравственности? Всѣ, кто пытались въ нашъ вѣкъ отвѣтить на эти вопросы, жалкимъ образомъ потерпѣли крушеніе; и всегда потерпятъ крушеніе, и всегда такимъ-же жалкимъ образомъ, потому-что если нельзя мыслить челоѣка безъ нравственности, безъ языка или внѣ общества, то отъ компетенціи науки, отъ ея методовъ, наконецъ отъ ея притязаній ускользаетъ то, что служитъ элементами самого понятія челоѣка. Нужно-ли мнѣ прибавлять, что естественныя науки тѣмъ болѣе не разрѣшаютъ вопроса: *куда мы идемъ?* Что сообщили намъ о нашей судьбѣ анатомія или фізіологія? Между тѣмъ онѣ обѣщали намъ разъяснить или раскрыть нашу природу, а изъ знанія нашей природы должно было-бы слѣдовать знаніе нашей {судьбы. Вѣдь именно судьба извѣстнаго существа опредѣляетъ его истинную природу. А ихъ изслѣдованія и ихъ открытія,—интереса которыхъ я нисколько не отрицаю,—въ концѣ концовъ привели только

къ тому, что усилили въ насъ нашу привязанность къ жизни, что кажется, по истинѣ, верхомъ неразумія у существа, которое должно умереть.

„Лучше-ли сдержали свои обѣщанія филологическія науки? Увы! Вотъ онѣ сейчасъ предъ моими глазами, всѣ эти недавно знаменитыя книги, въ которыхъ мы жадно искали отвѣта на наши сомнѣнія, и, въ цѣломъ, что-же онѣ доказали? Эллинисты формально обязались показать намъ въ философіи Греціи и Рима все христіанство! Но они забыли всего одинъ пунктъ: они забыли сказать намъ, почему же христіанство, не вышло изъ эллинизма, если оно уже всецѣло въ немъ содержалось? Между тѣмъ, въ этомъ весь вопросъ, и если-бы даже нашли въ *Мысляхъ* Марка Аврелія или въ *Руководствѣ* Эпиктета одинъ за другимъ „разсѣянные члены“ *Нагорной бесѣды*, если бы доказали, что по существу аристократическій духъ стоицизма не былъ противоположенъ духу Евангелія, все таки еще оставался-бы и всегда останется тотъ фактъ, что *Нагорная бесѣда* покорила міръ, а *Руководство* и *Мысли* не произвели ничего. Послѣ работъ нашихъ эллинистовъ, какъ и до нихъ, въ христіанствѣ остается нѣчто необъяснимое посредствомъ эллинизма,—своеобразная сила, единственная въ своемъ родѣ мощь распространенія и жизни,—и это подтверждаютъ труды гебраистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, гебраисты также обѣщали намъ разсѣять то, что есть „ирраціональнаго“ и „чудеснаго“ въ исторіи возникновенія христіанства или въ исторіи „народа Божія“. Они должны были показать намъ въ *Библии* книгу, какъ всякая другая книга,—*Магабгарату* семитизма, *Иліаду* или *Одиссею* Израиля;—и правда, что всѣ усилія филологіи не могли до сихъ поръ указать точной даты ни для *Одиссеи*, ни для *Магабгараты*! Въ отношеніи *Библии* ихъ системы, столько-же многочисленные, какъ и произвольныя, оказались особенно противорѣчивы; и послѣ неудачныхъ попытокъ примирить ихъ, гебраисты должны были сознаться, что ихъ эрудиція скорѣе запутала то, что она тщеславно надѣялась разъяснить. Такъ, существуетъ не менѣе шести или семи мнѣній о происхожденіи или авторѣ *Пятокнижія*; и если намъ угодно отнести его состав-

леніе, напримѣръ, ко времени Іисуса Навина, или Саула, или Давида, или Соломона, или Іосіа, или плѣна Вавилонскаго, или Эздры, или Нееміи, или первыхъ Птолмеевъ, или даже Маккавеевъ, то это можно, и корифеи современной филологіи доставятъ для этого всѣ основанія, какія будетъ угодно. Сосчитайте еще, сколько существуетъ теорій о времени и авторѣ четвертаго Евангелія! И если послѣ всего этого спросить, каковы-же наконецъ результаты этого критическаго разврата, то невольно припоминаются сильныя слова Боссюэ: „Пусть скажутъ мнѣ,—не выйдутъ-ли изъ всѣхъ версій и всякаго текста, каковъ-бы онъ ни былъ, всегда тѣ-же законы, тѣ-же чудеса, тѣ-же пророчества, тотъ-же ходъ исторіи, *та-же совокупность ученія и наконецъ та-же сущность?*“ (Discours sur l'Histoire universelle, Part. II, ch. 28). Онъ правъ! Даже сущность,—неразложимая сущность, и даже „ходъ исторіи“,—единственной исторіи, по признанію самого Ренана! Что-бы тамъ ни было, въ исторіи „народа Божія“ есть нѣчто такое, чего нельзя найти ни въ какой другой. Сколько честолюбія ни полагали въ томъ, чтобы, такъ сказать, „спустить“ ее на плоскость другихъ исторій, она противилась этому, она торжествовала надъ этимъ. Если-бы экзегетика вслѣдствіе непредвидѣннаго для нея оборота обстоятельствъ въ одинъ прекрасный день нашла, что ею подтверждается то, что она хотѣла разрушить, то въ этомъ не было-бы ничего удивительнаго, такъ—какъ, послѣ всего, въ подобномъ оборотѣ обстоятельствъ для нея заключается теперь единственная надежда на спасеніе. А въ ожиданіи этого нужно сказать, что, далеко не изгнавъ изъ исторіи христіанства „ирраціональнаго“ или „чудеснаго“, она возстановила ихъ во всѣхъ правахъ, потому—что даже тѣ аналогіи эволюціи, какія она думала открыть въ исторіи буддизма, оказались несостоятельными предъ болѣе внимательнымъ и добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ.

„Вотъ еще одно обѣщаніе, котораго не сдержали въ свою очередь оріенталисты. Нѣкоторыя сходныя черты, указанные между буддизмомъ и христіанствомъ, будучи сами по себѣ чрезвычайно любопытны, въ дѣйствительности не могли скрыть того глубокаго, внутренняго различія, которое раздѣляетъ или про-

тивополагаетъ эти религіи. Я, впрочемъ, безъ труда признаю, что при настоящемъ состояніи науки это различіе скорѣе можно чувствовать, чѣмъ опредѣлить. Если-бы нѣкоторые изъ нашихъ ориенталистовъ имѣли больше откровенности или широты ума (?), если-бы они не были замкнуты въ кропотливое изученіе текстовъ, то, конечно, именно они были-бы самыми опасными противниками христіанства. Можетъ быть, они когда—нибудь и будутъ ими! А пока они, подобно гебраистамъ и эллинистамъ, внесли въ споръ только новый элементъ смуты, новыя основанія сомнѣваться, а не вѣрить, и скорѣе начатки гипотезъ, чѣмъ положительныя рѣшенія. Не на нашихъ-ли глазахъ они утверждали, что Сакья-Муни, быть можетъ, не болѣе, какъ „солнечный миѳъ?“ И если-бы имъ удалось когда-нибудь доказать это, что осталось-бы отъ сравненія, которое такъ часто пытались дѣлать между Іисусомъ и Буддой?

„Я перехожу, наконецъ, къ историческимъ наукамъ,—если только это науки. Подобно наукамъ естественнымъ, онѣ, конечно, научили насъ многимъ вещамъ, но ни одной изъ тѣхъ, которыхъ мы ждали отъ ихъ прогресса. Римскіе цари, напри- мѣръ,—существовали-ли они, или, можетъ быть, они также не болѣе, какъ „солнечные миѳы?“ Вотъ, безъ сомнѣнія, что называется „милый вопросъ“. Но, по правдѣ сказать, что намъ за дѣло до этого вопроса и какой интересъ имѣетъ онъ самъ по себѣ? Великій вопросъ здѣсь въ томъ, существуетъ-ли *законъ исторіи* и въ какой мѣрѣ мы подчинены ему. Между тѣмъ этого именно мы и не знаемъ, и я боюсь, что не нужно прибавлять: не будемъ знать никогда. Свободны-ли мы въ своихъ поступкахъ, или мы рабы какой-нибудь „непреодолимой силы?“ Направляемся-ли мы къ какой-нибудь явной цѣли, или исторія есть, такъ сказать, только „мѣсто“ беспорядка и безсвязной неурядицы? Ни палеографія, ни дипломатика, ни археологія не дали намъ отвѣта на эти вопросы. А между тѣмъ онѣ должны были дать намъ его, если только мы выдумали ихъ затѣмъ, чтобы, по выраженію Ренана, составить наукупизъ „продуктовъ ума человѣческаго“, и если только эта наука имѣетъ своею задачей увеличить, сдѣлать точнымъ, „теоретизировать“ наше знаніе о человѣкѣ. „Когда пишутъ о царяхъ Ниневіи или о фараонахъ Египта, то это мо-

жетъ имѣть исключительно историческій интересъ; но христіанство настолько живая сила и вопросъ о его происхожденіи заключаетъ въ себѣ такія важныя послѣдствія для настоящаго, что нужно было-бы пожалѣть о тупоуміи тѣхъ критиковъ, которые отнесли-бы къ этимъ вопросамъ лишь съ чисто историческимъ интересомъ". Это слова Д. Ф. Штрауса (*Nouvelle Vie de Jésus, préface de l'auteur, p. IX*). Но мы со своей стороны скажемъ, что даже для тѣхъ, кто пишетъ о „фараонахъ Египта“ или о „царяхъ Ниневіи“, существуетъ иная, болѣе высокая, но не менѣе строгая, обязанность, чѣмъ возстановить послѣдовательность царей—пастырей или съ точностью описать Хорзабадскій дворець. Если-же историческія науки въ теченіе вотъ уже пятидесяти или шестидесяти лѣтъ стараются уклониться отъ этой обязанности, то имъ не слѣдуетъ удивляться, когда по ихъ адресу раздаются упреки. Зендскій или ассирійскій языки созданы не для того, чтобы ихъ преподавать въ Collège de France или въ Берлинскомъ университетѣ; эрудиція не имѣетъ цѣли въ себѣ самой,—и подобно тому, какъ юридическія науки не могли-бы отрѣшиться отъ философіи права, такъ точно и историческія науки становятся простымъ празднымъ любопытствомъ, если ихъ малѣйшія изысканія не ведутъ къ философіи исторіи.

„Все это случаи, если не полнаго „банкротства“, то, по крайней мѣрѣ, частной „несостоятельности“, и легко понять, что они поколебали кредитъ науки. Кто произнесъ неблагоразумныя слова, „что наука получаетъ значеніе лишь постольку, поскольку она можетъ изслѣдовать то, чему религія имѣетъ притязаніе учить“, „что наука въ дѣйствительности началась лишь въ тотъ день, когда разумъ серьезно взглянулъ на себя и сказалъ себѣ самому: „Все меня обманываетъ, въ себѣ одномъ я найду свое спасеніе“? „Замолчи, глупый разумъ!“—вотъ что, безъ сомнѣнія, отвѣтилъ-бы Паскаль. Если мы не можемъ сказать, что будетъ черезъ сто, черезъ тысячу, черезъ двѣ тысячи лѣтъ, то въ настоящую минуту, и долго еще, разумъ, повидимому, безсиленъ не только найти въ себѣ самомъ свое спасеніе, но даже освободиться отъ своихъ сомнѣній. И если правда, что въ теченіе ста лѣтъ наука пыталась замѣстить „религію“,

то для настоящаго момента и надолго впередъ она проиграла свою партію. Ни наука вообще, ни отдѣльныя науки,—физическія или естественныя, филологическія или историческія,—неспособны дать намъ даже основаній для отвѣта на тѣ единственные вопросы, которые насъ интересуютъ, и потому не могутъ болѣе требовать господства надъ современною жизнью, какъ онѣ дѣлали это въ продолженіе ста лѣтъ. Если за недостаткомъ полной, математической и рациональной достовѣрности, мы все-таки нуждаемся въ какой-нибудь идеѣ о томъ, что мы такое, и если только подъ этимъ условіемъ становится возможной общественная связь, то науки могутъ помочь намъ составить эту идею, но онѣ не въ состояніи опредѣлить ее и еще менѣе судить о ней. Въ настоящій моментъ, при современномъ состояніи науки и послѣ того опыта, который мы пережили, такіе вопросы, какъ на примѣръ, вопросъ о свободѣ воли или вопросъ о нравственной отвѣтственности, не могли бы зависѣть отъ результатовъ физиологій. Прогрессъ, котораго хотѣли достигнуть вмѣстѣ съ Тэномъ, „спайвая (en soudant),—по его выраженію,—нравственныя науки съ науками естественными“,—вовсе не былъ прогрессомъ, а напротивъ, движеніемъ назадъ. Если-бы мы потребовали у дарвинизма уроковъ поведенія, то онъ далъ-бы намъ лишь гнусные уроки. Безъ сомнѣнія, отъ дарвинизма, едва увѣреннаго въ прочности своихъ началъ, или отъ физиологій, находящейся еще въ зачаточномъ состояніи, можно апеллировать къ физиологій болѣе ученой или къ дарвинизму болѣе разумному, но, ожидая ихъ, нужно жить,—жить жизнью, которая не была-бы чисто животной, а никакая наука въ настоящее время не сумѣла-бы дать намъ для этого средствъ.

„Вотъ основаніе революціи, или эволюціи, которая происходитъ на нашихъ глазахъ и доказательства которой можно было бы найти, въ случаѣ надобности, въ *Bibliographie de la France*. Это вовсе не значитъ, чтобы я питалъ иллюзію на счетъ „декадентовъ христіанства“, какъ ихъ называетъ заглавіе одной книги, которая въ свою очередь не сдержала своихъ обѣщаній. Точно также я не отдалъ-бы съ своей стороны ни филологіи, ни даже экзегетики „нео—католикамъ“, или нашимъ „символистамъ“. Если

между ними есть искренніе люди, то тѣ, которыхъ я знаю, менѣе искренни и въ сущности вѣрятъ только въ себя самихъ. Еще меньше довѣрія питаю я къ „нео—буддистамъ“ съ ихъ своеобразными упражненіями, и не имѣю уже рѣшительно никакого довѣрія къ тѣмъ новымъ „мистикамъ“, которые, отдыхая отъ перевода Таулера или Рюисбрэка, пишутъ пьесу для Théâtre-Libre. Я слишкомъ увѣренъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ они были-бы натуралистами, и ихъ теперешній благочестивый мистицизмъ есть только дѣло моды или книгопродавческая „реклама“. Наконецъ, я не придаю бѣльшей важности, чѣмъ онѣ имѣютъ, тѣмъ благочестивымъ декламаціямъ, которыя иногда съ удивленіемъ читаешь въ *le Peuple français* или въ *l' Autorité*... Но тѣмъ не менѣе справедливо, что эволюція совершается и мы уже начинаемъ различать нѣкоторыя ея слѣдствія. Двухъ словъ достаточно, чтобы резюмировать эти слѣдствія: наука потеряла свой престижъ, а религія вновь завоевала часть своего“.

Указавъ на успѣхи католицизма и на попытки Льва XIII руководить жизнью современнаго общества, въ которыхъ онъ видитъ лучшее доказательство торжества религіи въ наши дни, Брюнетьеръ спрашиваетъ, что-же намъ дѣлать? и отвѣчаетъ:

„Очевидно, мы не пожертвуемъ ни наукой, ни еще менѣе независимостью нашей мысли. Если мы не допускаемъ, чтобы наука могла когда-нибудь замѣнить религію,—и въ этомъ мы убѣждены, можетъ быть, съ достаточною искренностью,—то мы точно также мало можемъ допустить, чтобы религію противопоставили наукѣ. Церковь съ своей стороны ни отъ кого не требуетъ этого; да и почему она стала-бы этого требовать, если не она сама, а, какъ мы видѣли, Гэккели и Ренаны распознали, на примѣръ, въ библейскомъ повѣствованіи о твореніи самый чистый духъ эволюціонной доктрины? Радикальная неспособность науки разрѣшить конечные вопросы, повидимому, создала отнынѣ раздѣленіе относительныхъ границъ достовѣрности „научной“ и достовѣрности „богодухновенной“. Будемъ-же считать этотъ результатъ нашимъ законнымъ пріобрѣтеніемъ. Физика не можетъ ничего возразить даже противъ чуда, потому что оно объясняется измѣненіемъ законовъ

природы самую природой; экзегетика ничего не можетъ возразить противъ откровенія, и я осмѣливаюсь даже утверждать, что если бы удалось когда-нибудь основать чисто свѣтскую мораль, мораль независимую,—не говорю отъ всякой метафизики, но отъ всякой религіи,—то не въ фізіологіи найдемъ мы для нея основу. Независимость нашей мысли могла-бы страдать лишь въ той мѣрѣ, въ какой вѣра была бы дѣломъ опыта и разсужденія. Но вѣра именно не есть ни дѣло разсужденія, ни дѣло опыта. Нельзя доказывать Божество Христа (?); его можно или утверждать, или отрицать, въ него можно вѣрить или не вѣрить, точно такъ-же, какъ въ бессмертіе души или въ бытіе Божіе. Вотъ почему, какъ я сказалъ, если разсмотрѣть вопросъ хладнокровно, намъ ничѣмъ не приходится жертвовать. Наукѣ точно такъ-же не подобаетъ ослаблять или усиливать „доказательства религіи“, какъ религіи не подобаетъ отрицать или оспаривать законы тяготѣнія и пріобрѣтенія эгиптологіи. Каждая изъ нихъ имѣетъ свое особое царство, и такъ—какъ лишь отъ насъ самихъ зависитъ сдѣлаться поданными той, или другой, или обѣихъ заразъ, то чего-же еще хотятъ, чего-же могутъ еще требовать“?

Брюнетьеръ замѣтилъ сейчасъ, что мораль не могла бы основываться на естествознаніи даже въ томъ случаѣ, если-бы она была независимой отъ религіи. Но можно-ли въ дѣйствительности отдѣлить ее отъ религіи?

„Это,—говоритъ онъ,—другой вопросъ, гораздо болѣе трудный и деликатный. Въ самомъ дѣлѣ, мораль, повидимому, не всегда и не вездѣ была необходимо связана съ религіей. Развѣ не справедливо было-бы сказать, что въ классической древности стоицизмъ или даже эпикуреизмъ „полагали себя“ лишь „противополагая себя“ обычаямъ и суевѣріямъ язычества? Еще Сократъ, несомнѣнно, былъ атеистомъ предъ „богами“ Аристофана. Съ другой стороны утверждали, что религія была созданиемъ морали. Въ настоящій моментъ у меня предъ глазами книга, озаглавленная: *Религія на основѣ морали*. Это сборникъ лекцій, читанныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ или въ Англіи и имѣющихъ своею общею цѣлью, если я правильно ее понялъ, доказать, что Бога можно найти, лишь ища Его

въ себѣ самомъ ¹⁾. То и другое мнѣніе, какъ-бы ни казались они различны, сходятся къ одому и тому-же—къ стремленію сдѣлать изъ морали изобрѣтеніе или приобрѣтеніе человѣчества. Но Эдмондъ Шереръ, по моему мнѣнію, видѣлъ дальше и глубже, когда онъ писалъ въ 1884 г. въ своей замѣчательной статьѣ о *Современномъ кризисѣ морали*: „Будемъ видѣть вещи, какъ онѣ есть: мораль,—истинная, добрая, старая, повелительная мораль, *нуждается въ абсолютномъ*; она стремится къ трансцендентному; она находитъ свою точку опоры только въ Богѣ... Совѣсть—какъ сердце: ей нужно нѣчто потустороннее (*un au-delà*). Долгъ—ничто, если онъ не предписанъ свыше, и жизнь становится пустою вещью, если она не заключаетъ въ себѣ вѣчныхъ отношеній“ (*Etudes sur la littérature contemporaine*, t. VIII, p. 182, 183). Вотъ правильный способъ поставить проблему и, можетъ быть, разрѣшить ее. Неважно, мораль-ли въ самомъ дѣлѣ вышла изъ религіи, или религія изъ морали (?); неважно даже то, существовали-ли „безнравственныя“ религіи или формы нравственныя „безъ Бога“. То же самое я скажу и о вопросѣ, установимъ-ли мы когда-нибудь ту чисто свѣтскую мораль, о которой я сейчасъ говорилъ. Въ настоящее время такая мораль не созрѣла, а вопросъ о томъ, насколько „сверхъестественное“ входило въ мораль или мораль входила въ „религію“ у современника Нумы Помпилія, въ данную минуту—праздный вопросъ, который можетъ интересовать только историковъ. Но что существенно и что несомнѣнно,—такъ это то, что мораль и религія получаютъ свой полный смыслъ и всецѣло соотвѣтствуютъ своей идеѣ лишь тогда, когда онѣ взаимно проникаются и, если, смѣю сказать, амальгамируются. „Мораль—ничто, если она не религіозна“,—вотъ еще формула, которую я заимствую у Шерера; съ другой стороны, что осталось бы отъ религіи, если-бы ее лишили морали?

Чтобы доказать эту глубокую связь религіи и морали, достаточно было-бы обратить вниманіе на тотъ фактъ, что всѣ усилія „омірщить“ мораль или сдѣлать ее свѣтскою, какія употреблялись въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ вплоть до на-

¹⁾ Авторъ, очевидно, разумѣетъ книгу американскаго моралиста *Солтера*, *Ethical Religion* (Boston 1889).

шего времени, всегда были только искаженіемъ, измѣненіемъ или маскировкой какой-нибудь христіанской идеи. Когда-то Бэйль, а въ наши дни Тэнъ, пытались основать ее на естественной развращенности человѣка и, слѣдовательно, на обязанности обуздывать, укрощать, уничтожать въ насъ позывы животнаго инстинкта; между тѣмъ, это—христіанская идея, это—даже самый догматъ о первородномъ грѣхѣ. Прочтите, напримѣръ, слѣдующую прекрасную страницу изъ *Élévations sur les Mystères* Бэйля, имѣющую такое буквальное значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ такой символическій характеръ: „Будемъ сдерживать живые порывы нашихъ буйныхъ мыслей... будемъ въ нѣкоторомъ родѣ повелѣвать птицами небесными; не дадимъ нашимъ мыслямъ постоянно ползать въ тѣлесныхъ потребностяхъ, какъ ползаютъ пресмыкающіяся по землѣ... Покорять нашъ буйный гнѣвъъ будетъ тѣмъ-же, что укрощать львовъ. Мы будемъ господствовать надъ ядовитыми животными, когда сумѣемъ подавить злобу, зависть и клевету. Мы надѣнемъ удила на горячую лошадь, когда мы обуздаемъ въ себѣ жажду наслажденій“. Подобнымъ-же образомъ можно найти христіанскую идею, именно идею благодати, во всякой мистической морали. Можно найти другую христіанскую идею, идею абсолютной правды, во всякой морали, основанной, какъ мораль Канта, на „автономіи воли“. И если, безъ сомнѣнія, существуетъ позитивистическая мораль, мораль, вытекающая изъ идеи участія къ нищетѣ и той солидарности интересовъ, которая должна взаимно связывать поколѣнія людей въ безконечности пространства и времени,—прекрасная мораль, которой Джорджъ Эллиотъ дала самое благородное выраженіе въ этихъ словахъ: „О если-бы я могъ достигнуть пречистыхъ небесъ!—быть для другихъ душъ фіаломъ мужества въ минуту какой-нибудь великой агоніи, зажигать благородный пылъ, питать чистую любовь, нѣжно присутствовать, какъ всюду разлитое добро, все болѣе возрастающее по мѣрѣ своего распространенія“! (Цитируется Моллокомъ въ его книгѣ *Is life worth living*, p. 81, 82),—то кто не узналъ-бы здѣсь самую идею католицизма или, лучше сказать, *каволичности*, смѣшанную съ мыслью о высокомъ значеніи жертвы? Такъ мы пропитаны христіанствомъ!

Мы въ немъ живемъ и движемся и существуемъ. И если мы когда-нибудь его отвергнемъ, то, безъ сомнѣнія, это будетъ самый важный фактъ міровой исторіи,—послѣ факта его учрежденія“!

Если истинная мораль теоретически неотдѣлима отъ религіи, если въ теченіе всей христіанской эпохи она, сознательно, или бессознательно питалась религіозными чувствами и идеями, то при какихъ условіяхъ мы можемъ ожидать отъ религіи ея спасенія въ настоящее время?

„Мы могли-бы ожидать этого,—говорить Брюнетьеръ,—во всякомъ случаѣ лишь въ той мѣрѣ, въ какой мы имѣли бы вѣру, а вѣра есть такая вещь, которая не дается сама собою. Во всѣхъ дѣлахъ міра сего бываютъ моменты, когда можно говорить, и бываютъ другіе моменты, когда приходится молчать; что-же касается настоящаго момента, то я не вижу, что могли-бы возразить мы, напримѣръ, противъ христіанской идеи объ отдѣленіи „нравственныхъ наукъ“ отъ „наукъ естественныхъ“. „Спаивать“ ихъ, во что-бы то ни стало, другъ съ другомъ, было, какъ извѣстно, химерой Тэна, и нѣтъ ничего тяжеле и печальнѣе въ его послѣднихъ сочиненіяхъ, какъ его усилія убѣдить самого себя, что это ему удалось. Но если-бы даже всѣ наши инстинкты имѣли чисто животное происхожденіе,—гипотеза, которую едва-ли можно абсолютно допустить,—все-таки оставался-бы несомнѣннымъ тотъ фактъ, что чрезъ шесть тысячъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ цивилизація стремилась освободить насъ отъ рабства природы, они стали странно различаться отъ себя самихъ. Мы все-таки составляли-бы во вселенной, вопреки Спинозѣ, какъ-бы „царство въ царствѣ“. И если-бы этотъ новый детерминизмъ, этотъ нравственный детерминизмъ, былъ условіемъ человѣческой природы, онъ не имѣлъ-бы ничего общаго съ тѣмъ детерминизмомъ, который „обуславливаетъ“ явленія физическихъ и естественныхъ наукъ. Когда-то упрекали оффиціальныи спиритуализмъ,—спиритуализмъ Кузэна и Жюффруа,—за то, что онъ хотѣлъ всюду и во что-бы то ни стало вводить мораль. Если современный позитивизмъ впалъ въ противоположное излишество, если онъ хотѣлъ разсматривать мо-

рально такъ, какъ онъ разсматривалъ физиологію, то этимъ онъ не менѣе уклонился отъ истинной цѣли. Ничто не уполномочивало его производить подобную путаницу понятій, первымъ слѣдствіемъ которой было подчиненіе нравственности научному знанію. Таковъ первый пунктъ, въ которомъ мы можемъ согласиться съ ученіемъ Церкви, и я не имѣю нужды показывать его вожность.

„А вотъ и другой пунктъ. Быть можетъ, самымъ тяжкимъ заблужденіемъ, какое допустила философія прошлаго столѣтія,— въ лицѣ Дидро столько-же, если не больше, чѣмъ въ лицѣ Руссо, — было то, что она замѣнила догматъ о коренной порчѣ человѣка догматомъ о его естественной добротѣ. И здѣсь, и въ другомъ мѣстѣ я не разъ старался доказать то, что такой скептикъ, какъ Бэйль, котораго никто не обвинить въ малодушіи, называлъ „необходимостью обуздывающаго начала“. Если природа безнравственна, то въ насъ она такова-же, какъ и внѣ насъ. И если мы признаемъ это съ абсолютною увѣренностью, то какъ могутъ изумить или оскорбить насъ слѣдующія слова энциклики *Humanae Genus*: „Такъ какъ человѣческая природа повреждена первороднымъ грѣхомъ и вслѣдствіе этого сдѣлалась расположенной гораздо болѣе къ пороку, чѣмъ къ добродѣтели, то честность невозможна, если не обуздывать мятежныя движенія души и не подчинять вождельнія разуму... Но натуралисты отрицаютъ, чтобы отецъ рода человѣческаго согрѣшилъ и чтобы, слѣдовательно, силы свободной воли сколько-нибудь ослабѣли или сдѣлались склонны ко злу. Совершенно наоборотъ, они преувеличиваютъ могущество и превосходство природы и, полагая въ ней единственный принципъ и норму справедливости, не могутъ даже понять необходимости дѣлать постоянныя усилія и выказывать великое мужество, чтобы сдерживать свои разнузданные инстинкты и управлять ими“. Эти слова—сама истина. Чтобы признать это, не нужно быть ни протестантомъ, ни католикомъ; можно быть эволюціонистомъ. Болѣе того,—для эволюціонистовъ-то именно и невозможно создать себѣ иное представленіе о человѣческой природѣ. Въ самомъ дѣлѣ, кровь, которая течетъ въ нашихъ жилахъ, не есть—ли для нихъ та-же, которая

текла въ доисторическія времена въ жилахъ нашихъ первыхъ предковъ, и не несетъ-ли она нѣкоторымъ образомъ вѣчно въ себѣ огонь ихъ похотливыхъ и свирѣпыхъ инстинктовъ? Если, безъ сомнѣнія, строгая апологетика (l'apologétique orthodoxe) имѣетъ свои основанія не пользоваться такимъ аргументомъ, то нѣкоторые приверженцы идеи эволюціи,—къ коимъ принадлежимъ мы,—были отчасти убѣждены этимъ именно доводомъ. Итакъ, вотъ второй пунктъ, въ которомъ мы можемъ быть согласны: добродѣтель есть только побѣда воли надъ природою, или, говоря безъ метафоръ, воля опредѣляетъ себя, лишь освобождаясь отъ природы.

„Съ такою-же легкостью мы допустимъ еще, что „соціальный вопросъ“ есть лишь „моральный вопросъ“. Эти слова стоять въ заглавіи, которое одинъ нѣмецкій философъ недавно далъ одной изъ своихъ книгъ, и, конечно, было-бы большимъ приобрѣтеніемъ, если-бы мы когда-нибудь поняли весь ихъ смыслъ. *Соціальный вопросъ моральный вопросъ.* (Th. Ziegler, *Die soziale Frage—eine sittliche Frage*, 1890). Это на самомъ дѣлѣ значить, что какъ-бы ни обольщали себя, въ дѣйствительности нѣтъ и никогда не будетъ научныхъ средствъ уничтожить неравенство усилій среди людей,—да и нужно-ли въ концѣ концовъ желать, чтобы они были? напротивъ, всегда будутъ и всегда были нравственные средства ослабить тѣ послѣдствія этого неравенства, которыя прискорбны для сердца и еще болѣе возмутительны для ума. Это, далѣе, значить, что „общественный договоръ“ не есть страховой контрактъ и что, слѣдовательно, никто изъ насъ не могъ-бы сложить съ себя бремя своего долга къ ближнимъ на безыменную власть и пользоваться выгодами общества, лишь платя за это финансовыя налоги. Наконецъ, это значить, что независимо отъ обязанностей кое—чего не дѣлать, для насъ существуютъ еще обязанности дѣйствовать, и первая изъ этихъ обязанностей заключается въ томъ, чтобы мы стремились уничтожить въ себѣ корень эгоизма, кроющійся въ нашей животной привязанности къ жизни... Но я не разсматриваю здѣсь „соціального вопроса“, и для меня достаточно только показать, что разумѣютъ, когда превращаютъ его въ нравственный вопросъ.

При такой постановкѣ этого вопроса выводъ понятенъ самъ собою: если будутъ искать рѣшенія соціальной проблемы въ аналогіяхъ естественной исторіи, какъ дѣлаютъ наши соціологи, или въ тиранническомъ расширеніи полномочій государства, какъ дѣлаютъ соціалисты, или въ разрушеніи всего общества, какъ пытаются анархисты, то не найдутъ его, этого химерическаго рѣшенія; къ нему приблизятся лишь тогда, когда будутъ искать его въ морали личнаго усилія“!

Брюнетьеръ заканчиваетъ свою статью такими словами:

„Заключеніе очевидно. Когда согласны въ трехъ или четырехъ пунктахъ столь большой важности, то нѣтъ даже нужды обсуждать условія соглашенія: оно состоялось само собою. Если даже соединенныя силы людей въ теченіе нѣсколькихъ человѣческихъ поколѣній не успѣютъ поставить эти три или четыре пункта внѣ всякихъ сомнѣній; то было бы уже родомъ преступленія и, во всякомъ случаѣ, самую непростительною глупостью пытаться направить эти силы противъ нихъ самихъ, или разъединить ихъ во имя доводовъ экзегетики и геологіи. Пусть общественный прогрессъ былъ-бы достигнутъ цѣною нѣкоторой временной жертвы,—ничтожной жертвы, которая не повредила-бы ни нашей независимости, ни нашему достоинству, а лишь немножко коснулась-бы нашего тщеславія,—колебаться изъ-за этого было-бы непозволительно. Вѣдь, сначала нужно жить. а жизнь не есть ни созерцаніе, ни умозрѣніе, а дѣйствіе. Больной не задумывается надъ предписаніями, лишь бы только его вылѣчили. Когда домъ горитъ, то единственный вопросъ для всѣхъ его обитателей заключается въ томъ, чтобы потушить огонь. Или, если угодно, еще одно сравненіе. болѣе благородное и, можетъ быть, болѣе вѣрное,—не время и не мѣсто противопоставлять капризъ индивидуума общимъ интересамъ, когда находишься на полѣ битвы“.

П. Соколовъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПАДНАЯ СРЕДНЕВѢКОВАЯ МИСТИКА

И

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

(Продолженіе *).

III.

Секта Беггардовъ, извѣстная также подъ именемъ „Братьевъ и сестеръ свободаго духа“.—Происхожденіе этой секты, распространеніе ея въ Германіи и мѣры противъ нея.—Мистико-пантеистическія особенности системы Беггардовъ.—Отношенія пѣмцевъ Беггардовъ къ другимъ мистикамъ. Дальнѣйшія отрасли Беггардовъ: „Гюрлюпены, Разумные люди и Адамиты“.—Существенныя историческія свѣдѣнія объ этихъ новыхъ сектахъ.—Общія выводы объ особенностяхъ западныхъ средневѣковыхъ мистическихъ сектъ.

Высшаго и крайняго развитія средневѣковый мистицизмъ достигъ въ сектѣ Беггардовъ. Эта секта получила свое названіе со стороны нѣмецкаго народа главнымъ образомъ потому, что она впервые появилась въ средѣ религіозныхъ обществъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Беггардовъ и Бегвинокъ“, состоявшихъ изъ лицъ обоего пола, которыя, поддерживая свое существованіе милостынею, добровольно посвящали себя въ особыя для нихъ устроенныхъ домахъ, или богадѣльняхъ, частнымъ религіозно-аскетическимъ подвигамъ—молитвѣ, посту, чтенію Священнаго Писанія и назидательнымъ бесѣдамъ о религіозныхъ предметахъ. По самому словопроизводству, названіе Беггардовъ одинаково обозначаетъ лицъ „молящихся“ и „нищенствующихъ“, какъ это видно изъ значенія древне-нѣмецкаго слова *bedden*—молиться и нищенствовать ¹⁾. Очевидно,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1896 г. № 7.

¹⁾ Нельзя сказать, чтобы всѣ ученые были согласны въ объясненіи смысла такого названія мистической секты, но большинство изъ нихъ склоняется къ та-

при первоначальномъ возникновеніи, общества эти преслѣдовали возвышенныя религіозно-нравственныя цѣли, ради которыхъ они даже до извѣстной степени отрекались отъ мірскихъ занятій. Но такъ какъ Беггарды и Бегвинки въ своихъ частныхъ религіозныхъ упражненіяхъ не подчинялись надлежащему руководству со стороны католическаго духовенства: то съ теченіемъ времени, подъ воздѣйствіемъ различныхъ другихъ условій, они стали склоняться къ мистицизму. Многіе изъ нихъ вошли въ составъ уже извѣстнаго намъ пietetического общества „Друзей Божіихъ“, а другіе пошли дальше въ развитіи мистической доктрины, образуя изъ себя опредѣленную еретическую секту, рѣшительно ставшую во враждебное отношеніе къ католической церкви. Тогда-то сектанты сами стали называть себя „Братьями и сестрами свободнаго духа“, желая этимъ показать, что какъ озаренные Духомъ Святымъ, обожествленные, они независимы въ религіозно-нравственной жизни, какъ отъ Церкви, такъ и отъ всякаго авторитета, согласно съ превратно истолковываемыми словами Священнаго Писанія: „гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода“ (2 Кор. III, 17) ¹⁾. Первые ясныя слѣды еретическаго мистицизма въ об-

кому мнѣнію. Мозгеймъ въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи о Беггардахъ производитъ это названіе отъ древне-саксонскаго *beggen*, или *behen* молиться, для чего, по его мнѣнію, служили особые дома, устраиваемые благотворителями, извѣстные подъ именемъ *beginagia* (*Mosheim, De Beghardis et Begninabus. Commentarius Lips. 1790. 98—105*). Такого объясненія придерживается Ганъ (*Hahn Geschichte der Ketzler im Mittelalter*). Другіе ученые находятъ, что Беггарды получили свое названіе отъ основателя общества Люттихскаго священника Ламберта Берге (*Hallmann, Geschichte des Ursprungs der belg. Beghinen Berl. 1843. Preger, Geschichte der deutsch. Mystik 1, 2—3*). Наконецъ, въ послѣднее время Жюндъ производитъ названіе Беггардовъ отъ *beggen* нищенствовать, указывая между прочимъ, въ оправданіе своего объясненія на то, что Беггарды и Бегвинки пытались милостынею даже въ XV в., не смотря на то, что для нихъ были устроены особыя богадѣльни, или *Beguinafia* (*Jundt, Histoire du Pantheisme p. 43—44*).

¹⁾ На эту широкую автономію въ религіозной жизни Беггардовъ указываетъ Булла Климента V въ 1311 году (*Hahn, op. cit. 784*). Но впервые названіе Братевъ и Сестеръ свободнаго духа было примѣнено въ 1317 году Страсбургскимъ епископомъ Іоанномъ Оксенштейномъ. *Nonnulli, qui sub nomine cujusdam fictae et praesumptae religionis, quos vulgus Beghardos et Schwestrones, Brod Durch Gott nominant, ipsi vero et ipsae se de secta liberi Spiritus et Voluntariae Paupertatis Pravos Fratres vel Sorores vocant. Statutum Iohannis episcopi Argentini Mosheim, de Beghardis p. 255. Hahn, op. cit. B. II, 779.*

шествѣ Беггардовъ и Бегвинокъ замѣчены были въ XIII в. Извѣстный схоластикъ Альбертъ в. въ первый разъ встрѣтилъ еретиковъ Беггардовъ въ 1250 году въ нѣмецкомъ городѣ Кельнѣ и кратко изложилъ ихъ ученіе въ одномъ изъ своихъ богословскихъ руководствъ. Къ сожалѣнію, это сочиненіе Альберта было въ послѣдствіи утеряно. Но писатель XV в. *Іоаннъ Нидеръ* († 1438) еще имѣлъ возможность пользоваться имъ. Строгій монахъ былъ такъ пораженъ еретическою доктриною Беггардовъ, что не рѣшился буквально воспроизвести основныхъ положеній ихъ, какъ „богомерзкихъ и пагубныхъ для правственности“, а ограничился только общою характеристикою секты, уподобляя ее „вреднѣйшей язвѣ, вносящей страшную заразу въ Церковь и государство, подъ предлогомъ стремленія къ ложной свободѣ“¹⁾. Въ 1261 году въ Швабіи явились еретики, подобныя тѣмъ, какіе были въ Кельнѣ; пропагандируя свое ученіе, они произвели смуту въ монастыряхъ. По словамъ одного анналиста, сектанты старались прервать регулярную монашескую жизнь, убѣждая монаховъ оставить монашескую дисциплину, потому что „Богу можно гораздо лучше служить въ свободѣ духа“. Противниковъ монашества, оказавшихся членами общества Беггардовъ и Бегвинокъ, стали преслѣдовать епископы, признавшіе необходимымъ разрушить тѣ богадѣльни, которыя служили пріютами сектантовъ. Послѣдніе рѣшились на особую хитрость, чтобы сохранить свою самостоятельность. Нѣкоторыя женщины, принимавшія на себя фарисейскую набожность, выразили готовность подчиниться опредѣленному уставу Августина лишь бы только имъ было дозволено жить въ прежнихъ богадѣльняхъ, или келліяхъ при

1) Reperi in libro Manuali, quem pro se totum Dominus Albertus manu conscripsit propria, eum annotasse, quod suo tempore Coloniae fuerit eadem haeresis... Antiqua est igitur haec pestis origine, ad libertatis speciem tendens *Nider*, de visionibus et revelationibus opus rarissimum ed *Hermann Hardt*. Helmstadii 1692 p. 338, 339 lib. IV. cap. V. Прегеръ находить, что положенія Альберта буквально сходны съ тѣми, которыя находятся въ прилагаемой къ его сочиненію рукописи подъ заглавіемъ: „compilatio de novo Spiritu. Haec continet C errores minus tribus *Preger*, op. cit. 172, 461—471.—Эту же рукопись отчасти въ исправленномъ видѣ помѣстилъ въ своемъ собраніи первоисточниковъ по исторіи ересей Деллингеръ. *Döllinger*. Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters München 1890. II, 395—402.

храмахъ. Эти женщины, очевидно, были изъ числа тѣхъ Бегвинокъ, которыя уже принадлежали къ сектѣ, и формально склонялись къ регулярной монашеской жизни, чтобы избѣжать преслѣдованій. Въ 1290 году лекторъ Базельскихъ францисканцевъ приказалъ схватить въ Кольмарѣ двухъ Беггардовъ съ Бегвинками и нѣсколько въ самомъ Базелѣ, заподозривъ ихъ въ ереси ¹⁾. Такъ въ XIII в. начинается въ разныхъ мѣстахъ Германіи распространеніе новаго сектантства. Но въ XIV в. оно уже охватываетъ всю Германію и открыто пытается пріобрѣсти себѣ полную свободу. Самые главные города Германіи Кельнъ, Майнцъ и Страсбургъ стали средоточными пунктами Братьевъ и Сестеръ свободнаго духа. Съ этого же времени начинаютъ издаваться противъ нихъ со стороны католической іерархіи постановленія, благодаря которымъ намъ становится возможнымъ съ большею определенностью представить ученіе и особенности въ жизни новыхъ сектантовъ. Съ 1306 года Кельнскій архіепископъ *Генрихъ I Виртенбургскій* издалъ статутъ противъ Беггардовъ, позволявшихъ себя называть апостолами (*Beggardos et Beggardas ac qui Apostolos appellant*), въ которомъ упрекаетъ сектантовъ въ томъ, что они, презирая честный трудъ, ведутъ нищенскую жизнь и, подъ предлогомъ собиранія милостыни, пропагандируютъ между вѣрными католиками свое еретическое ученіе ²⁾. Здѣсь приведены слѣдующія еретическія положенія Беггардовъ.—„Кто мнѣ (т. е. Беггарду) не слѣдуетъ тотъ не можетъ быть святымъ, потому что я не грѣшу“ ³⁾. „Богъ будетъ нѣкогда находиться въ состояніи потери“ ⁴⁾ (т. е. прекратитъ свое личное существованіе).—„Тѣ, которые руководятся Духомъ Божіимъ, уже не находятся подъ закономъ,

¹⁾ *Jundt, Histoire du Pantheisme* p. 48. *Mosheim, op. cit.* 199—201.

²⁾ *Statutum Henrici Archiep. Coloniensis (1306) Mosheim, 211—218 Hahn B. II, 775—778.*

³⁾ *Qui non sequitur me, non potest salvari, quia soleo peccare... Justos se esse et sine peccato jactantes. Sed erubescant profecto impii attendentes Apostolum Paulum, qui ait: nihil mihi conscius sum, sed in hoc justificatus sum. Et alibi beatissimus Iohannes: si enim dixerimus, quod peccatum non habeamus, nos ipsos decipiemus. Hahn op. cit. II, 777.*

⁴⁾ *Blasfemant, Deum fore in quadam perditione... Ibid.*

ибо написано: законъ не лежитъ на праведномъ живущемъ безъ грѣха“¹⁾.—„Обыкновенное нарушеніе цѣломудрія—не грѣхъ“²⁾.—„Правила святыхъ и церковныя постановленія не имѣютъ силы.—„Всякій имѣющій законную жену ради того, чтобы слѣдовать Богу, можетъ развестись съ нею противъ ея воли“³⁾.—„Все это еретики признавали за откровеніе небесное, хотя, по словамъ статута, сатана нерѣдко преобразается въ ангела свѣта“⁴⁾. Статутъ Генриха Виртенбургскаго заканчивается угрозами, что при дальнѣйшемъ упорствѣ въ своихъ заблужденіяхъ сектанты будутъ отлучаемы отъ Церкви и строго преслѣдуемы. Однако эти угрозы не устрасили еретиковъ: число ихъ въ Кельнѣ скоро увеличилось. Смѣлость сектантовъ дошла до того, что они открыли успѣшную пропаганду своего ученія въ средѣ доминиканцевъ и францисканцевъ. Это обстоятельство побудило одного изъ нищенствующихъ братьевъ опровергнуть еретическую доктрину съ церковной кафедры. Возбужденіе противъ Беггардовъ еще болѣе усилилось послѣ того, какъ доходы нищенствующихъ братьевъ стали чувствительно уменьшаться. Было ясно, что авторитетъ монаховъ въ народѣ значительно подрывался. Тогда найдено было необходимымъ вызвать въ Кельнъ одного изъ знаменитѣйшихъ богослововъ, чтобы съ большею основательностью опровергнуть доктрину, борьба съ которою для мѣстнаго духовенства оказывалась непосильною. Въ 1307 году прибылъ въ Кельнъ извѣстный представитель схоластической теологіи *Дунсъ Скоттъ* и энергично принялся за составленіе трактата противъ еретиковъ; но въ слѣдующемъ году великій теологъ умеръ, не успѣвъ окончить возложенной на него миссіи⁵⁾. Въ 1310 году архіепископъ Майнскій Петръ выставилъ на видъ опасность для католиковъ со стороны Беггардовъ, которые, бродя по городамъ и селамъ и настойчиво

1) Qui spiritu Dei aguntur, non sunt sub lege, quia scriptum est: lex non est imposita justo.

2) Item dicunt fallaciter mentientes, simplicem fornicationem non esse peccatum. Ibid.

3) Quilibet habens uxorem legitimum, causa sequendi Deum propria voluntate, eam invita ea possit dimmittere... Ibid.

4) Haec revelatio sit coelestis, cum Satan in lucis angelum se transformet. Ibid.

5) *Iundt. op cit p. 49.*

выпрашивая хлѣба ради Бога, пропагандировали ересь частію публично, частію тайно, составляя нерѣдко свои собранія въ пещерахъ, или въ особыхъ вертепахъ ¹⁾. Въ томъ же году Трирскій соборъ сдѣлалъ особое постановленіе противъ Беггардовъ, которое знакомитъ насъ съ внѣшними особенностями секты. „Въ городѣ и діоцезѣ Трирскомъ, говорится въ актахъ этого собора, есть извѣстное число мірянъ, называемыхъ Беггардами, по имени мнимой конгрегаціи, къ которой они притворно себя причисляютъ: они отличаются особою одеждою, являясь публично одѣтыми въ длинныя туники съ большими капюшонами и избѣгаютъ всякаго труда. Въ извѣстное время они устраиваютъ собранія, въ которыхъ, въ присутствіи легковѣрныхъ лицъ, выдаютъ себя за глубокихъ знатоковъ и толкователей Священнаго Писанія. Мы осуждаемъ собранія, не принадлежація къ духовнымъ конгрегаціямъ; участниковъ ихъ признаемъ обманщиками и бродягами“ ²⁾. Римскій папа Климентъ V въ посланіи на имя Кремонскаго епископа Райнерія (Rainerius de Causulis) заявляетъ уже, что Беггарды проникли въ Италію и здѣсь стали распространять свою ересь. „Съ глубокимъ прискорбіемъ мы узнали, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи, въ провинція Сполетской и въ прочихъ областяхъ, находится извѣстное число мужчинъ и женщинъ, пытающихся ввести въ церковь порочную жизнь, оправдывая ее свободою духа т. е., свободою дѣлать все, что угодно“ ³⁾. На Вьенскомъ соборѣ Климентъ V издалъ противъ этой секты двѣ буллы, изъ которыхъ въ первой сообщаются слѣдующія интересныя дополнительныя свѣдѣнія о женщинахъ, входившихъ въ составъ секты. „Мы узнали изъ достовѣрнаго источника, что существуетъ извѣстное число Бегвинокъ, которыя, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ сумасброд-

1) *Mosheim*, op cit. 202—205.

2) Qui sub praetextu cujusdam religionis fictae Begardos se appellant, cum tunicis longis et longis capuciis cum ocio intendentes, ac labores manuum detestantes, conventicula inter se aliquibus temporibus faciunt et conservant, seque fingunt coram personis simplicibus expositores sacrarum scripturarum: nos... Ibid.

3) Cum animi dolore se accepisse, in nonnullis Italiae partibus... Novum ritum a via salutis omnino degenerem... introducere mediantur, quem libertatis spiritum nominant, hic est libet, liceat. Bulla Clementis V. *Raynaldi*, Annales ad ann. 1311 n 66. *Mosheim*, 242.

ства, позволяютъ себѣ заниматься богословскими разсужденіями, проповѣдуютъ странныя мнѣнія о Троичности Лицъ, о божественной сущности, о членахъ вѣры, о таинствахъ церкви ¹⁾. Такимъ способомъ эти Бегвинки вводятъ въ заблужденіе многихъ простыхъ и легковѣрныхъ людей; мало того, эти женщины, подѣ покровомъ святости, допускаютъ много дѣлъ опасныхъ для душъ“... Папа взываетъ къ повсемѣстному уничтоженію института Бегвинокъ, приглашаетъ власти къ строжайшему преслѣдованію еретиковъ, не останавливаясь даже на отдѣленіи виновныхъ въ ереси отъ невинныхъ. Вторая булла направлена противъ нѣмецкихъ сектантовъ, состоявшихъ „изъ развратныхъ мужчинъ и женщинъ“. Эта булла обвиняетъ сектантовъ въ слѣдующихъ заблужденіяхъ ²⁾.—„Человѣкъ въ этой жизни можетъ достигнуть такой степени совершенства, что сдѣлается совершенно безгрѣшнымъ и не будетъ далѣе возрастать въ благодати. Ибо, если бы кто всегда возрасталъ тотъ могъ бы стать совершеннѣе Іисуса Христа ³⁾. Человѣкъ, достигшій высшей степени совершенства, не имѣетъ нужды въ молитвѣ и постѣ, ибо въ состояніи совершенства чувственное начало (*sensualitas*) такъ подчиняется духу и разуму, что человѣкъ можетъ предоставить своему тѣлу свободу во всемъ, что ему нравится ⁴⁾.—Тѣ, которые достигли указанной степени совершенства, не обязаны находиться въ повиновеніи, соблюдать какія-нибудь церковныя постановленія, ибо гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода ⁵⁾. По своему высшему совершенству

1) ...quid earum aliquae quasi perductae in mentis insaniam, de summa Trinitate et divina essentia disputent et praedicent, ac circa fidei articulos et ecclesiastica sacramenta opiniones, catholicae fidei contrarios introducant. Bulla Clementis V. *Hahn*, II, 785.

2) Ibid. 784.

3) Primo, quod homo in vita praesenti tantum et talem perfectionis gradum potest acquirere, quod reddetur penitus impeccabilis et amplius in gratia proficere non volebit: nam (ut dicunt) si quis semper posset proficere, posset aliquis Christo perfectior inveniri. Ibid.

4) Secundo, quod jejunare non oportet hominem, nec orare, postquam gradum perfectionis hujusmodi fuerit assequutus: quia tunc sensualitas est ita perfecte spiritui et rationi subjecta, quod homo potest libere concedere corpori, quidquid placet.

5) Tertio, quod illi, qui sunt in praedicto gradu perfectionis et spiritu libertatis, non sunt humanae subjecti obedientiae, nec ab aliqua praeepta Ecclesiae obligantur: (quia ut asserunt) ubi spiritus Domini, ibi libertas.

человѣкъ можетъ достигнуть уже въ пастоящей жизни такой полноты блаженства, какое послѣдуетъ въ будущей жизни ¹⁾. Всякая духовная природа сама по себѣ натурально блаженна и душа не нуждается въ небесномъ свѣтѣ, чтобы возвыситься къ Богу, созерцать Его и въ общеніи съ Нимъ быть блаженною ²⁾. Упражняться въ добродѣтели свойственно человѣку несовершенному, а совершенная душа свободна отъ обязательнаго выполненія добрыхъ дѣлъ ³⁾. Плотской грѣхъ не можетъ быть грѣхомъ, когда къ нему влечетъ природа, особенно если онъ допускается подъ вліяніемъ искушенія ⁴⁾. При поднятіи Тѣла Христова въ Евхаристіи, не слѣдуетъ ни вставать, ни выражать какихъ-нибудь знаковъ почтенія предъ нимъ, ибо было-бы дѣломъ несовершенства нисходить отъ чистоты и высоты созерцанія къ размышленію о таинствѣ Христовомъ, или о страданіи „Господа“ ⁵⁾. Со вступленіемъ на папскій престолъ Іоанна XXII (1316) преслѣдованіе секты еще болѣе усилилось. Въ 1317 году епископъ Страсбургскій *Іоаннъ Оксенштейнъ* написалъ посланіе къ духовенству своего діоцеза, въ которомъ онъ сообщаетъ новыя свѣдѣнія о сектѣ Беггардовъ съ указаніемъ на болѣе опредѣленное и широкое развитіе ихъ мистико-пантеистическихъ заблужденій сравнительно съ тѣмъ, какъ они формулированы по указаннымъ нами документамъ ⁶⁾. По словамъ Жюндта, это посланіе должно быть признано самымъ драгоценнымъ свидѣтельствомъ того, что имѣетъ отношеніе къ ученію и жизни сектантовъ, какъ по обстоятельно-

1) Quarto, quod homo potest ita finalem beatitudinem secundum omnem gradum perfectionis in praesenti assequi, sicut eam in vita obtinebit beata.

2) Quinto, quod quaelibet intellectualis natura in se ipsa naturaliter est beata: quodque anima non indiget lumine gloriae, ipsam elevante ad Deum videndum, et eo beate fruendum.

3) Sexto, quod se in actibus exercere virtutum est homini imperfecti, et perfecta anima licentiat a se virtutes.

4) Septimo actus carnalis (cum ad hoc natura inclinet) peccatum non est maxime cum tentatur exercens.

5) Octavo, quod in elevatione Corporis Iesu Christi non debent assurgere, nec eidem reverentiam exhibere: asserentes, quod esset imperfectionis eisdem, sua puritate et altitudine suae contemplationis descenderent, quod circa ministerium seu sacramentum Eucharistiae, aut circa Passionem humanitatis Christi aliqua cogitarent. *Hahn*, op. cit. II, 784.

6) Statutum Iohannis episcopi Argentinensis *Mosheim* 255. *Hahn*, op. cit. 778—782.

сти, такъ и точности содержанія ¹⁾). Страсбургскій епископъ видимо старался собрать возможно больше фактовъ для опредѣленія доктрины Беггардовъ. Его посланіе преимущественно составлено по справкамъ, собраннымъ инквизиторскою коммисією, назначенною съ спеціальною цѣлью дознанія еретиковъ. Сопоставленіе этихъ справокъ съ другими документами показываетъ, что они сдѣланы были безпристрастно. Заслуживаетъ вниманія, что въ этомъ посланіи Страсбургскаго епископа впервые дѣлается прямое указаніе на усвоеніе самими Беггардами и Бегвинками названія „Братьевъ и Сестеръ свободнаго духа“. Частное содержаніе посланія таково. „Въ нашемъ городѣ и въ нашемъ діоцезѣ находится извѣстное число сектантовъ, называемыхъ народомъ Беггардами и ниществующими сестрами, и которые сами себѣ усвояютъ названіе секты свободнаго духа, братьевъ и сестеръ добровольной нищеты (*secta liberi spiritus et voluntariae paupertatis, praevidos fratres et sorores*). Въ ихъ числѣ, къ нашему великому прискорбію, находятся монахи, священники и многіе женатые люди. Мы осуждаемъ всѣ доктрины и обряды секты; постановляемъ, чтобы еретики были изгнаны изъ своихъ жилищъ; чтобы дома, служащія ихъ убѣжищами, были проданы съ публичнаго торга въ пользу Церкви; чтобы книги, заключающія сектанское ученіе, были переданы священникамъ въ продолженіе пятнадцати дней и сожжены. Тѣ изъ сектантовъ, которые не покаются и не измѣнятъ одежды въ продолженіе пятнадцати дней, будутъ отлучены; равно какъ и тѣ, которые будутъ давать имъ милостыню. Далѣе представляются по пунктамъ слѣдующія семь заблужденій Беггардовъ. Первое заблужденіе касается ученія о Богѣ. „Они вѣрятъ и говорятъ, что Богъ есть формально все существующее. Человѣкъ можетъ такъ соединиться съ Богомъ, что будетъ желать и дѣлать все то, что свойственно Самому Богу. Они вѣрятъ, что тождественны съ Богомъ по природѣ, безъ всякаго отличія ²⁾). Въ нихъ заключены всѣ божественныя совершен-

¹⁾ *Jundt*, Histoire du Pantheisme. p. 51.

²⁾ *Credunt, quod Deus sit formaliter omne, quod est; item dicunt, quod homo possit sic uniri Deo, quod ipsius sit idem posse ac velle et operari quodcumque, quod est ipsius Dei. Item credunt, Se esse Deum, per naturam sine distinctione.*
Hahn op. cit. II, 779.

ства, такъ что, по своимъ словамъ, они—вѣчны и живутъ въ вѣчности. Они говорятъ, что все создали и болѣе создали, чѣмъ Богъ (*et plus creasse quam Deus*). Они ни въ комъ не нуждаются—ни въ Богѣ, ни въ Божествѣ. Они безгрѣшны, почему всякое грѣховное дѣйствіе ими совершается безъ грѣха ¹⁾. Они составляютъ небесное царство. Они даже неподвижны на девятой скалѣ, такъ что ничѣмъ не радуются и ничѣмъ не волнуются ²⁾. Если бы однимъ словомъ они могли освободиться отъ какихъ-нибудь страданій или отъ смерти, то не пожелали бы этого³⁾. Второе заблужденіе касается ученія о Лицѣ Иисуса Христа. „Они вѣрятъ, что всякій совершенный человѣкъ есть Христосъ по природѣ. Христосъ пострадалъ не за насъ, но за Себя Самаго ³⁾. Они не оказываютъ дѣлу Христа никакого почитенія, но отворачиваются отъ освященной гостіи и говорятъ, что освященная гостія имѣетъ для нихъ вкусъ помета во рту. Они вѣрятъ, что человѣкъ можетъ превзойти заслуги Христа ⁴⁾. Ничто не должно совершаться ради какой-нибудь награды даже ради небеснаго царства. Человѣкъ совершенный долженъ быть свободенъ отъ всякой добродѣтели, отъ Христа, отъ размышленія о страданіи Его, долженъ быть свободенъ отъ Самаго Бога“ ⁵⁾. Третье заблужденіе касается ученія о Церкви. „Они вѣрятъ, что католическая Церковь, или христіанство лишены смысла. Совершенный человѣкъ вполнѣ свободенъ отъ обязательнаго выполненія заповѣдей, данныхъ Богомъ Церкви ⁶⁾, какъ заповѣдуются о почитаніи родителей по необходимости. Въ силу этой свободы человѣкъ не долженъ придерживаться

1) Item, quod sunt impeccabiles, unde quemcunque actum peccati faciunt sine peccato.

2) Item, quod sunt etiam immutabiles in nona rupe, quod de nullo gaudent et de nullo turbantur...

3) Dicunt, se credere, quod quilibet homo perfectus sit Christus per naturam, Christus non est passus pro nobis, sed pro se ipso.

4) Item dicunt, se credere, quod aliquis homo possit transcendere meritum Christi.

5) Item, quod homo perfectionis debet esse liber ab omni virtute, a Christo, ab ejus passione cogitando et a Deo.

6) Dicunt, se credere ecclesiam Catholicam, sive christianitatem fatuam esse, vel fatuitam. Item quod homo perfectus sit liber in totum, quod tenetur ad servandam precepta data ecclesiae a Deo.

постановленій прелатовъ и церковныхъ статутовъ. Здоровый человѣкъ, даже если онъ не принадлежитъ къ какому-нибудь ордену, не обязывается трудомъ поддерживать свое существованіе; но свободно можетъ принимать милостыню, опредѣляемую для бѣдныхъ. Они вѣрятъ, что все—общее, что воровство—дозволительно“ ¹⁾. Четвертое заблужденіе касается ученія о таинствахъ. „Они вѣрятъ, что всякій добрый мірянинъ можетъ совершать таинство Евхаристіи, какъ и грѣшный священникъ ²⁾; священникъ, снявшій свое церковное облаченіе—то же, что мѣшокъ безъ хлѣба. Христосъ присутствуетъ во всякомъ хлѣбѣ точно также, какъ и въ таинствѣ Евхаристіи. Для спасенія нѣтъ нужды исповѣдываться священнику ³⁾. Принятіе таинства Евхаристіи отъ мірянина имѣетъ такое же значеніе для спасенія, какъ и торжественное совершеніе мессы священникомъ. Пятое заблужденіе касается ученія о раѣ и адѣ. „Они вѣрятъ, что послѣдняго суда не будетъ, но что человѣкъ подлежитъ суду только тогда, когда онъ умираетъ. По ихъ мнѣнію, нѣтъ ни ада, ни чистилища. По смерти человѣка только одинъ духъ возвратится къ Тому, изъ Кого онъ вышелъ (exivit) и съ Нимъ соединится, такъ что не останется ничего, кромѣ того, что отъ вѣчности было Богомъ ⁴⁾. Никто не будетъ осужденъ, ни Іудей, ни Сарацинъ, потому что по смерти тѣла, духъ возвратится къ Господу. Человѣкъ болѣе старается слѣдовать внутреннему инстинкту, чѣмъ истинѣ Евангелія, которая ежедневно проповѣдывается“. Шестое заблужденіе имѣетъ отношеніе къ Священному Писанію. „Они вѣрятъ, что въ Евангеліи есть много поэтическаго, но неистиннаго. Таковы, напримѣръ, слѣдующія евангельскія слова: придите, блаженные, и проч. Они думаютъ, что люди болѣе должны вѣрить человѣческимъ мы-

¹⁾ Item dicunt, se credere, omnia esse communia, furtum eis licitum esse.

²⁾ Dicunt se credere, quod quilibet laicus bonus potest conficere Corpus Christi, sicut sacerdos peccator.

³⁾ Corpus Christi aequaliter est in qualibet pane, sicut in pane sacramentati.—Confiteri non est necessarium ad salutem.

⁴⁾ Dicunt se credere quod iudicium extremum non sit futurum, sed quod tunc est iudicium hominis solum cum moritur. Item quod non est infernus, nec purgatorium. Item quod mortuo corpore hominis solus spiritus redibit ad eum, unde exivit et eum eo reunietur sic, quod nihil remanebit, nisi quod ab aeterno fuit Deus.

слямъ, исходящимъ отъ сердца, чѣмъ евангельскому ученію ¹⁾. Они говорятъ, что если были бы уничтожены всѣ католическія книги, касающіяся догматовъ вѣры, то нѣкоторые изъ нихъ могли бы составить лучшія. Говорятъ также, что за находящихся въ чистилищѣ не слѣдуетъ молиться. Седьмое заблужденіе касается почитанія святыхъ. „Они вѣрятъ, что ихъ совершенные люди превосходятъ святыхъ, что нѣкоторые изъ нихъ превзошли Дѣву Марію въ трехъ добродѣтеляхъ; иные изъ нихъ совершеннѣе апостола Павла; нѣкоторые изъ нихъ въ силу своего полного совершенства не могутъ ни понижаться, ни возрастать въ святости ²⁾ Совершенный человѣкъ не нуждается въ этой жизни въ богословскихъ добродѣтеляхъ, какъ вѣра, надежда и любовь“.

Важность этихъ заблужденій объясняетъ, почему съ этого времени Братья и Сестры свободнаго духа стали подвергаться особенно тяжкимъ преслѣдованіямъ. Тѣ изъ нихъ, которые укрывались отъ инквизиторовъ, убѣжали въ Гессенію, Саксонію и Тюрингію; большое число изъ нихъ изъ Страсбурга направилось къ Майнцу и Кельну. Іоаннъ Оксенштейнъ новымъ посланіемъ въ 1318 году предупреждалъ вормскаго епископа поспѣшить принятіемъ мѣръ противъ бѣглыхъ сектантовъ и дѣйствовать противъ нихъ со всею строгостью. По словамъ одного хрониста Вильмфеллинга ³⁾, Страсбургскій епископъ успѣлъ искоренить ересь въ своемъ діоцезѣ; но дальнѣйшія обстоятельства показываютъ, что въ этомъ случаѣ достигнутъ былъ успѣхъ временный, благодаря личной энергіи Іоанна Оксенштейна. По истеченіи нѣкотораго періода, секта здѣсь опять появляется. Между тѣмъ въ Кельнѣ секта стала пользоваться спокойствіемъ съ 1306 года. Это спокойствіе по-

¹⁾ Contra Evangelio dicunt, se credere, multa ibi esse poetica, quae non sunt vero... Item quod magis hominis debent credere humanis conceptibus, qui procedunt ex corde, quam doctrinae Evangelicae.

²⁾ Errando dicunt, se credere, quod perfecti homines communiter transcendere possint et perfectiores sunt gloriosa virgine, et quadam eam transcendisse in tribus virtutibus. Item communiter aliqui inter eos perfectiores sunt S. Paulo. Item quod quidam ex eis adeo sunt perfecti, ut non possint deficere, nec proficere in sanctitate. Epistola Iohanni Episcopi Argentini. *Hahn*, II, 780.

³⁾ *Jundt*, Histoire du Pantheisme p. 54.

зволяло сектантамъ значительно увеличить число своихъ членовъ путемъ пропаганды своего ученія и свободно устраивать жизнь свою по его началамъ. Мало по малу весь городъ заразился ересью ¹⁾. Только съ 1319 года здѣсь принимаются мѣры противъ еретиковъ: въ этомъ году былъ сожженъ на кострѣ одинъ священникъ, принадлежавшій къ сектѣ. Въ 1322 году былъ схваченъ одинъ изъ главарей секты голландецъ Вальтеръ, поселившійся въ Кельнѣ, послѣ нѣкотораго пребыванія въ Майнцѣ. Это былъ весьма упорный еретикъ, но осторожный и хитрый (*in errore pertinacissimus, homo discretus, cautus*). Онъ превосходилъ другихъ сектантовъ своимъ образованіемъ, такъ что письменно пропагандировалъ еретическій мистицизмъ въ особомъ сочиненіи на нѣмецкомъ языкѣ ²⁾. Въ темницѣ, за нѣсколько времени до казни, Вальтеръ сознался, что у него много послѣдователей въ городѣ и окрестностяхъ. Розыски усилились. Въ 1325 году было схвачено особенно много Беггардовъ и Бегвинокъ, изъ которыхъ одни были сожжены, а другіе потоплены въ Рейнѣ. Одинъ современникъ, монахъ Вильгельмъ Эгмондани рассказываетъ, что сектанты стали составлять свои собранія въ особомъ подземельѣ ³⁾; они привлекали туда городскихъ женщинъ и устраивали ночью свой культъ, напоминающій радѣнія нашихъ хлыстовъ: здѣсь лица обоихъ половъ, въ состояніи полной наготы, предавались грубому разврату (*facientes permiscuos concubinatus*). Этимъ культомъ сектанты какъ бы символизировали возстановленіе первоначальнаго райскаго состоянія Адама и Евы. Въ 1328 году было сожжено въ Кельнѣ до пятидесяти сектантовъ ⁴⁾. По смерти архіепископа Генриха Виртенбургскаго, извѣстнаго своимъ первымъ посланіемъ противъ сектантовъ, его преемникъ, Вальрамъ назначилъ особаго комиссара съ тѣмъ, чтобы онъ всеми силами препятствовалъ Беггардамъ утвердиться въ его діоцезѣ и по

1) *Præcipua ejus (sectae) sedes in Germania Colonia erat. Mosheim. p. 270.*

2) *Mosheim p. 272.*

3) *Sub terra quoddam mirabile habitaculum fecerent, qui Paradisum vocabant. Duo ibidem aderant, qui se Mariam et ejus filium asserebant. Ibid. 278. Iundt, Histoire du Pantheisme p. 54.*

4) *Iundt. Ibid. p. 103.*

возможности хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ примирилъ съ церковью. Въ 1335 году онъ издалъ новые статуты противъ Беггардовъ ¹⁾. Также поступилъ въ 1357 году его преемникъ Вильгельмъ, который, между прочимъ, въ своемъ статутѣ заподозрѣваетъ само католическое духовенство въ сочувствіи ереси и угрожаетъ строгими наказаніями тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя не будутъ ревностно исполнять его распоряженій, предпринятыхъ противъ Беггардовъ. Это былъ послѣдній кельнскій архіепископъ, преслѣдовавшій Беггардовъ; съ этого времени они исчезаютъ изъ Кельна. Но несомнѣнно, эти сектанты только переселились въ другія мѣста, которыя показались болѣе безопасными. По крайней мѣрѣ, мы продолжаемъ еще долго получать свѣдѣнія о появленіи ихъ въ разныхъ мѣстахъ Германіи. Въ Магдебургѣ архіепископъ Оттонъ въ 1336 году приказалъ арестовать нѣкоторыхъ Беггардовъ высокаго духа (*de altu spiritu*); но такъ какъ они отреклись отъ своихъ заблужденій и покаались, то были отпущены на свободу ²⁾. Въ томъ же году въ Эрфуртѣ былъ сожженъ на кострѣ выдающійся еретикъ Константинъ. Раздѣляя вообще заблужденія Беггардовъ, онъ, между прочимъ, лично выдавалъ себя за Сына Божія, утверждая, что между нимъ и Іисусомъ Христомъ не было никакого различія ³⁾. Этотъ же сектантъ позволялъ себѣ странное сужденіе о сравнительномъ достоинствѣ Евангелій, утверждая, что Евангелія Св. Марка и Луки представляютъ однѣ басни и только Евангелія Св. Матѳея и Іоанна заключаютъ истину ⁴⁾. По его словамъ, Бл. Августинъ и всѣ учителя Церкви ⁵⁾ должны быть признаны обманщиками, завѣдомо извращавшими истину; такими же обманщиками являются папы, епископы и всѣ духовныя лица ⁶⁾; таинства имѣютъ

¹⁾ *Mosheim*, 274 294—296.

²⁾ *Ibid.* 298—299.

³⁾ *Asseruit, se esse filium Dei, sicut Christum sine aliqua distinctione. Ibid.* 294—300.

⁴⁾ *Item dixit evangelia Marci et Lucae esse fabulas, Mathei autem et Iohannis evangelia concessit.*

⁵⁾ *Dixit Augustinum et omnes doctores nostros esse truphatores et sinceræ veritatis perversores.*

⁶⁾ *Item dixit, Papam, Episcopos et omnes sacerdotes esse hominum deceptores. Ibid.*

только воображаемую силу, измышленную духовенствомъ для удовлетворенія своего корыстолюбія ¹⁾. Очевидно, этотъ еретикъ, не ограничиваясь однимъ повтореніемъ общихъ сектантскихъ заблужденій, допускалъ и свои личныя мудрованія о сравнительномъ достоинствѣ евангелій и о значеніи церковнаго преданія, хотя его выводы были столько же дерзки, сколько голословны и парадоксальны; такъ какъ не подкрѣплялись никакою ваучною критикою. Въ 1339 году было схвачено въ Констансѣ три Беггарда, которыхъ обличили больше чѣмъ въ 30 заблужденійхъ, хотя изъ нихъ, впрочемъ, намъ извѣстны только четыре. Они свидѣлствуютъ, что крайній мистицизмъ въ своихъ послѣднихъ выводахъ по отношенію къ жизни можетъ сходиться съ самымъ грубымъ матеріализмомъ. Свои отрицательныя сужденія о Богѣ, о таинствахъ и о началахъ нравственности еретики выражали въ самой грубой казуистичной формѣ. Такъ они позволяли себѣ утверждать, будто и „въ самомъ презрѣнномъ насѣкомомъ (*in pediculo*) столько же Божества, сколько въ человѣкѣ, или въ какой-нибудь другой твари“. „Хлѣбъ, предназначенный для причащенія, неосвященный ли, или освященный, по словамъ еретиковъ, одинаково можетъ быть пригоденъ для человѣка, какъ и для кормленія свиней“ ²⁾. Осужденные еретики были отданы въ руки свѣтской власти, но въ виду предстоящей смертной казни они отрекались отъ заблужденій, почему наказаніе ихъ окончилось только пожизненнымъ заключеніемъ въ тюрьму. Новые еретики были открыты въ 1340 году въ Нюренбургѣ и въ Ратисбонѣ, гдѣ каноникъ Коврадъ Магдебургскій вразумлялъ ихъ, не достигши обращенія въ католичество ³⁾.

А. Вертеловскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Item de Eucharistia et allis sacramentis ecclesiae, sed talia propter avaritiam a clericis fore conficta asseruit. Ibid.

²⁾ Affermavit, quod in pediculo tantum Deitatis, vel divinae bonitatis vigeret, quantum in homine, vel alia qualibet creatura. Asseruit insuper, quod panis non consecratus vel hostiae panis consecratae in duobus cophinis positus, sui sive porco aequaliter cibus aptus esset. *Mosheim* op. cit. 301—305.

³⁾ De erroribus Beghardorum. Ex codice manuscripto Conradi de Monte Puelarum Ratisbonensis fragmentum contra Beghardos et Beginas. Bibliotheca maxima Patrum t. XXV, 310.

ИЗЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РУМЫНИИ.

(Продолженіе *).

II.

Если формальная сторона процесса митрополита Геннадія невольно возбуждаетъ недоумѣнія и пререканія, какъ это видно изъ самаго протеста митрополита; то еще большія недоумѣнія и пререканія должна возбуждать матеріальная или фактическая сторона этого процесса. Начать съ того, что слѣдственная коммиссія нашла возможнымъ разслѣдовать все это сложное дѣло въ какихъ-нибудь два дня (съ 17-го по 20-е мая) и Синодъ, не смотря на эту крайнюю поспѣшность, тоже нашелъ возможнымъ вполне согласиться съ заключеніями слѣдственной коммиссіи немедленно. Собственно-же говоря, никакого разслѣдованія и не было. Коммиссія вполне согласилась съ обвинительнымъ актомъ, представленнымъ въ Синодъ тремя епископами обвинителями; а Синодъ въ свою очередь цѣликомъ внесъ этотъ актъ въ свой обвинительный приговоръ, лишь пояснивъ и дополнивъ его согласно съ желаніемъ министра—президента. Эта быстрота судопроизводства, по которой Синодъ рѣшился тяжело осудить митрополита Геннадія, представляется тѣмъ болѣе поразительною, что дѣло касалось 14-ти обвинительныхъ пунктовъ; изъ коихъ 9-ть подлежали разсмотрѣнію исключительно Синода, а пять—совмѣстно съ высшимъ свѣтскимъ судомъ. Тѣмъ не менѣе уже 20-го мая митрополитъ Геннадій былъ окончательно осужденъ и лишенъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2, за 1897 г.

своего высокаго званія. За что же собственно его постигла эта тяжкая кара?

Синодальное рѣшеніе съ 14-ю обвинительными пунктами или главами начинается письмомъ митрополита Іосифа къ обвиняемому, и затѣмъ слѣдуетъ изложеніе, какъ каноническихъ основаній обвиненія, такъ и предосудительныхъ дѣйствій обвиненнаго. Въ письмѣ къ митрополиту Геннадію высказывается упрекъ за то, что онъ, вопреки 74 апостольскому правилу, не явился въ Синодъ для засѣданія ни 17-го мая, ни 18, и только 20 мая, послѣ троекратнаго приглашенія, предсталъ предъ Синодомъ, но не для того, чтобы быть судимымъ, а для того, чтобы 1) протестовать противъ недоущенія его свѣтскаго защитника, который посланъ былъ имъ съ цѣлію опровергать несправедливыя обвиненія; и 2) чтобы протестовать противъ самаго состава Синода, члены котораго въ одно и то же время являлись и обвинителями, и судьями. Митрополитъ Іосифъ опровергаетъ первый протестъ главнымъ образомъ на томъ основаніи, что по требованію синодальнаго регламента отъ 1873 года „синодальныя засѣданія не должны быть публичными“; а второй протестъ главнымъ образомъ на томъ основаніи, что, хотя по смыслу 12-го правила Кароагенскаго собора, епископъ въ крайнемъ случаѣ „долженъ быть судимъ 12 епископами, но по требованію того-же регламента (членъ 57) онъ можетъ быть судимъ и абсолютнымъ большинствомъ членовъ, т. е. семью изъ двѣнадцати. Митрополитъ Іосифъ, вмѣстѣ съ остальными членами Синода, признаетъ 57 правило регламента примѣнимымъ и къ осужденію обвиняемаго митрополита, даже за отводомъ трехъ епископовъ обвинителей. Словомъ, новый предсѣдатель Синода отдаетъ явное предпочтеніе румынскому регламенту предъ древними каноническими правилами, хотя регламентъ своимъ постановленіемъ, конечно, не имѣлъ въ виду суда подчиненныхъ епископовъ надъ своимъ предсѣдателемъ-митрополитомъ. Вмѣстѣ съ этимъ Синодъ признаетъ свой составъ членовъ законнымъ.

Что же касается самыхъ незаконныхъ дѣйствій обвиняемаго, то, по разслѣдованію слѣдственной комиссіи и по суду членовъ Синода, они прежде всего состоятъ въ томъ, что бывший

митрополитъ, вопреки *древнимъ канонамъ* (?) и синодальному учрежденію 1872 года, стремился къ преобладанію въ Румынской церкви, разрушая этимъ власть Синода и превращая ее въ простую фикцію; а вмѣстѣ съ этимъ уничтожилъ единство церкви относительно догматовъ и каноновъ, поставляя личную волю превыше авторитета духовнаго, дисциплинарнаго и юридическаго. Обвиненіе состоитъ изъ 14-ти пунктовъ.

Въ отношеніи *къ первому пункту* обвиненіе это доказывается тѣмъ, что бывший митрополитъ ввелъ нововведеніе при совершеніи святой литургіи, измѣнивъ обрядъ епископскаго совершенія ея. По древнему обряду пѣснь (cantique): „явленіе Троицы совершилось на Иорданѣ“... должна быть произнесима таинственно (mystiquement) въ алтарѣ, во время пѣнія „трисвятаго“; обвиняемый же заставлялъ діакона произносить ее громкимъ голосомъ, по срединѣ церкви, съ возвышеніемъ трикирія (flambeau à trois branches) и измѣняя смыслъ пѣсни такъ, что вмѣсто возгласа: „явленіе Троицы совершилось на Иорданѣ“... діаконъ возглашалъ: „третье явленіе. Отецъ сказалъ: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте“. Когда діаконъ произносилъ эти слова, держа въ рукахъ трикирій, обвиняемый стоялъ у (царскихъ) вратъ предъ алтаремъ и, обратившись къ народу, принималъ трикирій. Дѣйствуя подобнымъ образомъ, обвиняемый производилъ впечатлѣніе, будто бы слова: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте“, относятся къ его личности и поставляютъ ее на мѣсто Сына Божія; будто голосъ Отца Небеснаго провозглашаетъ его Своимъ возлюбленнымъ Сыномъ и будто именно къ нему относится упомянутая пѣснь.

Замѣною же словъ „явленіе Троицы“... словами: „третье явленіе“... измѣняется догматическій смыслъ ученія христіанской религіи относительно трехъ Лицъ Св. Троицы, явившейся на Иорданѣ, когда Сынъ принималъ крещеніе, Отецъ провозгласилъ Его Сыномъ и когда Духъ Св. нисшелъ на Него видимымъ образомъ.

Догматическое же ученіе о Св. Троицѣ, изложенное святыми соборами въ символѣ вѣры, никто не имѣетъ права измѣнять ни въ догматическихъ опредѣленіяхъ святыхъ соборовъ,

ни въ опредѣленіяхъ формулированныхъ въ различныхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, не подвергаясь за это наказанію 7-го канона третьяго вселенскаго собора, который говоритъ: „Да не будетъ никому позволено произносить или писать или слагати иную вѣру, кромѣ опредѣленной отъ Святыхъ Отецъ, въ Никееѣ со Святымъ Духомъ собравшихся. А которые дерзнутъ слагати иную вѣру..., таковые, аще суть епископы, или принадлежать къ клиру, да будутъ чужды, епископы епископства, и клирики клира.“ Члены Синода ссылаются еще на постановленіе свое отъ 1893 года, по которому епископъ, согласно съ словами Ап. Павла къ Тимоѳею, не долженъ вводить новшествъ для прославленія себя, потому что, допуская это, онъ впадаетъ въ сѣти сатаны. Синодъ ссылается затѣмъ на 12 правило регламента румынскаго Синода, которое относительно добраго поведенія клира говоритъ: „никакое нововведеніе не должно быть введено въ церкви, ни въ нашихъ традиціонныхъ обычаяхъ, безъ согласія и одобренія святаго Синода“. На этихъ основаніяхъ св. Синодъ обвиняетъ преосвященнаго Геннадія въ тѣхъ же заблужденіяхъ, въ которыхъ Василій Великій обвинилъ Монтана и Прискиллу, говоря: „тѣ, которые признаютъ людей подобными Богу или посмѣваются надъ Духомъ Святымъ, сравнивая Его съ людьми, достойны вѣчнаго наказанія“. Такова первая и главная вина митрополита Геннадія по суду Синода. При этомъ надобно замѣтить, что румынское выраженіе *a treia* можетъ имѣть значеніе *тройное* и *третье* (т. е. *явленіе*), хотя для наименованія Св. Троицы существуетъ особое слово: „Треімеі“.

Относительно *второго пункта* обвиненія Синодъ говоритъ, что обвиняемый запрещалъ епископамъ, участвовавшимъ съ нимъ въ совершеніи божественной литургіи, облачаться въ саккосъ (долматикъ), а викарнымъ епископамъ (*in partibus*) носить жезль и митру. Синодъ видитъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ проявленіе духа гордости и преобладанія, что запрещается каждому члену клира слюдяущею молитвою св. Ефрема Сирина: „Господи, Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, *любоначалія* не даждь ми“ и пр. Подобными дѣйствіями своими обвиняемый митрополитъ унижалъ и лишалъ степени (*dégrade*) сослужившихъ съ нимъ епископовъ, какъ правящихъ, такъ и викарныхъ, низ-

водилъ ихъ на степень простыхъ священниковъ и этимъ выразилъ презрѣніе къ церковнымъ степенямъ, что запрещено четвертымъ вселенскимъ соборомъ, 29-ое правило котораго говоритъ: „кто унижаетъ епископа на одну и ту же степень съ священникомъ, тотъ доказываетъ этимъ презрѣніе къ церковнымъ достоинствамъ; а это по десятому канону 1-го и 2-го собора наказывается лишеніемъ сана „Епископа низводити на пресвитерскій степень есть святотатство. Аще же нѣкая праведная вина отстраняетъ его отъ епископскаго дѣйства: то не долженъ онъ занимать и пресвитерскаго мѣста. Но аще безъ всякія вины отстраненъ отъ своего достоинства, то да будетъ возстановленъ въ достоинство епископа“.

Въ *третьемъ пунктѣ* Синодъ обвиняетъ бывшаго митрополита въ томъ, что онъ принялъ въ свою епархію викарнаго епископа Досиея Батошанскаго, находившагося въ зависимости отъ митрополита Молдавскаго; и священника Бурка, изъ епархіи Аргешской, котораго сдѣлалъ уѣзднымъ протоіереемъ Дамбровичскимъ, а потомъ Музецельскимъ, и такимъ образомъ оказался виновнымъ въ нарушеніи 33 апостольскаго правила, которое говоритъ: „не принимать никого изъ чужихъ епископовъ, или пресвитеровъ, или діаконовъ безъ представительныя грамоты“. Синодъ утверждаетъ также, что митрополитъ вмѣстѣ съ этимъ нарушилъ 13-й канонъ четвертаго вселенскаго собора и 15-ое апостольское правило. Надобно однако же замѣтить, что всѣ эти правила, хотя и запрещаютъ членамъ клира переходъ изъ одной епархіи въ другую безъ представительной грамоты, но не угрожаютъ нарушителю правилъ какимъ-либо наказаніемъ, а тѣмъ болѣе лишеніемъ сана.

Особенно важно, по мнѣнію Синода, нарушеніе вышеупомянутыхъ правилъ назначеніемъ о. Бурка протоіереемъ Музецельскимъ, такъ какъ онъ не окончилъ семи классовъ Семинаріи, что по румынскимъ узаконеніямъ требуется при подобныхъ назначеніяхъ; и лишь при посредствѣ уловокъ достигъ королевскаго утвержденія въ этомъ назначеніи. Въ виду этихъ нарушеній, обвиняемый подлежитъ низложенію, согласно съ 12-мъ апостольскимъ правиломъ, которое говоритъ: „аще кто изъ клира, или мірянинъ, отлученный отъ общенія церковнаго,

или недостойный принятія въ иномъ градѣ́ будетъ принять безъ представительной грамоты: да будетъ отлученъ и принявшій и принятый".—Надобно удивляться однако же, какимъ образомъ это апостольское правило могло быть примѣнено къ митрополиту Геннадію; такъ какъ о. Бурка никогда не былъ отлученъ отъ общенія церковнаго и не былъ недостойнымъ принятія въ клиръ.

По четвертому пункту бывшаго митрополита обвинили въ томъ, что онъ, посѣщая чужія епархіи, не довольствовался почестями, воздаваемыми ему церковными и гражданскими властями, но старался вызвать раздоръ между духовенствомъ и вѣрующими съ одной стороны, и правящими епископами съ другой. Такъ въ Нижне-Дунайской епархіи онъ публично говорилъ рѣчи въ церквахъ Черноводъ и Копстанцы, въ епархіи Аргешской безъ каноническаго согласія совершалъ божественную литургію; въ епархіи Рымникской созывалъ многочисленныя собранія, чтобы, посредствомъ обѣщанія перевода въ Букарешть, склонить священника Слободзеано отложиться отъ своего епископа. Подобными дѣйствіями онъ нарушилъ будто бы 35-ое апостольское правило, которое говоритъ: „епископъ да не дерзнетъ виѣ предѣловъ своя епархіи творити рукоположенія во градѣхъ и селахъ ему не подчиненныхъ; аще же обличенъ будетъ... да будетъ изверженъ и онъ и поставленъ отъ него“. И это правило, какъ это очевидно, нисколько не касается бывшаго митрополита, даже допустивши достовѣрность приведенныхъ синодомъ обвинительныхъ фактовъ; такъ какъ преосвященный Геннадій никого не посвящалъ въ чужой епархіи безъ согласія мѣстнаго епископа. Синодъ, сославшись на нѣкоторыя другія правила вселенскаго законодательства (20-ое пр. шест. вселенск. собора, 13-ое пр. Антиох. соб., и 11-е пр. Сардик. соб.), обвиняетъ бывшаго митрополита въ нарушеніи 3-го правила регламента относительно правъ митрополита-примаса, каковое правило говоритъ: „Если святой Синодъ найдетъ необходимымъ отъ своего имени и въ интересахъ церкви посѣтитъ одну или нѣсколько епархій страны, то это посѣщеніе должно быть совершаемо предсѣдателемъ, Примасомъ Румыніи, и въ случаѣ законнаго препятствія—митрополитомъ Молдавскимъ. Въ слу-

чаѣ отсутствія двухъ митрополитовъ, святой синодъ, въ общецерковномъ интересѣ, изберетъ для посѣщенія епархій старѣйшаго епископа“. Нарушилъ еще 4-ое правило того-же регламента, по которому: „Примасъ предсѣдатель святаго синода, въ своихъ сношеніяхъ съ митрополитомъ Молдавскимъ и съ епархіальными епископами, долженъ соблюдать правила, установленныя канонами и древними обычаями страны.“ Ясно, что бывшаго митрополита обвиняютъ не въ томъ, что онъ посѣщалъ чужія епархіи, а въ томъ, что онъ дѣлалъ это безъ вѣдома св. Синода, хотя и согласно съ древними обычаями. Ниже мы увидимъ, насколько это обвиненіе можетъ быть приложимо къ обвиняемому.

Въ отношеніи къ *пятому пункту* бывшій митрополитъ обвиненъ въ томъ, что руководилъ сужденіями св. Синода по своему произволу, предоставляя или отнимая слово и формулируя мнѣніе (vote) по своему усмотрѣнію, стремясь угрозами и нѣкоторымъ давленіемъ производить вліяніе на совѣсть и на волю членовъ Синода. Это можно видѣть изъ протоколовъ синодальныхъ засѣданій весною 1895 года, именно 8 мая этого года, когда не только епископы, но и представители правительства, министръ исповѣданій, протестовали противъ искаженія синодальныхъ мнѣній. Подобными дѣйствіями обвиняемый отнималъ всякую возможность вести сужденія свободно и стремился къ достиженію деспотическаго верховенства, вопреки 34-му апостольскому правилу, которое говоритъ: „епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ и признавати его, яко главу, и ничего не превышающаго ихъ власти не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ, да тако будетъ единомысліе“. Надобно согласиться, что это правило, если и можетъ быть примѣнено къ обвиняемому, то въ самомъ отдаленномъ смыслѣ; притомъ же оно содержитъ увѣщаніе, а не угрозу или наказаніе; и съ одинаковою силою можетъ быть приведено и противъ членовъ синода, возставшихъ противъ своего примаса.

По шестому пункту бывшаго митрополита обвиняютъ въ

томъ, что онъ, вопреки 4-му правилу регламента относительно просмотра и обнародованія церковныхъ книгъ, собственною властію назначилъ директора печати; приказалъ напечатать молитвенникъ въ 1895 году, исполненный будто бы заблужденій и достойныхъ сожалѣнія нововведеній. По мнѣнію Синода, все это доказываетъ желаніе обвиняемаго не признавать регламентъ.

Относительно *седьмого пункта* бывшего митрополита обвинили въ томъ, что онъ, вопреки 8-му правилу регламента, для канцелярскихъ трудовъ въ Синодѣ избиралъ лицъ по собственному произволу, не изъ членовъ Синода; и вопреки седьмому правилу того же регламента, для редактированія синодальныхъ журналовъ не назначалъ комитета, составленнаго изъ отвѣтственныхъ членовъ-редакторовъ, избранныхъ св. Синодомъ. Подобные факты будто бы доказываютъ деспотическія домогательства обвиняемаго разрушить братскую любовь и добрую гармонію, которыя должны царствовать въ церкви, согласно съ 34-мъ апостольскимъ правиломъ, уже приведеннымъ нами.

Относительно *8-го пункта* бывшего митрополита обвиняютъ въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ дисциплинарную и юридическую власть, исключительно принадлежащую св. Синоду. Такъ, онъ собственною властію и безъ полномочія Синода угрожалъ епископу Рымникскому запрещеніемъ; и тоже собственною властію и безъ дозволенія Синода запретилъ четыремъ викарнымъ епископамъ, членамъ синода, подъ угрозою дисциплинарнаго взысканія, совершать на будущее время божественную литургію, присвоивъ такимъ образомъ себѣ власть св. Синода и мотивируя эту мѣру тѣмъ, что эти епископы отказались участвовать въ трудахъ Синода и вышли изъ повиновенія своему предсѣдателю. Между тѣмъ одинъ лишь св. Синодъ имѣетъ право налагать запрещеніе на своихъ членовъ и, слѣдовательно, митрополитъ-примасъ нарушилъ не только 29-й канонъ четвертаго вселенскаго собора и канонъ 10-й перваго и втораго собора, но и синодальное учрежденіе отъ 1872 года и синодальный регламентъ. Правила этихъ послѣднихъ установленій требуютъ, чтобы не митрополитъ, а Синодъ румынскій поставлялъ свои рѣшенія по всѣмъ дѣламъ духов-

нымъ, дисциплинарнымъ и религіозно-юридическимъ; чтобы онъ обсуждалъ всѣ отступленія митрополитовъ, правящихъ епископовъ и ихъ викарныхъ; чтобы епископы во время пребыванія въ чужихъ епархіяхъ имѣли надлежащія разрѣшенія и пр. Надобно однако же замѣтить, что всѣ эти новѣйшія синодальныя постановленія Румынской церкви, если и могутъ быть сопоставляемы съ древними канонами, то довольно въ отдаленномъ смыслѣ; по крайней мѣрѣ, древніе каноны всегда отдавали первенство чести митрополиту предъ остальными епископами.

Относительно 9-го пункта бывшаго митрополита обвинили въ томъ, что онъ не позволялъ возносить молитвъ за св. Синодъ въ кафедральной митрополичьей церкви, когда совершалъ въ ней служеніе. Фактъ этотъ будго бы подтверждается всѣми епископами, присутствовавшими въ кафедральной церкви при подобныхъ богослуженіяхъ. Отсюда обвинительный актъ выводитъ заключеніе, что обвиняемый не хотѣлъ признавать румынскій Синодъ верховною властію въ Румынской церкви; подтвержденіе этого заключенія актъ находитъ въ представленныхъ обвиняемымъ протестахъ, приложенныхъ къ дѣлу. Надобно однако же замѣтить, что заключеніе Синода представляется довольно шаткимъ, по крайней мѣрѣ, обвиняемый въ свое оправданіе всегда можетъ сказать, что онъ признаетъ верховную власть за правильно составленнымъ Синодомъ, чего онъ не видитъ въ Синодѣ, осудившемъ его. Что же касается нежеланія молиться о св. Синодѣ, если это вѣрно, то это поступокъ нравственный, а не церковно-юридическій.

Десятый пунктъ обвиняетъ бывшаго митрополита въ томъ, что онъ употреблялъ въ свою пользу и для собственной надобности денежныя суммы, вынужденныя у низшихъ членовъ клира посредствомъ угрозъ и всякихъ другихъ приѣмовъ. Такъ онъ поступилъ съ 5750 франками, принадлежащими покойному архимандриту Іоилію, бывшему настоятелемъ Черничскаго монастыря. Винодность митрополита въ этомъ отношеніи явна изъ того, что онъ до сихъ поръ не представилъ оправдательныхъ документовъ, потребованныхъ покойнымъ Іоилемъ, въ доказательство того, что онъ, дѣйствительно, израсходовалъ эти день-

ги на монастыри и на 120 церквей въ Букурештѣ. На этомъ основаніи Синодъ обвиняетъ бывшаго митрополита въ „*постыдномъ прибыточествѣ*“ и согласно съ 25 и 42 апостольскимъ правиломъ считалъ справедливымъ наказать его низложеніемъ паравнѣ съ нечестными клириками.

По 11-му пункту преосвященнаго Геннадія обвиняютъ въ томъ, что онъ безъ всякаго права присвоилъ себѣ священныя одежды. Фактъ этотъ подтверждается неоднократнымъ присвоеніемъ одеждъ, пожертвованныхъ епископской церкви Куртейской въ Аргешѣ, какъ это подтверждается инвентаремъ и (дѣломъ за № 71, годъ 1887). Принимая это во вниманіе, Синодъ признаетъ справедливымъ подвергнуть обвиняемаго наказанію, опредѣленному въ 72 и 73 апостольскомъ правилѣ, а также въ 10 канонѣ перваго и втораго собора, т. е., наказать его полнымъ низложеніемъ.

Относительно 12-го пункта преосвященнаго Геннадія обвиняютъ въ томъ, что онъ создалъ для себя большой источникъ доходовъ, назначивши высокую таксу за обрядъ освященія огромнаго числа церквей, въ которыхъ всегда совершалось богослуженіе и для которыхъ вообще не было надобности въ освященіи; всѣ эти освященія были рассчитаны единственно на удовлетвореніе страсти къ деньгамъ. Этотъ фактъ становится яснымъ при чтеніи лѣтописи Аргешской епархіи, изъ которой будто бы открывается, что въ 18-лѣтнее управленіе обвиняемаго этою епархіею было посвящено 400 церквей! Слѣдовательно, среднимъ числомъ было освящаемо 22 церкви въ годъ! Признавая дѣйствительнымъ освященіе подобнаго числа церквей, необходимо допустить, говоритъ Синодъ, что до прибытія епископа Геннадія Петреско на епископскій Аргешскій престолъ, эта епархія не имѣла ни одной церкви, была добычею язычества, и только съ прибытіемъ епископа Геннадія жители уѣздовъ Аргешскаго и Олтскаго обращены въ христіанство,—что не лѣпо и что набрасываетъ вепрямое обвиненіе на недѣятельность его предшественниковъ, хорошо извѣстныхъ мірянамъ и всей нашей Румынской церкви, какъ пастырей благочестивыхъ и весьма трудолюбивыхъ. А потому обвиняемый подлежитъ наказанію, опредѣленному 4-мъ канонемъ седьмого вселенскаго

собора, который говоритъ: „Опредѣляемъ: да отнюдь не умышляетъ епископъ, изъ корысти, употребляя въ предлогъ мнимые грѣхи, требовати злата, или сребра, или инаго чего, отъ подчиненныхъ ему епископовъ, или клириковъ, или монаховъ. Сего ради, аще усмотрѣно будетъ, что кто либо ради истязанія злата, или инаго чего, или по нѣкоей своей страсти, возбраняетъ служеніе и отлучаетъ кого либо изъ своихъ клириковъ, или заключаетъ честный храмъ, да не будетъ въ немъ Божіей службы: таковой долженъ быти подверженъ тому, чему подвергалъ другаго; и обратится болѣзнь его на главу его (Псал. VII, 17), яко преступника заповѣди Божіей и Апостольскихъ постановленій“. Обвиненіе митрополита въ этомъ отношеніи было бы очень серьезно, если бы оно было доказано несомнѣнными фактами, а не партійными измышленіями.

Относительно *13-го пункта* бывшаго митрополита обвиняютъ въ томъ, что онъ, *повидимому*, изъ любостяженія присвоилъ себѣ сумму добровольныхъ пожертвованій, собранную вѣрующими, подъ наименованіемъ „пожертвованія для церквей“. Такъ онъ присвоилъ около 4000 франковъ, положенныхъ вѣрующими на храненіе и предназначенныхъ на покрытіе издержекъ по устройству столовой въ Станисгоарскомъ монастырѣ (въ Аргешскомъ уѣздѣ), при пособіи монастырскихъ средствъ. Обвиняемый просилъ у министра исповѣданій и получилъ отъ него сумму въ 2000 франковъ, и затѣмъ представилъ будто-бы ложный и поддѣльный счетъ въ израсходованіи этихъ денегъ, какъ это открывается изъ заявленія настоятеля, комитета и самаго счета, представленнаго министру. Поэтому онъ обвиняется въ явномъ хищеніи и долженъ быть наказанъ, согласно съ 25 апостольскимъ правиломъ и приведеннымъ уже 4-мъ канонемъ седьмаго вселенскаго собора—низложеніемъ. Такъ ли это однако? Счетъ былъ представленъ митрополитомъ, но найденъ неправильнымъ или искаженнымъ. Но кѣмъ же?...

По *четырнадцатому пункту*, бывшаго митрополита обвинили въ томъ, что онъ будто бы находился въ сношеніяхъ съ каторжникомъ, осужденнымъ на принудительныя работы, и производилъ на него давленіе въ формѣ предложенія денегъ, чтобы получить отъ него нѣкоторыя компрометти-

рующія бумаги. Фактъ этотъ подтверждается процессомъ, возбужденнымъ архимандритомъ Козійскаго монастыря Домаскинымъ Чернеско. Въ это время уже покойный архимандритъ, дѣйствительно, при жизни своей, требовалъ отъ обвиняемаго митрополита 2000 франковъ, издержанныхъ имъ будто бы по взаимному согласію на пріобрѣтеніе этихъ бумагъ.—Ниже мы коснемся этого процесса нѣсколько подробнѣе.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, Синодъ опредѣлилъ и рѣшилъ, чтобы митрополитъ Геннадій Петреско былъ низложенъ, лишенъ всѣхъ правъ и достоинствъ архіепископскихъ и устраненъ отъ митрополичьяго престола Венгро-Валахія; чтобы съ этого дня (съ 20 мая 1896 г.) и до послѣдняго издыханія своего назывался лишь монахомъ Геннадіемъ и былъ помѣщенъ среди простыхъ монаховъ въ томъ монастырѣ, въ который признаютъ за благо послать его. Онъ не долженъ имѣть ни титула, ни архіепископскаго достоинства; онъ не долженъ быть даже священникомъ; онъ долженъ быть признаваемъ лишь монахомъ и ничего болѣе.—Обвинительный актъ подписанъ былъ двѣнадцатью членами синода во главѣ съ митрополитомъ Молдавскимъ и Сачавскимъ, Іосифомъ.

III.

Воздерживаясь отъ всякихъ сужденій по поводу синодальнаго обвинительнаго акта, мы не можемъ однако не высказать слѣдующаго своего недоумѣнія. Митрополитъ, какъ очевидно, осужденъ по совокупности многихъ предосудительныхъ дѣйствій, совершенныхъ имъ будто бы въ продолжительный періодъ его епископскаго служенія. Почему же не находили возможнымъ или необходимымъ осудить его прежде возведенія на митрополичью кафедру Венгро-Валахія? Почему осудили его только послѣ этого событія? Конечно потому, какъ утверждаютъ члены Синода, что въ качествѣ митрополита онъ стремился къ преобладанію въ Румынской церкви. Это обстоятельство доказывается тѣмъ, что онъ возобновилъ прежнюю богослужебную практику, отмѣненную его предшественникамъ; это же доказывается еще нѣкоторыми дисциплинарными мѣрами, принятыми имъ противъ неисполнительныхъ членовъ Синода, а также единоличны-

ми рѣшеніями безъ совѣщаній съ Синодомъ, и наконецъ нѣкоторыми другими самостоятельными распоряженіями, хотя и не имѣвшими особенной важности въ церковной жизни. Словомъ, Синодъ боялся ослабленія и даже разрушенія своей власти и превращенія ея въ простую фикцію,—боялся поставленія митрополичьей воли превыше авторитета духовнаго, дисциплинарнаго и юридическаго въ Синодѣ. Такимъ образомъ, здѣсь борются, не говоря уже о личныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, два начала, двѣ воли, двѣ власти: традиціонная власть митрополита—примаса, какъ она исторически сложилась и развилась среди православнаго румынскаго народа, и власть новоучрежденнаго румынскаго Синода, стремящаяся къ конституціоннымъ ограниченіямъ митрополичьей власти. Здѣсь борются два возрѣнія на власть, двѣ формы этой власти: восточно-православная и западно-конституціонная. Надобно ли обвинять митрополита въ томъ, что онъ остался вѣрнымъ восточно-православнымъ возрѣніемъ на свою власть среди румынскаго народа? Надобно ли осуждать его за то, что онъ охранялъ традиціонныя убѣжденія румынъ? Прекрасно говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ: „Всякая форма, исторически-образовавшаяся, выросла въ исторіи изъ историческихъ условій, и есть логическій выводъ изъ прошедшаго, вызванный *необходимостію*. Исторіи своей никому нельзя ни премѣнить, ни обойти; и сама исторія, со всѣми ея явленіями, дѣятелями, сложившимися формами общественнаго быта, есть произведеніе духа народнаго, подобно тому, какъ исторія отдѣльнаго человѣка есть въ сущности произведеніе живущаго въ немъ духа... Духъ, вотъ что существенно во всякомъ учрежденіи, вотъ что слѣдуетъ охранять дороже всего отъ кривизны и смѣшенія“ ¹⁾. Въ Румыніи, какъ кажется, въ разгаръ партійной борьбы не обратили на это должнаго вниманія и этимъ погрѣшили противъ исторической правды. По крайней мѣрѣ, тѣ частныя факты, которые поставлены митрополиту въ вину, могутъ имѣть иное освѣщеніе; а потому могутъ представить картину осужденія въ совершенно иномъ свѣтѣ.

¹⁾ „Моск. Сборн.“ тамъ же, стр. 212—213.

И дѣйствительно, существуетъ совершенно иной взглядъ на всѣ указанные факты. Еще 20-го мая преосвященный Геннадій вручилъ Молдавскому митрополиту Іосифу оправдательную записку, въ которой опровергаетъ всѣ взведенныя на него обвиненія или даетъ имъ совершенно иное освѣщеніе. Приводимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ важнѣйшія мѣста изъ этой записки.

Такъ какъ обвинительная жалоба, предварительно составленная тремя епископами, начинается общимъ введеніемъ, указывающимъ на опасности для православной вѣры румынъ отъ направленія дѣятельности осуждаемаго митрополита, то и митрополитъ предпосылаетъ своей защитѣ тоже общія замѣчанія.

„При томъ состояніи души, говоритъ онъ, въ которомъ находимся мы и въ которое повергло насъ обвиненіе, составленное нашими синодальными братьями, собравшимися вопреки канонамъ и законамъ,—нашъ долгъ, какъ представителя религіи по требованію національной власти, показать недостаточную содержательность обвиненія, направленнаго противъ насъ, тѣмъ болѣе, что синодальный судъ подчиненъ суду всей святой Церкви и всей страны.

„Конечно, здѣсь не мѣсто и не время показывать сцѣпленіе обстоятельствъ, поставившихъ насъ лицомъ другъ противъ друга. Во всякомъ случаѣ мы обязаны прежде всего обратить ваше вниманіе на допущенную ошибку, когда въ обвинительномъ актѣ говорятъ, что „основаніе, на которомъ возвышается церковь, есть вѣра и ничто другое, кромѣ вѣры“. Вѣра? Но вѣра лежитъ въ основаніи всѣхъ религій. Именно силою (агмѣ) вѣры язычество стремилось продолжить свое существованіе, равнымъ образомъ именно въ вѣрѣ религіи не христіанскія и теперь находятъ свою опору. Очевидно въ чемъ то иномъ мы должны искать основаніе христіанской религіи. Это основаніе, какъ говоритъ св. Апостоль Павелъ въ своемъ первомъ посланіи къ коринтянамъ (гл. 13, послѣдній стихъ), состоитъ въ слѣдующемъ: „нынѣ пребываютъ вѣра, надежда и любовь, три добродѣтели; но большая изъ трехъ есть любовь.

„Мои обвинители забыли *любовь къ ближнему*; потому что были слишкомъ увлечены ненавистью; равнымъ образомъ за-

были *надежду*; потому что побоялись руководствоваться упованіемъ правосудія, которое никогда не медлитъ обнаружиться.

„Но оставляя введеніе обвинительнаго акта, я спѣшу показать неосновательность самаго обвиненія.

„Первая часть акта обвиняетъ насъ въ нанесеніи явнаго удара православной церкви, въ нарушеніи установленныхъ узаконеній въ Румынскомъ государствѣ и церковныхъ постановленій, составленныхъ Синодомъ и обнародованныхъ королевскими декретами. Обвинительныя главы изложены въ числѣ 9-ти ¹⁾. Не трудно доказать ихъ ничтожество; потому что они основаны на недостаточномъ знаніи святыхъ канонѣвъ и на собраніи ложныхъ фактовъ. Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы:

I.

„Допустили нововведеніе при совершеніи святой литургіи, вопреки древнему установленному обычаю и вопреки 12-му члену регламента о добромъ поведеніи клира. Фактъ обвиненія состоитъ въ томъ, что, по данному нами приказанію, возгласъ (*oraison*) о явленіи Троицы на Иорданѣ былъ произносимъ по срединѣ церкви, а не въ алтарѣ, какъ это было прежде. Мы отвѣчаемъ:

„При выходѣ изъ Иордана, послѣ крещенія Господа нашего Иисуса Христа, слышенъ былъ голосъ, провозгласившій: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ; Того послушайте“ (Марк. I, 10 и 11, Мате. III, 16, 17).

„Въ этихъ словахъ мы находимъ свидѣтельство о Св. Троицѣ, глубочайшемъ основаніи христіанской вѣры. Наши обвинители утверждаютъ, что этотъ таинственный возгласъ долженъ быть произносимъ въ алтарѣ. Вопросъ обрядовый (онъ касается правилъ совершенія церковнаго богослуженія). Но это не есть нововведеніе; ибо и прежде и теперь въ большинствѣ церквей такъ это совершается. Самое выраженіе „таинственный возгласъ“ показываетъ, что онъ долженъ быть произносимъ по срединѣ церкви, чтобы всѣ вѣрующіе могли присоединиться къ свидѣтельству о Св. Троицѣ, этому основному дог-

¹⁾ Въмѣсто 14-ти, митрополитъ считаетъ 9-ть главъ, потому что нѣкоторыя главы соединяетъ въ одну.

мату христіанской вѣры. Противоположное же обыкновеніе не опирается ни на святыя каноны, ни на установленныя обычаи, ни на другія предписанія.

„Что же касается измышленнаго факта, будто наша смиренная личность думала уподоблять себя Божеству, то это богохульство.

„Если бы кто либо и когда либо могъ подумать, будто мы имѣли подобную идею, то это не есть нарушеніе канонѡвъ, за которое мы должны быть отвѣтственны, а есть чистая глупость. Наконецъ, съ точки зрѣнія организаціи святой церкви, достовѣрно, что епископъ—не своимъ лицомъ въ слабой плоти—но своею служебною личностію символически и іерархически представляетъ Основателя святой Церкви, Господа нашего Иисуса Христа. Св. Игнатій, ученикъ св. Апостола и Чудотворца Іоанна, въ собраніи священниковъ, имѣвшихъ во главѣ своей епископа, видитъ Христа, окруженнаго апостолами. Никто не думалъ заключать отсюда, что епископъ есть Самъ Христосъ, есть Божество“.

II.

„Насъ обвиняютъ въ гіерозиліи (въ іерархическомъ превозношеніи), въ варушеніи 29-го канона IV вселенскаго собора, который говоритъ: „низводитъ епископа на степень простого священника, это значитъ дѣлаться виновнымъ въ гіерозиліи. Съ какою же цѣлью мы это дѣлали?“

„Чтобы помѣщать епархіальнымъ епископамъ надѣвать сакко (далматикъ) и викарнымъ епископамъ митру и жезль во время богослуженія, въ которомъ принимали участіе и мы.“

„Усвоенное намъ нововведеніе, въ которомъ насъ обвиняютъ, было однако же постояннымъ обыкновеніемъ до восшествія на кафедру митрополита Каллиника, который ввелъ новое обыкновеніе безъ согласія святаго синода. 29-й канонъ IV-го вселенскаго собора, въ самомъ дѣлѣ, запрещаетъ безъ законныхъ причинъ низлагать епископа: „Епископъ не можетъ быть низведенъ на низшую степень священника“. Но развѣ мы когда либо низвели какого либо епископа? Низложеніе епископа на степень простого священника состоитъ въ лишеніи его епископ-

скихъ правъ въ его епархіи. Основаніемъ, на которомъ утверждаетъ 29-й канонъ IV собора, послужила жалоба Тирскаго епископа Фотія императору Θεодосію II. Фотій жаловался на то, что епископъ Берійскій Евстаѳій препятствуетъ ему исполнять въ своей епархіи епископскія обязанности; такъ какъ Евстаѳій посвящаетъ священниковъ въ городахъ, принадлежащихъ къ епархіи Фотія. Вслѣдствіе этой жалобы, императоръ Θεодосій II передалъ дѣло въ соборъ. IV вселенскій соборъ своимъ 29-мъ канономъ призналъ Фотія правымъ, назвавши „гіерозилією“ фактъ низведенія епископа на простую степень священника и лишеніе его правъ, которыми онъ долженъ пользоваться въ своей епархіи. „Гіерозилія“, т. е. святотатство, ущербъ, причиняемый священнымъ предметамъ, потому что епископъ признается освященнымъ. Спрашиваемъ васъ: у какого же епископа мы отняли права, которыми онъ долженъ былъ пользоваться въ своей діоцезіи? Какое правило уполномочиваетъ епископа надѣвать далматикъ и викарныхъ епископовъ (*in partibus*) носить митру и посохъ, когда служитъ рядомъ съ Примасомъ? Приводимое противъ насъ 29-е правило падаетъ напротивъ на нашихъ обвинителей, которые усвояютъ себѣ епископскія права даже въ нашей діоцезіи, по примѣру Евстафія Берійскаго, который былъ осужденъ 29-мъ правиломъ.

„Епископъ не имѣетъ права носить жезль во время совершенія литургіи рядомъ съ Примасомъ въ діоцезіи этого послѣдняго; ибо существуетъ только одинъ жезль въ каждой діоцезіи, какъ это провозглашаютъ святыя каноны и законы страны, или, по крайней мѣрѣ, они не даютъ имъ этого права. Это постановленіе было сохраняемо всѣми нашими предшественниками до вступленія на кафедру покойнаго митрополита Каллиника, который допустилъ нововведеніе, не имѣя на это права и руководясь мыслию, что, поступая подобнымъ образомъ, онъ сдѣлаетъ литургійное богослуженіе болѣе торжественнымъ и этимъ фактомъ вводя обычай, не употребительный въ святой патріархальной Константинопольской церкви, отъ которой и мы заимствовали этотъ обрядовый обычай.

„Что же остается въ силѣ отъ этого обвиненія?

III.

„Насъ обвиняють въ нарушеніи 33-го апостольскаго правила и 13-го канона IV вселенскаго собора за допущеніе въ нашей діоцезіи безъ представительныхъ грамотъ отъ ихъ главъ-членовъ клира другихъ діоцезій и за дозволеніе имъ совершать, святую литургію.

„Обвиненіе имѣетъ въ виду протоіерея Бурка Домбровичскаго округа и епископа викарнаго (*in partibus*) съ титуломъ Ботошанскаго.

„Но эти два канона не запрещаютъ безусловнымъ образомъ клирику одной діоцезіи приходить въ другую; они позволяютъ имъ путешествовать; и лишь въ интересъ дисциплины и хорошаго управленія подчиняютъ ихъ авторизаціи и предварительной рекомендаціи отъ ихъ епископовъ. Прежде же всего эти каноны имѣютъ въ виду священниковъ безусловно чужестранныхъ, неизвѣстныхъ епископу, которые не могутъ доказать занимаемой ими степени въ церковной іерархіи. И мы предоставляли право совершать литургію всѣмъ викарнымъ епископамъ другихъ діоцезій, не требуя авторизаціи отъ ихъ непосредственныхъ (*respectif*) начальниковъ; но мы предоставляли имъ это право, какъ личностямъ извѣстнымъ намъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ надобно считать викарныхъ епископовъ съ титулами Краевскаго, Питегитинскаго, Рымницкаго-Саратскаго, Галацкаго, Барладскаго. Не должно ли считать въ числѣ этихъ послѣднихъ епископовъ и викарнаго епископа съ титуломъ Ботошанскаго и протоіерея Бурка? Я могу, наконецъ, привести еще слѣдующій фактъ, совершенно недавній: викарный епископъ съ титуломъ Ботошанскаго, въ сопутствіи архимандритовъ Нифопта и Геннадія, во время совершеннаго ими путешествія во Іерусалимъ, служилъ по случаю праздника Пасхи въ церкви Св. Гроба, и отъ нихъ не требовали пастырской грамоты.

„Такоеъ смыслъ приведенныхъ двухъ каноновъ, а вотъ теперь и факты:

„Преосвященный епископъ Аргешскій, около двухъ лѣтъ тому назадъ, посвятилъ священника Ілію Бадулеско, изъ Александри, Телефманскаго округа, и слѣдовательно, принадлежащаго къ митрополичьей діоцезіи; онъ же назначилъ его про-

тоіереемъ для Слатина, зависящаго отъ діоцезіи Аргешской, безъ нашего предварительнаго согласія. Это назначеніе совершено было въ замѣну протоіерея Бурка, который, по ходатайству министра исповѣданій и при посредствѣ его директора, былъ назначенъ протоіереемъ для Домбровичскаго округа, зависящаго отъ діоцезіи святой митрополіи.

„Преосвященный викарный епископъ Батошанскій, не совершая болѣе литургіи въ Яссахъ, гдѣ онъ имѣлъ свое мѣсто-пребываніе, отправился въ нашу діоцезію по словесному разрѣшенію митрополита Молдавіи.

„Недавно мы обязаны были служить въ церкви св. Спиридона-Новаго, и никто не могъ отнять у насъ этого права.

„При всѣхъ этихъ случаяхъ мы спрашиваемъ васъ, за подобныя дѣйствія должны ли были подвергаться осужденію митрополита, должны ли были лишать его достоинства?

„Но есть другіе, гораздо важнѣйшіе факты, игнорируемые обвиненіемъ. По какому праву преосвященные викарныя епископы, Петештинскій, принадлежащій къ діоцезіи Аргешской, Краіовскій, принадлежащій къ діоцезіи Рымникской, и нѣкоторые другіе епископы имѣютъ свое мѣсто-пребываніе въ Букарештѣ? Святыя каноны и постановленія должны ли имѣть въ отношеніи къ нимъ иное примѣненіе по требованію обстоятельствъ?“

IV.

„Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы, вопреки 3 и 4 члену регламента относительно преимуществъ митрополита Примааса Румыніи, посѣщали діоцезіи, зависящія отъ другихъ епископовъ, подготавливая для этихъ посѣщеній торжественныя встрѣчи съ произнесеніемъ публичныхъ рѣчей, возбуждали членовъ клира упомянутыхъ діоцезій, посредствомъ общаній и возмущеній, къ дачѣ заявленій противъ ихъ епископовъ.

„Нашъ отвѣтъ есть слѣдующій:

„Мы проѣзжали, а не посѣщали діоцезію преосвященнаго епископа Нижняго-Дуная, по случаю освященія моста на Дунаѣ, къ чему мы были приглашены его величествомъ королемъ и правительствомъ; и мы сдѣлали это послѣ сношеній съ преосвященнымъ епископомъ Нижняго-Дуная, которому мы сообщили наше намѣреніе по телеграфу.

„Мы проѣзжали діоцезію преосвященнаго епископа Рымникскаго; и прежде совершенія этого, мы испрашивали его пастьерскаго согласія, которое онъ и далъ намъ, выславши клириковъ своей діоцезіи для нашей встрѣчи. Поэтому мы не можемъ быть обвиняемы въ нарушеніи канонѡвъ и постановленій по этому поводу.

„Совершенно измышленно обвиненіе насъ въ томъ, будто мы подготовляли торжественныя встрѣчи и произносили публичныя рѣчи для возбужденія епархіальнаго клира, чтобы посредствомъ обѣщаній и возмущеній вызывать какія либо заявленія противъ епископовъ.

„Самые каноны, приводимые противъ насъ, доказываютъ недостаточность этихъ обвиненій. Такъ 13-й канонъ Антиохійскаго собора запрещаетъ и наказываетъ фактъ *перемещенія* епископа одной епархіи на другую; но доказано, что мы никогда не оставляли нашей епархіи. Ясно только одно, наши братья по Синоду желаютъ нашего удаленія.

„Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы совѣтовали священнику Слободзено отложиться отъ преосвященнаго епископа Вальцейскаго и Нуль-Северинскаго, но это есть извращеніе факта, который совершился безъ нашего участія. По случаю нашего проѣзда чрезъ Вальцейскій округъ, къ намъ прибылъ одинъ священникъ, котораго имени мы не помимъ, принося слезную жалобу на то, что онъ жестоко избитъ преосвященнымъ епископомъ Геннадіемъ Вальцейскимъ. Мы не дали никакого значенія этой жалобѣ“.

V, VI, VII, VIII и IX.

„Обвиненія, изложенныя въ V, VI, VII, VIII и IX главахъ суть слѣдующія:

- a) Мы руководили по произволу сужденіями Синода;
- b) Мы напечатали церковныя книги безъ одобренія св. Синода;
- c) Мы по произволу замѣщали чиновниковъ св. Синода;
- d) Мы присвоили себѣ преимущества св. Синода;
- e) Мы не открывали засѣданій Синода въ митрополичьей церкви Бухарешта.

„На всѣ эти вымышленные факты мы отвѣчаемъ:

а) Члены Синода не заявляли никакого формального протеста противъ свободнаго веденія преній;

б) Святой Синодъ предположилъ напечатать книгу: „Православное ісповѣданіе“, переведенную митрополитомъ Григоріемъ, и отклонилъ переводъ „Православнаго ісповѣданія“, сдѣланный преосвященными Гюшскимъ, Римникскимъ и Аргешскимъ, какъ исполненный заблужденіями относительно догматовъ. Печатаніе „Исповѣданія вѣры“ въ переводѣ митрополита Григорія однако же еще не начиналось.

с) Замѣна секретаря святаго Синода, викарнаго епископа Каллистрата, произошла съ одобренія Синода, равно какъ и назначеніе на его мѣсто епископа Нифонта тоже произошло съ синодальнаго одобренія; да и архидіаконъ Гилеско занялъ мѣсто викарнаго епископа Нифонта тоже съ одобренія святаго Синода.

д) Какія права св. Синода мы присвоили себѣ? Какое рѣшеніе мы приняли безъ его вѣдома?

е) Согласно съ канонами и установленіями, мы всегда поминали святой Синодъ, равно какъ патріарховъ и другія православныя власти, въ своихъ молитвахъ, возносимыхъ нами къ Богу во время совершенія литургіи.

„Во второй части обвинительнаго акта, направленнаго противъ насъ, тоже нанизана серія измышленныхъ фактовъ, которые прежде всего должны быть признаны преступленіями противъ общаго права и представлены на разсмотрѣніе кассационной и судебной палаты, коей чины суть наши естественные судьи, сообразно съ 16-мъ членомъ синодальнаго уложенія; а потому мы не должны быть судимы въ нарушеніи каноновъ и къ намъ не должны были примѣнять наказанія, которое эти преступленія не влекутъ за собою. Принятое противъ насъ веденіе дѣла во всякомъ случаѣ есть неправильное и не нормальное. Насъ обвиняютъ въ фактахъ, подвергающихъ насъ наказанію уголовныхъ законовъ; но намъ не даютъ знать на чемъ эти факты основываются и ограничиваются лишь приведеніемъ ихъ. Утверждаютъ еще, что мы нарушили 10-й канонъ вселенскаго собора, по которому наказывается низложеніемъ тотъ, кто похититъ священные предметы. Очевидно,

наказанію подлежить лишь виновный въ подобномъ дѣйстви и подобномъ грѣхѣ; но что же доказываетъ, что я совершилъ подобное преступленіе? Гдѣ доказательства? Вотъ что отвѣчаетъ на это обвинительный актъ: „*Матеріальное доказательство*: присвоеніе митрополитомъ многихъ одеждъ, пожертвованныхъ вѣрующими епископской Куртейской церкви въ Аргешѣ по случаю ея освященія“. Это значитъ, что матеріальное доказательство грѣха, или преступленія, или нарушенія каноновъ состоитъ въ самомъ вмѣненіи (imputation) факта! Таковы то всѣ обвиненія. Во всякомъ случаѣ я отвѣчу на каждое изъ нихъ въ частности.

А.

„Покойный архимандритъ Іоиль, бывший настоятелемъ въ Черникскомъ монастырѣ, довѣрилъ намъ сумму въ 5750 франковъ и мы будто бы присвоили себѣ эту сумму.

„Это клеветливое обвиненіе формулировано недавно въ газетѣ, на которое дано заслуженное опроверженіе. Покойный архимандритъ переслалъ намъ сумму въ 5750 франковъ для распределенія ея среди многихъ монастырей, какъ свое пожертвованіе ради вознесенія молитвъ объ упокоеніи его души. Это распределеніе и сдѣлано нами, что доказываютъ присланныя именныя росписки; росписки эти хранятся въ канцеляріи святой митрополіи. Наконецъ можно позвать монаховъ монастырей, которые скажутъ, получали ли они или нѣтъ эти деньги.

Спустя нѣсколько времени, за злоупотребленія, раскрытыя слѣдствіемъ по приказанію министра исповѣданій, настоятеля монастыря смѣстили. Въ гнѣвѣ на это, настоятель Іоиль, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, составленномъ позднѣе, протестовалъ противъ своего смѣщенія, равно какъ и противъ заявленія слѣдственной комиссіи, по которому земледѣльческая машина, находившаяся въ монастырскомъ подворьи, была признана собственностію монастыря. Къ этому онъ присовокупляетъ, что переслалъ намъ сумму въ 5750 франковъ, въ каковой суммѣ мы не представили ему квитанцій. Но квитанціи, находящіяся въ канцеляріи святой митрополіи, доказываютъ, что я израсходовалъ эти деньги согласно съ желаніемъ архимандрита Іоиля. Да наконецъ, нельзя усвоить ни какого

значенія содержанію (signatures) этого мнимаго духовнаго завѣщанія, писаннаго чужою рукою, а не архимандрита Голя, въ эпоху, когда завѣщатель уже давно былъ слѣпъ и лѣчился у доктора Манолеско.

Б.

„Насъ не задумываясь обвиняють въ совершеніи страшнаго преступленія, наказываемаго гражданскимъ закономъ (уголовнымъ кодексомъ) и 72 и 73 апостольскими правилами. Мы будто бы похитили золотые священные сосуды и священническія облаченія.

„И это сдѣлали мы, подарившіе святой епископіи многіе священные предметы и священническія облаченія и украсившіе серебромъ раку св. Филоея!

„Эта клевета нашла громкое эхо въ нѣкоторыхъ газетахъ. Мы не представляемъ ни какихъ доказательствъ для опроверженія ея. Мы только административными дѣйствіями нашими, коихъ истинность явна, доказываемъ малую вѣроятность подобнаго обвиненія.

В.

„Насъ обвиняють въ томъ, что, въ теченіе восемнадцатилѣтняго управленія Аргешской діоцезіею, освятили четыреста церквей. По этому поводу приводятъ 4-е правило VII вселенскаго собора, въ связи съ 21 правиломъ VI вселенскаго собора, наказывающихъ это дѣйствіе.

„Предъ этимъ обвиненіемъ отъ удивленія захватываетъ духъ. Что надобно подумать о святыхъ канонахъ, которые опредѣляютъ наказаніе за освященіе церквей, и о судебныхъ трибуналахъ, которые подвергаютъ наказанію того, кто освящаетъ многочисленныя церкви! Это невозможно, это доказываетъ только одно: до какой степени ненависть можетъ смущать духъ. Религія христіанская обладаетъ, между прочимъ, тою святою характеристическою чертою, что распространяется легко и быстро; и что можетъ болѣе способствовать утвержденію зѣры и блеску культа, какъ не устройство освященныхъ зданій? Видѣли ли когда либо хоть одного министра просвѣщенія, публично обвиняемымъ за то, что онъ желалъ видѣть умноженіе числа школъ? Но мотивомъ этого желанія признають

любовь къ богатству! Съ этимъ соглашаются, и вотъ является обвиненіе меня въ этомъ мотивѣ. Какимъ же образомъ доказываютъ, что я спекулировалъ освященіемъ церковей? Измышляютъ фактъ и этотъ измышленный фактъ приводятъ, какъ матеріальное доказательство. 4-е и 7-е правило вселенскаго собора, приводимое противъ меня, наказываетъ не фактъ освященія церковей, а фактъ „закрытія церковей“. Что же касается 22-го правила VI-го вселенскаго собора, то оно наказываетъ возведеніе въ священныя степени за деньги.

Какое же приводятъ доказательство этого? Почему обвинительный актъ не представляетъ доказательствъ, на которыя мы могли бы отвѣчать? Очень просто—потому что вмѣняемый намъ фактъ измышленъ съ единственною цѣлью обвинить насъ.

Г.

„Насъ обвиняютъ въ полученіи:

а) 4000 франковъ, собранныхъ вѣрующими для Станисгоарскаго монастыря, Аргешской области;

б) 2000 франковъ, данныхъ министромъ исповѣданій для устройства столовой названнаго монастыря.

„Насъ обвиняютъ въ присвоеніи себѣ этихъ суммъ. Отвѣчаемъ: мы получили 4000 франковъ не по подпискѣ; мы никогда не составляли подобной подписки. Мы требуемъ доказательствъ въ отношеніи къ этому факту. Мы получили 2000 франковъ отъ министра исповѣданій и представили оправдательные документы въ израсходованіи этихъ денегъ, отославши министру квитанціи. Чѣмъ доказываютъ подлогъ этихъ квитанцій? Подобные факты суть не нарушенія каноновъ, а преступленія противъ общаго права. Доказательства должны быть приводимы сообразно съ общимъ правомъ, а не съ вымысломъ, выставляемымъ въ качествѣ матеріальнаго доказательства.

„Уже одиннадцать лѣтъ, какъ устроена столовая сятаго монастыря Станисгоарскаго и на стѣнахъ ея написано, что она устроена нашимъ иждивеніемъ; и въ самомъ дѣлѣ, на устроеніе ея мы издержали 7000 франковъ; потому что скромная сумма въ 2000 франковъ, пожертвованная министромъ исповѣданій, была недостаточной.

„Какъ произошло то, что именно послѣ смерти прежняго настоятеля, новый настоятель, подчиненный преосвященному Тимоѳею (Timus), изобрѣтаетъ фактъ безъ всякихъ документовъ, хотя это измышленіе отвергаетъ надпись, существующая въ столовой, равно какъ и оправдательные документы?

Д.

„Намъ поставляютъ въ вину то, что мы приказали архимандриту Дамаскину Козійскому (de Cozia), переслать 2000 франковъ каторжнику для покупки у него нѣкоторыхъ компрометирующихъ документовъ. Когда же я давалъ подобное приказаніе? Кто этотъ каторжникъ? Какой интересъ мы имѣли въ покупке этихъ документовъ? Объ этомъ не говорятъ. Не представляютъ никакихъ доказательствъ. Но мы не давали подобнаго приказанія. Мы не знаемъ, что это за компрометирующіе документы. Мы не получили никакого оповѣщенія по процессу, начатому архимандритомъ Дамаскинымъ.

„Четыре года тому, когда мы были епископомъ Аргешскимъ, мы получили по почтѣ письмо, коего содержаніе прочли и которое говорило о нѣкоторыхъ документахъ, находящихся въ рукахъ нѣкоего Маргаритеско.

„Полагая, что это письмо не могло касаться насъ, мы переслали его преосвященному Геннадію, епископу Вельчейскому (Vâlcea) (соименному намъ), въ убѣжденіи, что здѣсь произошла ошибка и что письмо назначалось ему. Преосвященный Геннадій получилъ это письмо и ни единого слова не отвѣчалъ намъ по этому дѣлу.

„Итакъ, вотъ факты, собранные съ цѣлію привести въ исполненіе планъ, задуманный уже три года тому назадъ т. е. съ того дня, когда нація ввѣрила намъ жезлъ нашей святой церкви.

„Наши древнія преданія и наши узаконенія даютъ національному представителю право именоваться начальникомъ (Chef) церкви. Съ этимъ правомъ соединена привиллегія участвовать въ трудахъ Синода и представлять эту церковь въ сенатъ. Однако же нашли средство, посредствомъ угрозъ и да-

вленія на смущенныя совѣсти нѣкоторыхъ людей, посредствомъ устроеннаго заговора, наказуемаго канонами, нанести самый страшный ударъ церкви, которая всегда была основою румынской національности. Пусть же судить Богъ, и вы послѣ Него“.

Такъ оправдывался или защищался митрополитъ Геннадій; но, разумѣется, его защитѣ не придали никакого значенія; и 20-го мая онъ былъ лишенъ не только митрополичьяго достоинства, по и священства вообще, и низведенъ на степень простого монаха.

IV.

Нельзя сказать однако же, чтобы осужденіе митрополита произошло въ румынскомъ Синодѣ единодушно. Даже одинъ изъ членовъ Синода, подписавшій обвинительный актъ, викарный епископъ Валеріанъ Рымникскій, въ чувствѣ глубокаго раскаянія, 22-го мая подалъ въ Синодъ слѣдующій письменный протестъ:

„Нижеподписавшійся, видя, что осужденіе еще не утверждено его величествомъ (королемъ Румыніи), и что цѣлая толпа церковнослужителей выброшена на улицу, безъ всякаго вниманія къ ихъ продолжительному служенію и единственно потому, что ихъ заподозрѣваютъ въ вѣрномъ служеніи осужденному митрополиту, зрѣло обдумавъ происшедшее и прислушавшись къ голосу совѣсти—признаюсь, къ стыду моему—пробудившейся нѣсколько поздно,—рѣшился на другой день послѣ засѣданія всѣми силами моей души заявить, что я уничтожаю свою подпись на обвинительномъ актѣ противъ митрополита—примаса и прошу вычеркнуть ее изъ этого акта; ибо она есть величайшій грѣхъ, совершенный въ моей жизни; и я прошу Бога и святой Синодъ простить мнѣ это, дабы жребій мой не былъ жребіемъ Иуды, тщетно каившагося, но жребіемъ святаго Петра, котораго Богъ простилъ и который былъ принятъ съ любовію.

„Итакъ я трижды восклицаю: *согрѣшилъ я, согрѣшилъ я, согрѣшилъ я!* Да будетъ моя подпись подъ фатальнымъ и не имѣющимъ значенія (*sans valeur*) актомъ уничтожена“.

Какъ же Синодъ принялъ этотъ протестъ? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ самъ преосвященный Валеріанъ письмомъ, напечатаннымъ въ Букарештскихъ газетахъ. Мы тѣмъ охотнѣе при-

водимъ это письмо, что оно хорошо очерчиваетъ дѣятельность членовъ Синода, какъ во время полученія этого протеста, такъ еще и раньше, во время чтенія обвинительнаго акта противъ митрополита Геннадія. „Когда я, говоритъ преосвященный Валеріанъ, представилъ святому Синоду протестъ, коимъ уничтожалъ свою подпись надъ обвинительнымъ актомъ бывшаго митрополита, то мое заявленіе не было принято св. Синодомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно *не штемпелевано*, хотя я доказывалъ прежними актами, что члены св. Синода могутъ дѣлать всякаго рода заявленія безъ штемпеля; и сослался на заявленія епископа Романа, присоединившагося къ осужденію митрополита, не смотря на то, что онъ не присутствовалъ въ Синодѣ; это заявленіе тоже было принято Синодомъ безъ штемпеля.

„Когда мы собрались въ слѣдующее засѣданіе, то всѣ пренія, происшедшія по поводу случившагося инцидента, были внесены въ протоколъ. Этотъ протоколъ постоянно былъ составляемъ тѣмъ же секретаремъ, который читалъ и обвиненіе; но протоколъ былъ до такой степени оскорбителенъ для меня, что я предпочелъ просить вычеркнуть изъ протокола пренія, что было позволено св. Синодомъ, тѣмъ болѣе, что опредѣленіе объ осужденіи было уже рѣшено.

„Этотъ поступокъ подсказалъ мнѣ инстинктъ самосохраненія; ибо я одинъ не могъ бороться и противостоятъ всѣмъ соединеннымъ силамъ противъ меня.

„Когда было принесено пастырское оповѣщеніе (*lettre*) по данному вопросу, написанное авторомъ опредѣленія объ осужденіи,—однимъ изъ первыхъ обвинителей и неумолимымъ духовнымъ сыномъ митрополита Геннадія, недавно посвященнымъ имъ викарнымъ епископомъ,—то оно было прочитано преосвященнымъ и, какъ кажется, по предварительному соглашенію не было подвергнуто обсужденію; мы поименно были лишь приглашены подписать его. Будучи такимъ образомъ принужденъ подписаться, я на словахъ заявилъ, что подписываюсь подъ истинами, приведенными изъ святыхъ писаній, но не подписываю того, что относится къ осуждаемой личности... Я хотѣлъ привести мотивы моей осторожности, но отъ меня потребовали подписи безъ всякихъ прибавленій и я подчинился желавію св.

Синода... Да и теперь я раздѣляю тѣ же убѣжденія, которыя я выразилъ и подписалъ въ своемъ протестѣ, отвергнутомъ св. Синодомъ. Я торжественно дѣлаю это заявленіе, обращая взоръ на Самаго Иисуса Христа, предъ лицомъ Котораго я высказалъ въ протестѣ, что я уничтожаю мою подпись на обвинительномъ актѣ (*arrêt de condamnation*) бывшаго митрополита“.

Протестъ преосвященнаго Валеріана тоже остался безъ всякаго значенія. Но и этого мало. Въ синодальномъ засѣданіи 22 мая министръ исповѣданій, тоже присутствовавшій въ этомъ засѣданіи, *объяснилъ (explique)* протестовавшему епископу, что въ качествѣ члена Синода онъ не имѣлъ надобности представлять въ синодальную канцелярію письменнаго протеста; достаточно было сдѣлать словесное заявленіе, и оно было бы занесено въ протоколъ. Министръ съ театральнымъ искусствомъ удивился поступку преосвященнаго Валеріана, тѣмъ болѣе, что на него будто бы не производили никакого давленія съ цѣлію получить отъ него эту подпись. А когда преосвященный Валеріанъ заявилъ, что синодальное опредѣленіе относительно осужденнаго митрополита не можетъ быть приводимо въ исполненіе безъ королевскаго утвержденія, министръ отвергъ это; но согласился наконецъ, чтобы подъ исполнительнымъ актомъ не было подписи преосвященнаго Валеріана. Въмѣсто его подписи добыли подпись одного епископа, не присутствовавшаго при осужденіи митрополита; и такимъ образомъ число 12-ти епископовъ—судей было сохранено. Такъ осудили митрополита Геннадія. Но дѣло это не могло окончиться подобнымъ образомъ и приняло неожиданный оборотъ. Конституціонный произволъ—и консерваторовъ и либераловъ—встрѣтилъ наконецъ энергическій протестъ въ православномъ румынскомъ народѣ.

К. Истоминъ.

(Окончаніе будетъ).

Разборъ философскихъ ученій о чувствѣ, какъ основѣ нравственности.

(Продолженіе *).

В.

Ш о п е н г а у э р ь.

Основною нравственности Шопенгауэръ признаетъ состраданіе и изъ этого принципа старается объяснить всѣ явленія нравственнаго порядка. Къ этому выводу онъ приходитъ двумя путями: 1) при помощи анализа данныхъ опыта, 2) при помощи вывода изъ метафизическихъ основоположеній.

I. Прежде чѣмъ подвергнуть анализу данныя опыта, Шопенгауэръ опредѣляетъ, въ чемъ заключаются основные признаки нравственнаго поведенія. Установивъ въ общихъ чертахъ фактъ существованія немногихъ истинно честныхъ и справедливыхъ людей среди громаднаго большинства несправедливыхъ, Шопенгауэръ указываетъ двѣ характеристическихъ черты этого рѣдкаго поведенія. Первая изъ этихъ чертъ состоитъ въ устраненіи того рода мотивовъ, которыми человекъ руководствуется во всемъ остальномъ поведеніи—своекорыстія, эгоизма. Потому-то открытіе своекорыстнаго мотива, если онъ былъ единственнымъ, совершенно лишаетъ поведеніе нравственной цѣнности, и уменьшаетъ ее, если онъ былъ побочнымъ. Но одного указаннаго признака не достаточно для того, чтобы отличить добрый поступокъ отъ злаго. Есть мотивы безкорыстные, но осуждаемые нравственностью. Такова безкорыстная жестокость и злоба.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1896 г. № 20.

Ясно однако, что эти мотивы здѣсь нельзя брать во вниманіе, потому что они составляютъ собою противоположность нравственнымъ поступкамъ, имѣющимъ въ виду благо другого. Такимъ образомъ, критеріемъ нравственности служить во первыхъ отсутствіе эгоистическихъ мотивовъ, во вторыхъ благо другого, поставленное цѣлью дѣятельности ¹⁾).

Для того, чтобы указать въ душѣ человѣка реальную силу, изъ которой могутъ вытекать поступки, отличающіеся двумя указанными чертами, слѣдуетъ припомнить всѣ возможные мотивы человѣческаго поведенія и выдѣлить изъ всей ихъ суммы тѣ, которые соотвѣтствуютъ требованіямъ нравственности. Этой цѣли у Шопенгауэра удовлетворяетъ рядъ слѣдующихъ положеній.

1) Никакое дѣйствіе не можетъ совершаться безъ достаточнаго мотива, подобно тому, какъ камень не можетъ двинуться съ мѣста безъ достаточно сильнаго толчка.

2) Служить побужденіемъ для воли можетъ только благо или страданіе, взятыя вообще и въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, равно какъ и наоборотъ, удовольствіе и страданіе означаетъ соотвѣтствующее волѣ или противное ей, слѣдовательно, каждый мотивъ долженъ имѣть отношеніе къ удовольствію или страданію.

3) Вслѣдствіе этого послѣднею цѣлію всякаго дѣйствія можетъ быть только существо, способное испытывать радость или горе.

4) Этимъ существомъ можетъ быть или самъ дѣятель, или другое существо, въ пользу или во вредъ которому направляется извѣстное дѣйствіе.

Соотвѣтственно четыремъ указаннымъ положеніямъ всѣ возможные мотивы человѣческихъ дѣйствій можно раздѣлить на три группы.

а) Эгоизмъ, стремящійся къ собственному благу.

б) Злоба, стремящаяся причинять другому страданіе.

в) Состраданіе, стремящееся къ чужому благу.

Прилагая къ тремъ перечисленнымъ мотивамъ воли два

¹⁾ *Arth. Schopenhauer. Die beiden Grundprobleme der Ethik. Leipzig 1881, s. 203—204.*

указанныхъ въ началѣ критерія нравственности не трудно уже сказать, какой изъ нихъ должно признать основою нравственности. Эгоизмъ своекорыстенъ и готовъ за минуту наслажденія пожертвовать всѣмъ міромъ. Онъ не имѣетъ нравственной цѣнности согласно первому критерию. Злоба и жестокость часто бываютъ безкорыстными, но онѣ осуждаются нравственностію потому, что безкорыстно ищутъ не блага, а страданія другихъ. Остается состраданіе, котороя удовлетворяетъ и тому, и другому требованію. Подъ его вліяніемъ человѣкъ забываетъ себя и непосредственно стремится къ благу другого или къ облегченію его страданій, какъ своихъ собственныхъ. Онъ страдаетъ при видѣ его страданій, чувствуетъ его боль, какъ обыкновенно только свою собственную, и потому непосредственно хочетъ его блага, какъ во всемъ остальномъ хочетъ только своего собственнаго ¹⁾).

Изъ состраданія не трудно вывести двѣ основныхъ добродѣтели—справедливость и человѣколюбіе. Та и другая въ сущности есть состраданіе, различающееся только въ степени. Первая низшая степень состраданія имѣетъ только отрицательное значеніе. Первоначально всѣ мы имѣемъ склонность жертвовать счастьемъ другого для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Наши собственные удовольствія непосредственно доступны нашему сознанію, тогда какъ о состояніяхъ другого мы знаемъ лишь посредственно, чрезъ представленія. Поэтому *ad neminem ante bona mens venit, quam mala*, какъ говоритъ Сенека. Первая степень состраданія побуждаетъ эту первоначальную склонность къ нарушенію правъ другого въ пользу собственныхъ удовольствій, она удерживаетъ человѣка отъ причиненія вреда и страданій другому, къ чему непосредственно побуждаютъ его эгоизмъ и злоба. Изъ этой первой степени состраданія возникаетъ правило справедливости: *neminem laede* (никому не вреди). При этомъ нѣтъ никакой необходимости, чтобы состраданіе возбуждалось всякій разъ, какъ только является искушеніе причинить страданіе другому для достиженія личныхъ цѣлей. Изъ разъ на всегда достигнутаго

¹⁾ Ibid. S. 205—210.

познанія о страданіи, которое непременно причиняется другому несправедливымъ поступкомъ, въ благородныхъ сердцахъ зарождается правило: *neminem laede* и развивается въ твердо принятое намѣреніе не возлагать на другого тѣхъ страданій, которыя судьба готовитъ намъ самимъ. Эти и подобныя правила служатъ какъ бы хранилищами, въ которыхъ сохраняется запасъ прежнихъ опытовъ и изъ которыхъ изливается по всякому данному поводу ¹⁾).

На болѣе высшей степени состраданіе отличается положительнымъ и активнымъ характеромъ. Въ этомъ случаѣ оно не только удерживаетъ отъ причиненія вреда и страданій другому, но и является могучимъ побужденіемъ помочь ему, облегчить его страданіе. Такое положительное участіе въ судьбѣ другихъ есть любовь, *caritas*, *ἀγάπη*, добродѣтель, впервые провозглашенная христіанствомъ и распространенная имъ даже на враговъ. Состраданіе на этой степени развитія побуждаетъ приносить въ пользу другого болѣе или менѣе значительныя жертвы, которыя могутъ состоять въ душевныхъ и тѣлесныхъ трудахъ, въ отреченіи отъ собственности, здоровья, даже жизни. Въ этомъ и кроется дѣйствительный источникъ человѣколюбія— добродѣтели, которая выражается правиломъ: *omnes, quantum potes, juva*.

Такимъ образомъ изъ состраданія развиваются двѣ основныхъ добродѣтели—справедливость и человѣколюбіе, которыя вмѣстѣ выражаются нравственнымъ принципомъ: *Neminem laede atque omnes, quantum potes, juva* ²⁾).

Но справедливость и человѣколюбіе не имѣютъ непосредственной нравственной цѣнности. Они важны и цѣнны только потому, что ведутъ къ высшей добродѣтели къ аскетическому самоотреченію. Жизнь въ цѣломъ есть страданіе. Всякое желаніе покоится на какой-нибудь падобности, вытекаетъ изъ какого-нибудь недостатка или страданія. Поэтому всякое счастье есть лишь временное устраненіе страданій, необходимо связанныхъ съ самою волею. Между тѣмъ воля обольщается видимостію и ищетъ счастья, какъ чего-то положительнаго. И

¹⁾ Ibid. S. 212—214 ср. Die Welt als Wille und Vorstellung B. I S. 437—438.

²⁾ Ibid. s. 227—230. D. W. a. W. u. V. B. I. S. 443—446.

чѣмъ болѣе она гоняется за призракомъ счастья, тѣмъ болѣе получаетъ страданій, потому что относительнаго спокойствія и счастья можно достигнуть не путемъ напряженія воли, необходимо связанной съ страданіями, а наоборотъ, путемъ подавленія ея. Къ этому истинному возрѣнію на сущность жизни и на дѣйствительное значеніе ея радостей человѣка приводитъ познаніе бѣдственности жизни. Поэтому выдающіяся несчастія въ жизни очень часто указываютъ человѣку путь спасенія. Въ дѣйствительной жизни мы встрѣчаемъ людей, которые, испытавши величайшія страданія и доведенные ими до полного отчаянія, приходятъ къ совершенному отрицанію воли и равнодушно встрѣчаютъ насильственную, позорную и мучительную смерть ¹⁾. Такимъ же средствомъ познанія бѣдственности жизни служатъ добродѣтели справедливости и любви. Справедливый человѣкъ никогда не согласится улучшить свою судьбу на счетъ другого. Вслѣдствіе этого онъ имѣетъ болѣе случаевъ убѣдиться въ бѣдственности жизни, чѣмъ несправедливый, старающійся возложить опредѣленную ему долю страданій на плеча другихъ.

Еще болѣе содѣйствуетъ познанію бѣдственности жизни любовь. Подъ вліяніемъ положительной стороны состраданія человѣкъ отождествляется со всѣмъ живущимъ, вслѣдствіе этого безконечныя страданія всѣхъ живыхъ существъ чувствуются имъ, какъ свои собственные. Всѣ мученія другихъ, которыя онъ видитъ самъ, всѣ страданія, о которыхъ онъ знаетъ посредственно, всѣ возможные и будущія страданія дѣйствуютъ на него, какъ свои собственные. Это познаніе всеобщаго страданія, глубоко коренящагося въ самой сущности бытія, производитъ на него такое дѣйствіе, что онъ наконецъ убѣждается въ суетности стремленія къ счастью и отказывается отъ самой воли къ жизни, стремится погасить ее совершенно ²⁾. Такого полного погашенія воли онъ достигаетъ посредствомъ аскетизма.

Прежде всего человѣкъ принимаетъ на себя подвигъ цѣломудрія. Тѣло есть объективное проявленіе воли къ жизни. Черезъ половую инстинктъ оно стремится продолжить жизнь за предѣ-

¹⁾ W. a. W. u. V. B. I s. 463—466.

²⁾ Ibid. s. 447—448.

лами личности. Человѣкъ, познавшій тщету жизни, не можетъ этого допустить. За цѣломудріемъ слѣдуетъ добровольная бѣдность, отреченіе отъ всѣхъ желаній, благодушное перенесеніе обидъ, постъ, самобичеваніе и другія средства ослабленія воли къ жизни ¹⁾).

II. Опытъ показываетъ, что нравственно цѣннымъ можетъ быть признано лишь поведеніе, опредѣляемое состраданіемъ. Эту истину можно однако обосновать не только эмпирически, но и метафизически. Ранѣе было указано три основныхъ мотива воли. Въ чемъ заключаются ихъ отличительныя черты? Онѣ заключаются въ томъ, насколько велико различіе, полагаемое дѣятелемъ между собою и другими людьми. Это различіе въ глазахъ злобнаго характера такъ велико, что въ страданіи другого онъ полагаетъ свое наслажденіе. Въ глазахъ эгоиста оно еще достаточно велико, такъ какъ позволяетъ ему больше страданіе ближняго употреблять въ качествѣ средства для мелкой личной выгоды. Для того и другого между ихъ собственнымъ „я“ и остальнымъ міромъ лежитъ глубокая, раздѣляющая ихъ пропасть. Наоборотъ, сострадательный человѣкъ отождествляетъ себя съ тѣми, въ пользу которыхъ онъ отрывается отъ личныхъ выгодъ, чужое „я“ приравниваетъ къ собственному ²⁾). Кто же правъ—эгоизмъ и злоба, или же состраданіе?

Рѣшая этотъ вопросъ эмпирически, нужно оправдать первыхъ, потому что въ опытѣ мы видимъ міръ раздѣленнымъ на множество индивидуумовъ. Однако существуетъ ли такая множественность въ самой дѣйствительности, независимой отъ нашей мысли? Чтобы отвѣтить на это, нужно только рѣшить, на чемъ основывается всякая множественность и численное различіе существъ. Оно основывается на пространствѣ и времени, которыя и нужно признать за *principium individuationis*. Но Кантъ доказалъ, что пространство и время суть только субъективныя формы чувственнаго возрѣнія, не приложимыя къ вещи въ себѣ. Если же для истинной сущности міра чужды пространство и время, то чужда, слѣдовательно, и множественность, стало быть въ безчисленномъ множествѣ существъ

¹⁾ Ibid. s. 449—452.

²⁾ Die beiden Grundprobleme, s. 265—266.

проявляется одна и та же сущность ¹⁾). Такимъ образомъ метафизика оправдываетъ состраданіе, таинственно прозрѣвающее за феноменальною множественностью существъ ихъ общую сущность.

Итакъ нравственный опытъ и метафизика приводятъ Шопенгауэра къ одному и тому же выводу—къ признанію состраданія единственной психологической основой нравственности.

Основнымъ пунктомъ ученія Шопенгауэра служитъ отождествленіе нравственности съ состраданіемъ. Между тѣмъ не всякое состраданіе нравственно; съ другой стороны отсутствіе состраданія не всегда безнравственно.

а) Соглашаясь съ Шопенгауэромъ, что всякое дѣйствіе, имѣющее нравственную цѣнность, должно опредѣляться безкорыстными мотивами, мы не раздѣляемъ его увѣренности въ томъ, что состраданіе всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ есть отрицаніе эгоизма. Въ основѣ такого взгляда на состраданіе лежитъ психологически недопустимое предположеніе. По ученію Шопенгауэра каждый актъ воли предполагаетъ мотивъ. Всякій мотивъ имѣетъ отношеніе къ страданію или удовольствію. Различіе мотивовъ состоитъ только въ томъ, чье удовольствіе или страданіе имѣется въ виду—самого ли дѣятеля или другого, чуждаго ему существа. Соглашаясь съ двумя первыми положеніями Шопенгауэра, нельзя однако принять послѣдняго, какъ основаннаго на поверхностномъ психологическомъ наблюденіи. Допустимъ, что каждое дѣйствіе предполагаетъ мотивъ, что составною частію мотива служитъ чувство удовольствія или страданія. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы чужое удовольствіе или страданіе могло сдѣлаться мотивомъ моей воли, не переставая быть для меня чужимъ. Страданія другого точно также не могутъ сдѣлаться мотивомъ *моей* воли, пока не станутъ въ то же время *моими* страданіями, какъ предметъ не можетъ быть познавъ мною, пока онъ не станетъ моимъ представленіемъ. Какъ показываетъ самая этимологія слова, состраданіе есть совмѣстное страданіе испытывающаго бѣдствіе или горе и свидѣтеля его мукъ. Утверждая противное, Шопенгауэръ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятель-

¹⁾ Ibid. s. 266—268 et. sg.

ствомъ, что при видѣ страданій другого намъ кажется, будто мы переживаемъ эти страданія непосредственно въ груди страдающаго. Мы сознаетъ эти отраженные страданія не какъ свои, но именно, какъ чужія. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ проявленій болѣе общаго свойства душевной жизни—способности относить состоянія своего духа къ внѣшнему объекту, къ тому, чѣмъ они возбуждаются. Явленіе это вполнѣ аналогично тому свойству нашей мысли, въ силу котораго мы считаемъ представленіе предметами, существующими внѣ нашего сознанія, а свои ощущенія свойствами, присущими этимъ предметамъ. Итакъ въ актѣ состраданія чужая боль, мука превращается въ мою собственную, но *сознается* обыкновенно въ качествѣ чужой. Въ этомъ дана возможность того, что всякое состраданіе можетъ принимать какъ отбѣнокъ безкорыстія, такъ и эгоистическій характеръ. Когда чужое страданіе превращается въ мое, то мысль можетъ или подчиниться непосредственному порыву, побуждающему ощущать эти страданія въ качествѣ чужихъ, или же разрушить эту иллюзію и погрузиться въ переживанія этого отраженнаго чувства, какъ своего собственнаго.

Въ первомъ случаѣ эгоизмъ, какъ разъединяющая сила, упраздняется и двѣ души соединяются въ одномъ общемъ чувствѣ. Теплота чувства расплавляетъ ледяную перегородку, воздвигаемую между людьми эгоизмомъ, и два сердца, коснувшись другъ друга, хотя на мгновеніе сливаются въ одно, какъ два ртутныхъ шарика. Болѣе тѣснаго единенія между отдѣльными существами быть не можетъ.

Во второмъ случаѣ анализъ мысли разрушаетъ это единеніе и замыкаетъ испытывающаго состраданіе въ сферѣ его личныхъ ощущеній. Страдающій теряетъ для него всякій интересъ. Соответственно этому измѣняется и дѣятельность. Ея объектомъ становится не страдающій, а собственное „я“. Если отраженное страданіе очень мучительно для сочувствующаго, то, сознавая его своимъ, онъ станетъ думать не о томъ, чтобы освободить отъ страданій пораженнаго горемъ или бѣдствіемъ, а о томъ, чтобы самому избавиться отъ него. При этомъ онъ скорѣе всего предпочтетъ болѣе прямой путь для

достиженія своей цѣли, т. е., постарается не видѣть чужихъ страданій и не думать о нихъ. Но это еще не худшая возможность. Отраженное страданіе не всегда бываетъ чуждо всякихъ элементовъ удовольствія. Мы уже указывали на то, что живое ощущеніе чужого страданія можетъ быть пріятно, усиливая по закону контраста чувства собственнаго благополучія, чѣмъ и объясняется привлекательность жестокости ¹⁾. Часто также при видѣ страданій бываетъ удовлетворено любопытство, вслѣдствіе чего состраданіе принимаетъ также пріятный оттѣнокъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ, занятый только своими личными ощущеніями, не имѣетъ въ самомъ состраданіи достаточно сильнаго побужденія спѣшить прекращеніемъ страданій, которыми оно вызывается. Только въ томъ случаѣ человѣкъ спѣшитъ на помощь другому, если въ его состраданіи безусловно преобладаютъ непріятные элементы и если при этомъ они сознаются не какъ личное тяжелое чувство, а относятся къ самому страдающему, сознаются, какъ его страданія. Итакъ, одинаково неправы какъ Шопенгауэръ, считающій состраданіе безкорыстнымъ во всѣхъ случаяхъ, такъ и нѣкоторые изъ его критиковъ ²⁾, утверждающіе столь же категорически противоположное. Въ дѣйствительности состраданіе можетъ принимать какъ эгоистическій, такъ и безкорыстный оттѣнокъ. Такимъ образомъ состраданіе, прилагая къ нему критерій самого Шопенгауэра, можетъ быть какъ нравственно цѣннымъ, такъ и достойнымъ нравственнаго порицанія. Видѣть это Шопенгауэру помѣшала ложная мысль, что чужое страданіе можетъ сдѣлаться мотивомъ воли, не переходя въ страданіе самого дѣятеля.

б) Если не всякое состраданіе необходимо нравственно, то съ другой стороны безнравственно не всякое дѣйствіе, опредѣляемое мотивами, не имѣющими ничего общаго съ состраданіемъ. Напр. въ основѣ заботы о сохраненіи своей жизни не-

¹⁾ См. нашу статью Критика нравственнаго ученія Бэнтама въ Богослов. Вѣстникѣ 1896 г. февр. стр. 263—270.

²⁾ Напр. *I. M. Tschöfen*, въ своемъ сочиненіи *Die Philosophie Arturs Schopenhauers in ihrer Relation zur Ethik*, на этой мысли основывающій всю свою критику нравственнаго ученія Шопенгауэра.

сомнѣнно лежитъ эгоизмъ, однако въ этомъ нѣтъ ничего дурного, пока заботы о тѣлѣ не превращаются въ похоти. Говорить правду несомнѣнно хорошо, но выводить добродѣтель справедливости изъ состраданія значитъ давать фактамъ объясненіе въ высшей степени натянутое. Уваженіе къ героямъ нравственности, къ научнымъ и художественнымъ талантамъ точно также не имѣетъ никакого отношенія къ состраданію и однако не осуждается, а предписывается нравственностью. Такимъ образомъ уже при поверхностной оцѣнкѣ теорія Шопенгауэра оказывается слишкомъ узкою. Корень его ошибки, имѣвшей такія послѣдствія, кроется въ недостаткѣ метода изслѣдованія. Признаніе страданія единственною основою нравственности опирается на поверхностномъ обобщеніи фактовъ, одобряемыхъ нравственнымъ сознаніемъ. Въмѣсто того, чтобы собрать все, одобряемое совѣстію, и, подвергнувъ это старательному анализу, указать общій признакъ, Шопенгауэръ наскоро обобщилъ лишь часть явленій, одобряемыхъ нравственнымъ сознаніемъ, и ихъ общій признакъ выдалъ за отличительную черту всего нравственно-дѣннаго.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ оцѣнкѣ дедуктивной части нравственной системы Шопенгауэра и посмотримъ, на сколько основательно объясняется имъ происхождение добродѣтели справедливости и человеколюбія изъ состраданія.

1) Справедливость, по ученію Шопенгауэра, есть добродѣтель отрицательная. Она состоитъ въ воздержаніи отъ нанесенія вреда и страданій другимъ подъ вліяніемъ состраданія къ дѣйствительному или ожидающему ихъ горю.

Это положеніе совершенно уничтожается тѣмъ обстоятельствомъ, что не всякое причиненіе страданій несправедливо и не всякая несправедливость состоитъ въ причиненіи страданій. Когда журналистъ даетъ дурной отзывъ о плохой картинѣ, когда учитель ставитъ дурной баллъ на экзаменѣ, когда начальникъ подвергаетъ дисциплинарнымъ взысканіямъ подчиненнаго—страданіе другому безъ сомнѣнія причиняется и однако здѣсь нѣтъ еще никакой несправедливости.

Съ другой стороны, несправедливость не всегда причи-

няетъ страданіе потерпѣвшему. Въ составъ требованій справедливости входятъ такія, которыя опредѣляютъ отношенія человѣка къ собирательной единицѣ—обществу, государству. Но въ этихъ случаяхъ страданія, причиняемая нарушеніемъ права, менѣе всего замѣтны. Уклоненіе отъ государственныхъ повинностей напр. отъ исправнаго взноса податей, правда приноситъ цѣлому нѣкоторый вредъ, но этотъ послѣдній, будучи раздѣленъ на число всѣхъ членовъ государства, даетъ въ частномъ величину столь незначительную, что отъ нея никто не потерпитъ серьезнаго ущерба и состраданіе преступника нисколько не будетъ затронуто. Такимъ образомъ состраданіе и справедливость не покрываютъ друга друга, но лишь отчасти совпадаютъ. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ состраданіе бываетъ справедливо, но въ какихъ именно,—опредѣлить этого очевидно невозможно, исходя изъ одного только состраданія.

Недостаточность состраданія для опредѣленія границъ права косвенно признаетъ и самъ Шопенгауеръ, обращаясь въ затруднительныхъ случаяхъ къ основоположеніямъ чистаго разума. Причиненіе страданій другому съ цѣлію самозащиты не противорѣчитъ требованіямъ права и не считается несправедливостью. Этого однако не могло бы быть, если бы въ основѣ справедливости лежало состраданіе. Дозволительность насильственной самообороны, по сознанію самого Шопенгауэра, опирается на апріорный принципъ чистаго разума: „causa causae est causa effectus“, смыслъ котораго заключается въ томъ, что причиною насилія, употребленнаго мною для самозащиты, служитъ нападающій на меня, а не я самъ, и что, слѣдовательно, я могу сопротивляться всѣми средствами посягательствамъ на мою личность съ его стороны, не нарушая его правъ ¹⁾).

Здѣсь основою для признанія справедливости насильственной самообороны является не состраданіе, которое въ данномъ случаѣ должно вообще возбуждаться такъ же сильно, какъ и при всякомъ вообще вредительствѣ, а разсудочное понятіе. Состраданіе отвѣчаетъ на всякое страданіе, не справ-

¹⁾ *Shopenhauer*. Die beiden Grundprobleme der Ethik S. 218.

ляясь о томъ, что служить его причиною и достоинъ ли его страдающій или же терпитъ его незаслуженно. Если же въ данномъ случаѣ позволительно дѣйствовать вопреки состраданію, то очевидно потому, что само состраданіе подчиняется какому-либо высшему принципу.

Желая избѣжать такого вывода, Шопенгауэръ утверждаетъ, что подобные принципы суть не что иное, какъ обобщеніе случаевъ дѣйствительнаго состраданія. Изъ разъ навсегда пріобрѣтеннаго познанія, что несправедливые поступки приносятъ вредъ другому, возникаетъ правило: *ne mihi in laede*. Это правило есть своего рода хранилище, въ которомъ заключено состраданіе какъ бы въ возможности и изъ котораго оно изливается по всякому достаточному поводу, переходя изъ потенциальнаго состоянія въ дѣйствительную силу ¹⁾.

Но какимъ бы образомъ ни возникали эти правила, между ними и состраданіемъ существуетъ явный антагонизмъ. Если человѣкъ дѣйствуетъ по состраданію, то не по принципу, а если по принципу, то не по состраданію.

Состраданіе есть лишь моментальный аффектъ, который можетъ быть мотивомъ дѣятельности лишь до тѣхъ поръ, пока человѣкъ его испытываетъ, правило же опредѣляетъ волю независимо отъ его случайнаго настроенія, даже вопреки этому настроенію. Человѣкъ, поставившій своимъ правиломъ Евангельское изреченіе: „просящему у тебя дай“ (Мѡ. 5, 42), оказываетъ помощь всѣмъ, хотя бы нуждающійся и не возбуждалъ состраданія. Напротивъ, подающій милостыню по состраданію, помогаетъ только тогда, когда чувствуетъ состраданіе, но въ этомъ случаѣ онъ вовсе не думаетъ о правилѣ. Одновременное дѣйствіе по правилу и по склонности возможно, но лишь при томъ условіи, если сама склонность является не такой случайной и скоропреходящей, какъ состраданіе, а постоянной, какъ само правило.

Этотъ принципиальный антагонизмъ между состраданіемъ, какъ случайнымъ аффектомъ, и правилами обнаруживается въ томъ, что дѣятельность, опредѣляемая состраданіемъ, по боль-

¹⁾ *Schopenhauer* Op. cit. S. 269.

шей части бываетъ несправедливой, а правила часто побуждаютъ человѣка поступать вопреки состраданію.

б) Если человѣкъ дѣйствуетъ исключительно по состраданію, то очевидно, что при столкновеніи двухъ случаевъ состраданія поведеніе его будетъ опредѣляться сильнѣйшимъ. Но сила состраданія стоитъ въ зависимости отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ справедливостью. Въ самомъ дѣлѣ живость состраданія зависитъ отъ чисто случайныхъ субъективныхъ и объективныхъ причинъ. Способность къ живому сочувствію не одинакова у различныхъ людей и стоитъ въ связи съ ихъ субъективными особенностями. Она опредѣляется главнымъ образомъ степенью живости воображенія. Чѣмъ нагляднѣе и живѣе въ нашемъ сознаніи образъ страданія или радости, тѣмъ сильнѣе онъ возбуждаетъ чувство.

У одного и того же человѣка способность къ сочувствію не представляетъ собою величины постоянной. Въ молодости, когда чувство и воображеніе свѣтлѣе, человѣкъ охотнѣе и живѣе отзывается на чувство другого, чѣмъ въ старости.

Наконецъ, способность сочувствія зависитъ отъ настроенія духа. Горе и непріятности замыкаютъ сердце для другихъ, наоборотъ, часто уже сытный и вкусный обѣдъ широко открываетъ его двери. Потому-то человѣкъ часто и спѣшитъ ознаменовать свою радость благодареніями.

Вслѣдствіе такой измѣнчивости способности къ сочувствію изъ нея никогда не можетъ произойти устойчиваго направленія дѣятельности, тогда какъ неуклонность въ исполненіи обязанностей есть идеаль справедливости.

Объективными причинами, способствующими возбужденію живого сочувствія, служитъ рѣзкость впечатлѣнія и его пригодность для возбужденія въ зрителѣ наиболѣе яркаго представленія о чужомъ состояніи. Отсюда чѣмъ сильнѣе кричитъ о себѣ горе, тѣмъ болѣе возбуждаетъ оно сочувствія въ зрителѣ. Секретъ этотъ прекрасно усвоили нищіе, выставляющіе на показъ гнойныя язвы, уродства и искалѣченные члены, и публика охотно жертвуетъ свои лепты для утоленія притворнаго горя, равнодушно проходя мимо бѣдности, въ лихорадкѣ и чахоткѣ выбивающейся изъ силъ надъ непосильнымъ трудомъ, но стыдящейся просить милостыню.

б) Преслѣдуя въ свой дѣятельности извѣстныя правила, человекъ часто расходится съ своимъ сердцемъ. Служить извѣстному дѣлу значить придавать мало значенія тому, что чувствуютъ его непосредственные исполнители. Интересъ дѣла часто требуетъ строгихъ взысканій и отрѣшенія отъ должности нерадивыхъ и неискусныхъ дѣятелей. Но все это не только больно чувствуется пострадавшими, но и лицами, тѣсно связанными съ ними, ихъ семьями. Не останавливающейся предъ этимъ общественный дѣятель поступаетъ вопреки состраданію. Антагонизмъ между состраданіемъ и справедливостью прекрасно доказывается наблюденіемъ, которое отмѣчаетъ самъ Шопенгауэръ. Превосходя мужчинъ въ добродѣтели человеколюбія, женщины уступаютъ имъ въ способности поступать справедливо ¹⁾. Но женщины гораздо болѣе способны къ состраданію, чѣмъ мужчины. Отсюда видно, что чѣмъ болѣе дѣйствуетъ состраданіе, тѣмъ менѣе получается въ результатѣ справедливости и наоборотъ.

Все это приводитъ насъ къ тому заключенію, что состраданіе не можетъ быть основою добродѣтели справедливости.

2. Состраданіе въ своей положительной формѣ, какъ сила не только удерживающая человека отъ нанесенія вреда ближнему, но побуждающая его по мѣрѣ возможности помогать нуждающимся, есть, по ученію Шопенгауэра, добродѣтель человеколюбія, ἀγάπη, caritas, провозглашенная христіанствомъ. Такимъ образомъ Шопенгауэръ отождествляетъ любовь и состраданіе.

Не входя пока въ подробное сравненіе любви и состраданія, къ которому мы возвратимся нѣсколько ниже, мы отмѣтимъ здѣсь крайнюю узость принципа Шопенгауэра. Въ самомъ дѣлѣ Шопенгауэръ отождествляетъ состраданіе и любовь, между тѣмъ состраданіе не только уже любви, но и сочувствія, потому что служить выраженіемъ участія только въ горѣ, но не въ радости другого. Шопенгауэръ оставляетъ безъ вниманія цѣлую область нравственныхъ отношеній—сорядованіе. Между тѣмъ сорядованіе даже цѣннѣе съ нравственной точки зрѣнія, чѣмъ состраданіе.

¹⁾ Ibid. s. 215.

Оно относится къ состраданію такъ же, какъ по ученію Шопенгауэра добродѣтель челоуѣколюбія къ справедливости, т. е., если состраданіе служитъ побужденіемъ къ устраненію страданій, то сорадованіе влечетъ къ дѣятельности, направленной къ возможно большому увеличенію суммы радости и счастья въ мірѣ. Истиннымъ благодѣтелемъ челоуѣчества является не тотъ, кто отираетъ лишь слезы, но тотъ, кто стремится предупредить горе и подготавливаетъ лучшее будущее. Своимъ отрицательнымъ характеромъ состраданіе между прочимъ и отличается рѣзко отъ любви, которая вѣчно мечтаетъ именно о счастья любимаго.

Отрицаніе нравственнаго значенія сорадованія въ ученіи Шопенгауэра не есть случайный недосмотръ, а сознательное убѣжденіе этого мыслителя, глубоко коренящееся въ его основныхъ воззрѣніяхъ. Сорадованіе онъ не только не признаетъ нравственно цѣннымъ, но считаетъ его и вообще невозможнымъ, доказывая свою мысль двумя одинаково несостоятельными соображеніями.

а) По ученію Шопенгауэра только страданіе имѣетъ положительное значеніе, только оно одно ощущается непосредственно, что же касается радости, то она есть только отсутствіе страданія, успокоеніе отъ предшествующей боли, удовлетвореніе болѣзненно ощущаемой потребности. Но если радость не имѣетъ самостоятельнаго значенія, какъ простое утоленіе печали, то и сорадованіе есть только прекращеніе боли состраданія ¹⁾.

Отрицаніе положительнаго значенія за удовольствіемъ внушено Шопенгауэру не наблюденіемъ надъ дѣйствительностію, а общимъ пессимистическимъ характеромъ его мысли. Простой опытъ опровергаетъ это положеніе.

Правда, есть удовольствія, вытекающія изъ уничтоженія страданій, но есть также много и такихъ пріятныхъ ощущеній, которымъ не предшествуетъ и тѣни страданія даже въ формѣ сознанія недостатка, влеченія. Таково напр. удовольствіе обонянія, положительный характеръ котораго былъ отмѣченъ еще

¹⁾ Ibid. s. 211.

Платономъ. Затѣмъ сюда же слѣдуетъ отнести удовольствіе неожиданнаго пріобрѣтенія вещи, потребности въ которой раньше не сознавалось вовсе. Наконецъ, исключительно положительнымъ характеромъ отличается безпричинное чувство физическаго благосостоянія. Такимъ образомъ падаетъ предпосылка отрицанія нравственнаго значенія сорадованія, увлекая за собою и выводъ.

б) Другимъ основаніемъ для отрицанія возможности сорадованія служитъ для Шопенгауэра то наблюденіе, что „счастливый, удовлетворенный оставляетъ насъ равнодушными“¹⁾. Но во 1-хъ, наблюденіе это не совсѣмъ справедливо. Веселое, здоровое лицо доставляетъ живѣйшее удовольствіе, если только наше сочувствіе не разбивается о противоборствующія ему влеченія. Во 2-хъ, самъ Шопенгауэръ допускаетъ возможность сорадованія по отношенію къ дѣтямъ, роднымъ, друзьямъ и вообще близкимъ. Наличие сорадованія въ этихъ случаяхъ доказываетъ не его невозможность, а лишь то, что источникомъ всякаго сорадованія служитъ любовь. Согласимся даже, что сорадованіе представляетъ собою болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ состраданіе, но это не уменьшаетъ, а увеличиваетъ его нравственную цѣнность. Способность къ сорадованію есть знакъ исключительной доброты сердца и его свободы отъ зависти.

Итакъ, состраданія нельзя отождествлять съ любовью уже по тому одному, что оно отличается отрицательнымъ характеромъ и остается равнодушнымъ къ радости ближняго. Болѣе широкимъ принципомъ объясненія явленій нравственности можно признать поэтому вообще симпатію, подъ которою разумѣется сочувствіе въ двухъ его видахъ—состраданіи и сорадованіи. Но это добавленіе лишь нѣсколько расширяетъ принципъ состраданія и потому въ свою очередь является слишкомъ узкимъ. Даже въ этомъ пополненномъ видѣ принципъ Шопенгауэра нельзя отождествлять съ любовью. Сочувствіе, проявляющееся въ состраданіи и сорадованіи, не есть еще любовь. Есть два существенныхъ признака, отличающихъ это состояніе чувства отъ любви: во 1-хъ сочувствіе пассивно,

¹⁾ Ibid. s. 211.

любовь активна, во 2-хъ, сочувствіе есть дѣло минуты, любовь—настроеніе, отличающееся большимъ постоянствомъ.

Пассивность симпатіи выяснена нами довольно подробно въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Это есть простое переживаніе въ себѣ самомъ радости или страданія другого. Отношеніе же къ этимъ страданіямъ и радостямъ опредѣляется наличностью въ душѣ другихъ чувствъ—ненависти, мести или любви. Случаи зависти, злорадства, жестокости показываютъ, что отраженные страданія или радости не всегда ведутъ къ дѣятельности, свойственной любви. Наоборотъ, любовь всегда обнаруживается въ сочувствіи къ страданіямъ и радостямъ любимаго и въ дѣятельной помощи ему.

Вторымъ отличительнымъ признакомъ сочувствія служитъ его кратковременность. Чтобы видѣть различіе въ этомъ отношеніи между любовью и сочувствіемъ сравните чувство, возникающее при видѣ больной и едва дышащей овцы, отставшей отъ стада, съ любовью къ этому животному, описываемой пророкомъ Наѳаномъ въ своей притчѣ. „У бѣднаго ничего не было кромѣ одной овечки, которую онъ купилъ маленькою и выкормилъ и она выросла у него вмѣстѣ съ дѣтьми его; отъ хлѣба его она ѣла и изъ чаши его пила и на груди у него спала и была для него какъ дочь“ (2 кн. Цар. 12, 3). Если сочувствіе есть сила, единящая людей, то она соединяетъ ихъ лишь на одну минуту, чтобы потомъ снова покинуть ихъ во власть обособляющаго эгоизма. Какъ состояніе духа пассивное, оно испытывается человекомъ лишь при наличности возбуждающей причины и лишь до тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя находится въ дѣйствиіи. Въ виду этой кратковременности сочувствія оно является совершенно непригоднымъ для опредѣленія общихъ и постоянныхъ отношеній, предписываемыхъ нравственностью. Это особенно ясно видно въ тѣхъ случаяхъ, когда сочувствіе проявляется между людьми, которые другъ для друга совершенно безразличны: радость или горе на минуту связываетъ ихъ, но потомъ они расходятся и снова забываютъ другъ про друга.

¹⁾ См. упомянутую статью. Богосл. Вѣстникъ 1896 г. февр. стр. 263—270.

Сочувствіе не въ состояніи одержать прочную побѣду не только надъ взаимною отчужденностью людей, но можетъ легко уживаться даже при общихъ отношеніяхъ глубокаго антагонизма. Кулакъ, живущій какъ паукъ на счетъ окружающей его бѣдноты, въ единичныхъ случаяхъ можетъ испытать состраданіе къ своимъ жертвамъ. Когда его постоянныя вымогательства доставляютъ кому-либо слишкомъ очевидныя и глубокія страданія, онъ на мигъ отождествляется съ тѣми, которыхъ систематически разоряетъ, и подъ вліяніемъ этой вспышки легко можетъ смягчить суровость своихъ требованій. Но погашенное такимъ образомъ состраданіе не оставляетъ уже никакого мотива для перемѣны его общаго отношенія къ людямъ.

Такимъ образомъ отношенія, основанныя на сочувствіи, по своей непрочности напоминаютъ дружбу, возникшую за бутылкой вина, которая обыкновенно исчезаетъ вмѣстѣ съ винными парами. Напротивъ, отношенія, построенныя на любви, отличаются продолжительностью и постоянствомъ. Не трудно послѣ этого видѣть, что болѣе соотвѣтствуетъ нравственнымъ требованіямъ—любовь или сочувствіе. Любовь должна имѣть преимущество уже потому, что идеаломъ нравственности служитъ не минутное согласіе воль, потомъ снова погружающихся во вражду или равнодушіе, а постоянное единеніе ихъ.

Далѣе любовь, какъ постоянное настроеніе, легче согласить съ требованіями справедливости. Поэтому именно въ любви нужно искать примиренія долга и склонности. Сочувствіе бываетъ несправедливо по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что не можетъ отличить истиннаго горя отъ притворнаго, во вторыхъ потому, что не можетъ предпочесть отдаленнаго, но существеннаго блага наличному, хотя и меньшему страданію. То и другое обстоятельство стоитъ въ связи съ кратковременностью сочувствія. Сочувствіе лишь на минуту объединяетъ людей, потомъ наступаетъ снова отчужденіе. Отсюда человѣкъ, дѣйствующій только подъ вліяніемъ сочувствія, легко обманывается относительно степени нужды тѣхъ, кому хочетъ помочь. Онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ единичнаго впечатлѣнія, которое уже по одному этому ненадежно, такъ какъ не можетъ быть провѣрено другими впечатлѣніями. Лучшее сред-

ство для того, чтобы убѣдиться въ призрачности галлюцинацій и иллюзій, есть провѣрка впечатлѣній болѣзненно возбужденнаго органа ощущеніями другихъ органовъ чувствъ. Состраданіе, судящее о степени горя по рѣзкости его выраженія, часто обманывается, потому что не можетъ провѣрить своего заключенія путемъ сопоставленія его съ данными, полученными на основаніи общаго знакомства съ темпераментомъ и характеромъ страдающей личности. Сочувствіе, какъ случайное соприкосновеніе личностей, такого общаго знакомства дать не можетъ. Напротивъ, любовь есть постоянное единеніе. Стремленіе къ постоянному общенію въ мысляхъ и чувствахъ есть первое выраженіе зарождающейся любви. Неудивительно поэтому, что любовь достигаетъ удивительнаго ясновидѣнія. Между любящими устанавливается имъ только доступный языкъ взглядовъ и неувидимыхъ тѣлодвиженій, благодаря которому они въ совершенствѣ понимаютъ другъ друга. Продолжительная любовь до такой степени согласно настраиваетъ людей, что они получаютъ возможность понимать другъ друга безъ словъ и другихъ внѣшнихъ выраженій внутренняго состоянія. Правда, мы беремъ здѣсь любовь въ узкомъ смыслѣ — любовь семейную, дружбу, связывающую небольшой кружокъ лицъ, но и любовь къ человѣку вообще отличается тѣми же свойствами, только напряженность ея бываетъ слабѣе и потому свойства ея не такъ отчетливо можно различить

То же постоянство любви устраняетъ несправедливость сочувствія и въ другомъ отношеніи. Сочувствіе можетъ быть мотивомъ дѣятельности лишь въ моментъ его возбужденія. При этомъ слабое, но наличное страданіе возбуждаетъ его сильнѣе, чѣмъ сильное, но ожидаемое. Обратимся къ примѣру, которымъ мы уже пользовались однажды, но который особенно наглядно выясняетъ сущность дѣла. Если неразумная мать не можетъ показать ребенка, въ которомъ замѣчаетъ опасную и вредную склонность, изъ боязни причинить ему минутное страданіе, она дѣйствуетъ подъ вліяніемъ сочувствія. Она вся уходитъ въ этотъ моментальный аффектъ и теряетъ уже всякую способность обсуждать послѣдствіе. Ея отуманенный умъ минутѣ отдаетъ предпочтеніе предъ цѣлою жизнью. Наоборотъ

любовь горитъ постояннымъ и ровнымъ пламенемъ. Такое состояніе чувства способно лишь изощрять мысль въ соответствующемъ направленіи. Если сочувствіе ослѣпляетъ, то любовь окрыляетъ мысль. Ничто не можетъ сравниться съ изобрѣтательностію и предусмотрительностію любви во всемъ, что касается блага любимаго. Это само собою вытекаетъ изъ постоянства этого чувства, направляющаго мысль въ одну и ту же сторону.

Итакъ изъ всего этого мы видимъ, что сочувствіе и любовь существенно различаются другъ отъ друга и что отличительныя свойства любви дѣлаютъ это чувство болѣе отвѣчающимъ требованіямъ нравственности, чѣмъ сочувствіе.

И. Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

(Продолженіе *).

Г Л А В А XVI.

Оптимизмъ и пессимизмъ.

Взгляды, высказанные мною на бѣдствія человѣческой жизни, надѣюсь, справедливы. Но для того, чтобы они получили философское значеніе, ихъ необходимо развить систематически. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ останавливаться вниманіемъ надъ фактомъ бѣдственности человѣческой жизни, меня постоянно занималъ вопросъ: хороша жизньъ или дурна? Каковъ, однако, точный смыслъ этого вопроса?

Хороша-ли жизньъ или дурна?

Этотъ вопросъ прежде всего значитъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующее: если взять жизньъ въ цѣломъ, то сумма благъ въ ней превосходитъ ли сумму бѣдствій, или же, наоборотъ, сумма бѣдствій превышаетъ сумму благъ? Но о какихъ благахъ и о какихъ бѣдствіяхъ здѣсь идетъ рѣчь? О чемъ спрашиваютъ? Находятъ ли, что наслажденія въ жизни болѣе, чѣмъ страданія, или же, наоборотъ, что страданія въ жизни больше, чѣмъ наслажденія? Это такъ, конечно; но въ вопросѣ заключается и нѣчто болѣе глубокое. Именно спрашиваютъ: есть ли въ жизни хотя чтонибудь такое, что могло бы, не смотря на бѣдствія, которыми она изобилуетъ, сообщить ей въ концѣ концовъ какуюнибудь цѣнность; или же, быть можетъ, не смотря на то,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1896 г. № 20.

что къ ней примѣшано много благъ, она все таки въ результатѣ не имѣетъ серьезной цѣны и значенія?

Опредѣлимъ вопросъ еще точнѣе.

Такъ какъ нравственный законъ есть законъ жизни, то жизнь дурна въ томъ случаѣ, если страданія, усиленія, борьба существуютъ въ ней совершенно напрасно, т. е., если нравственный законъ не приноситъ въ нее ничего,—по крайней мѣрѣ, ничего значительнаго. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь въ такомъ случаѣ нравственный законъ оказывался-бы причиной многихъ бѣдствій, тогда какъ результаты, которые при этомъ достигались бы, были бы такъ скудны и нравственность сводилась бы къ чему то столь ничтожному, что, по истинѣ, не стоило бы изъ-за нея столько страдать и бороться. Весь этотъ „трагизмъ жизни“, въ сущности былъ бы несоразмѣрнымъ съ конечнымъ результатомъ.

Напротивъ, не смотря на всѣ эти бѣдствія, мы, все таки должны признать жизнь хорошею, если страданіе на самомъ дѣлѣ плодотворно и конечная цѣль жизни,—цѣль благородная, прекрасная, достойная стремленій,—достигается или, по крайней мѣрѣ, достижима.

Такимъ образомъ, смыслъ вопроса: „хороша-ли жизнь, или дурна?“ постепенно разнообразится.

Жизнь, взятая въ цѣломъ, печальна или радостна?—вотъ одинъ смыслъ вопроса. Далѣе, если мы возьмемъ вопросъ въ болѣе глубокомъ и лучшемъ смыслѣ, мы можемъ спросить, напр., такъ: имѣетъ-ли жизнь какое нибудь достоинство или нѣтъ? Чего заслуживаетъ она, уваженія или презрѣнія? Имѣетъ-ли она цѣль и при томъ цѣль достижимую или же она въ сущности незначительна и бесплодна? И наконецъ, можно ли довѣрять или къ ней слѣдуетъ относиться съ недоувѣріемъ, какъ къ вѣроломному другу? Но и это еще не все. Чѣмъ больше я размышляю, тѣмъ больше расширяется и усложняется вопросъ.

Человѣкъ имѣетъ то преимущество, что онъ не смотритъ на себя, какъ на нѣчто единичное, какъ на существо исключительно индивидуальное. Онъ принимаетъ въ соображеніе все челоувѣчество и считаетъ его какъ бы однимъ человѣкомъ. Человѣчество же не состоитъ лишь изъ тѣхъ людей, которые жи-

вуть въ настоящее время, но также и изъ тѣхъ, которые жили и будутъ жить.

Слѣдовательно, когда я спрашиваю, хороша ли жизнь или дурна, то я думаю не только о своей собственной жизни, или о жизни людей своего времени. Нѣтъ, я обнимаю въ своей мысли все человѣчество, которое наполняетъ собою вѣка, и вотъ объ этой то жизни *человѣчества* я и спрашиваю: богаче ли она въ концѣ концовъ добромъ, чѣмъ зломъ, или же наоборотъ? Именно объ этомъ то ходѣ *человѣчества* въ теченіе всѣхъ вѣковъ я и спрашиваю себя: имѣетъ ли онъ смыслъ и приносятъ ли, въ концѣ концовъ, всѣ эти усилія и страданія хоть сколько нибудь значительную пользу,—имѣютъ ли они такую цѣнность, чтобы жизнь для *человѣчества* стоила того, чтобы жить?

Но если бы даже я, онасясь потеряться въ такихъ сложныхъ и запутанныхъ размышленіяхъ, сталъ говорить лишь о каждомъ *человѣкѣ* въ отдѣльности, то затрудненія отъ этого все таки не уменьшились-бы. Въ самомъ дѣлѣ, что сказать о каждомъ *человѣкѣ* въ отдѣльности? *Человѣческой* индивидуумъ съ его корнями, уходящими въ это долгое и таинственное прошлое, и съ его видами на это неопредѣленное и еще болѣе таинственное будущее; *человѣкъ*, такъ сказать, резюмирующій въ себѣ прошедшее и способствующій подготовленію будущаго, имѣетъ ли онъ на этой сценѣ, на которой является для того, чтобы вскорѣ исчезнуть, хоть сколько нибудь значительную роль? То, что онъ приходитъ сдѣлать въ этой жизни, стоитъ ли того, чтобы проливалось столько слезъ, а иногда и столько крови? Словомъ для индивидуума, какъ и для *человѣчества*, жизнь стоитъ ли того, чтобы жить?

Вопросъ, какъ видимъ опять таки очень сложенъ. Я не могу произнести сужденія о жизни *отдѣльнаго* *человѣка*, не отдавая себѣ отчета въ томъ мѣстѣ, которое *человѣчество* занимаетъ въ мірѣ, равно какъ и о мѣстѣ *каждаго* *человѣка* въ цѣломъ *человѣчествѣ*.

Жизнь *каждаго* *человѣка* есть не что иное, какъ точка. Точка эта какъ бы затеряна въ обширномъ пространствѣ. И вотъ необходимо опредѣлить, какъ бы посредствомъ измѣреній, ея мѣсто.

Не слѣдуетъ ли, при такомъ условіи, изъ предосторожности ограничить кругозоръ? Попытаюсь забыть о томъ пространствѣ, которое меня окружаетъ, и буду смотрѣть лишь на ту точку, которая есть моя жизнь, жизнь мнѣ принадлежащая, жизнь во мнѣ и для меня. Я знаю, что у меня есть своя задача, свое правило, свой законъ, равно какъ и свои дѣйствія. Не будетъ ли намъ теперь легче разрѣшить вопросъ, ограниченный такимъ образомъ? Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе безспорный фактъ, что часто я нахожу жизнь пріятной и всегда или почти всегда сносной. Уже благодаря этому одному указанію на фактъ, очевидно, устраняется изъ вопроса много трудностей. Однако какое мѣсто въ моей жизни занимаетъ то, въ чемъ, какъ я знаю, именно и состоитъ смыслъ жизни, т. е., нравственный законъ? Нравственный законъ долженъ вѣдь быть владыкой жизни и, когда онъ управляетъ ею и проникаетъ ее собой, то составляетъ ея славу и глубочайшую радость. Вотъ высокій идеалъ! Какова же дѣйствительность? Весьма жалкая, безъ сомнѣнія. То, что составляетъ красоту и славу жизни, занимаетъ въ ней лишь скромное мѣсто. То, что составляетъ подлинный и истинный смыслъ жизни, лишь слегка касается ея и далеко не наполняетъ собою. Но положимъ, что долгомъ проникнута вся моя жизнь; что при всѣхъ неизбѣжныхъ паденіяхъ я все таки, въ сущности предаю добру. Это дѣлаетъ, безъ сомнѣнія, жизнь хорошей. Это придаетъ ей достоинство, превосходство, цѣнность. Если я дѣлаю такое употребленіе изъ жизни, то тогда стоитъ, конечно жить. Но что затѣмъ?—Вдумаешься въ связь вещей: эта преданность добру есть преданность тому, что никогда не погибнетъ; жизнь истинно нравственная есть такая жизнь, въ составъ которой, такъ сказать, входятъ элементы или начала вѣчныя, которыя и преобразуютъ ее. Здѣсь сквозь брѣнную и преходящую оболочку просвѣчиваетъ вѣчность. Но спрашивается эти неопредѣленные стремленія, которыя возбуждаются въ душѣ мужественнымъ исполненіемъ долга и добра, могутъ ли они, въ концѣ концовъ, быть безпредметными? Развѣ я для того любилъ это вѣчное,—любилъ до самопожертвованія, до готовности изъ-за него на смерть,—чтобы самому на вѣки

исчезнуть? Можетъ ли жизнь считаться хорошей, если достигнувъ безсмертнаго въ предѣлахъ, положенныхъ смертному, она не продлится еще далѣе, чтобы тамъ вѣрнѣе овладѣть этимъ безсмертнымъ и вѣчнымъ и въ немъ успокоиться?

Итакъ, я ограничился тою точкою, которую образую самъ и моя жизнь. А между тѣмъ меня мучаетъ вопросъ, еще болѣе обширный и болѣе грозный, чѣмъ всѣ остальные. Я думалъ умѣрить свое любопытство, и упростить вопросъ, ограничившись самимъ собою. Но оказывается, что мнѣ приходится перейти за предѣлы настоящей жизни и спросить себя: не существуетъ ли еще иной жизни, за этимъ настоящимъ міромъ нѣтъ ли еще чего нибудь и если есть, то что именно?

Мнѣ представляется и еще вопросъ—последній. Я говорилъ, что, если существуетъ нравственный законъ, то есть надо мною Владыка, и этотъ Владыка—Богъ. Но до сихъ поръ я разсматривалъ верховное Могущество, Разумъ и Благо, лишь въ мірѣ идеальномъ. Я не спрашивалъ еще себя: что управляетъ моею жизнью,—моею дѣйствительною жизнью. Богъ есть верховный Законодатель. Богъ есть Благо. Богъ есть Авторитетъ, голосъ Котораго я слышу въ разумѣ и совѣсти. Но что управляетъ этою моею жизнью, которою я живу дѣйствительно, среди разнообразныхъ, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ, обстоятельствъ, которая должна длиться нѣкоторое время и предѣлы которой мнѣ неизвѣстны? Кто поставилъ ее начала и конецъ? Что руководитъ ее развитіемъ? Сила ли, необходимость ли, или случай? Не служу ли я, въ концѣ концовъ, со всѣми моими благородными стремленіями и моимъ высокимъ закономъ, лишь игрушкой, или жертвой обмана,—вообще жертвой силы, равнодушной къ моимъ усиліямъ и къ моимъ страданіямъ, или быть можетъ, даже силы злой,—будетъ ли то природа или какой нибудь невѣдомый мнѣ могущественный и злой духъ? Или же, напротивъ, не направляется ли жизнь моя къ добру, которому, быть можетъ, все въ ней споспѣшествуетъ, и тотъ Самый Богъ, голосъ Котораго я слышу въ своемъ разумѣ и своей совѣсти, не есть ли Онъ Владыка и Распорядитель такъ же и моей, дѣйствительной жизни, Который ведетъ ее къ благому концу?

Вотъ тѣ многочисленные, разнообразные и чрезвычайно труд-

ные вопросы, которые осаждаютъ меня, когда я вполнѣ серьезно спрашиваю себя: хороша ли жизнь или дурна и чего она стоитъ?

Всѣ люди,—и тѣ, которые живутъ, почти не думая, и тѣ, которые живутъ, думая, и тѣ, наконецъ, которые, повидимому, только и живутъ за тѣмъ, чтобы думать,—всѣ они раздѣляются на два разряда. Одни говорятъ: „жить хорошо“, а другіе: „жить дурно“. *Optime, pessime*. Родъ человѣческой и философы раздѣляются на оптимистовъ и пессимистовъ.

Но сколько существуетъ различныхъ оптимистовъ и пессимистовъ! Мы уже и теперь, заранѣе можемъ догадаться, что существуютъ оптимисты и пессимисты, съ которыми мы ни какъ не можемъ согласиться, такъ какъ, принявъ ихъ, пришлось бы сомнѣваться въ нравственномъ законѣ и добрѣ.

Есть оптимизмъ вульгарный, поверхностный, равно какъ существуетъ и пессимизмъ того же рода.

Говорятъ: „все идетъ хорошо и жизнь хороша“; или „все идетъ дурно и жизнь дурна“; и говорятъ это безъ всякихъ основаній, кромѣ развѣ ежедневныхъ удачъ или неудачъ. Этотъ первый, самый поверхностный видъ оптимизма и пессимизма не заслуживаетъ, конечно, и обсужденія: мы въ немъ имѣемъ дѣло лишь съ поспѣшными обобщеніями весьма узкаго эгоизма.

Есть далѣе оптимизмъ, который внушается и, повидимому, поддерживается наукою.

Поражаясь завоеваніями науки, мечтаютъ и предсказываютъ роду человѣческому небывалыя доселѣ улучшенія, несомнѣнный и правильный прогрессъ, „новый порядокъ“ вещей, всемірное возрожденіе и золотой вѣкъ, который нѣкогда поэты относили къ началу міра и который, если вѣрить этимъ обѣщаніямъ науки, долженъ наступить въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, къ которому мы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приближаемся. Такимъ образомъ, новая наука хочетъ создать ни болѣе, ни менѣе, какъ новое человѣчество!

Я не буду останавливаться на разборѣ этихъ надеждъ. Скажу только, что въ этомъ оптимизмѣ скрывается самый отчаянный пессимизмъ, такъ какъ люди, при такомъ понятіи, суть не что иное, какъ колеса, пружины и ихъ страданія

считаются съ этой точки зрѣнія ни во что... „лишь бы цѣль была когда нибудь достигнута“.

Замѣчу еще, что этотъ оптимизмъ не признаетъ цѣнности нравственныхъ понятій и отношеній, что, впрочемъ, и само собой разумѣется, такъ какъ міръ, по его понятію, есть не что иное, какъ обширный механизмъ.

Я, конечно, радуюсь завоеваніямъ науки и вѣрю, что всѣ эти удивительныя изобрѣтенія будутъ имѣть благотворное значеніе для человѣчества. Но я все таки не могу допустить такого оптимизма. Счастіе человѣческое не зависитъ отъ науки, такъ какъ человѣкъ прежде всего есть существо нравственное. И мнѣ, слѣдовательно, недостаточно видѣть и предвидѣть полное и блестящее торжество науки, чтобы быть всѣмъ довольнымъ.

Подобнымъ же образомъ, по моему мнѣнію, ведетъ къ явно пессимистическимъ выводамъ и та философія, которая возникаетъ изъ науки. Я разумѣю позитивизмъ, когда онъ послѣдователенъ. Онъ въ буквальномъ смыслѣ „опустошаетъ жизнь“. Онъ признаетъ высоты мысли и жизни недоступными и поэтому заставляетъ думать, что онѣ пусты. Тѣ идеи, которыя позитивизмъ развиваетъ, какъ единственно имѣющія цѣну, такъ какъ онѣ однѣ кажутся ему научными,—суть весьма печальныя идеи. Борьба за жизнь, естественный подборъ, естественная эволюція, когда къ нимъ не присоединяется никакого нравственнаго понятія,—не слишкомъ ли грубыя все это понятія? Нравственность, высокую цѣну которой я уже призналъ и которую я рѣшился никогда не компрометтировать,—воспрещаетъ мнѣ признавать и этотъ, такъ называемый, научный оптимизмъ и этотъ позитивистическій пессимизмъ.

То, что теперь любятъ называть критикой (критической философіей), внушаетъ такъ же оптимизмъ, сходный съ научнымъ оптимизмомъ, но только менѣе великодушный. Наука общается, по крайней мѣрѣ, будущему человѣчеству счастіе; критика же, такъ какъ она видитъ въ жизни лишь забавный спектакль, совершенно не печалится ни о страданіяхъ, ни о бѣдствіяхъ жизни и даже не мечтаетъ объ ихъ облегченіи. Вотъ почему она и порождаетъ пессимизмъ и при томъ весьма мрачный. Это почти то-же, что пессимизмъ научнаго позити-

визма,—только лишь съ примѣсью нѣкотораго особенно грустнаго оттѣнка, именно—мысли, что и нравственныя идеи не представляютъ исключенія, что и въ нравственномъ отношеніи міръ—праздный спектакль. Позитивизмъ пытается дать нравственности такое объясненіе, которое въ сущности ее уничтожаетъ; но онъ все таки не дѣлаетъ себѣ изъ нея игрушки. Критика же останавливается своимъ вниманіемъ на нравственности, удивляется ей, восторгается ею, но—все это, такъ сказать, шутя, вслѣдствіе чего въ концѣ концовъ и разрушаетъ ее. Прибавимъ къ этому еще ту идею, введенную въ философію жизни, что, быть можетъ, мы служимъ лишь игрушкой и жертвой обмана нѣкоторой, невѣдомой намъ, силы, которая потѣшается и издѣвается надъ ними. Кто знаетъ, не объясняется ли все въ мірѣ капризной, хотя эстетически—чудесной, игрой коварной природы, которая находитъ удовольствіе насъ одурачивать? Угрюмое царство силы и случая весьма печально; но еще печальнѣе блестящее царство фантазіи. Вотъ еще оптимизмъ и пессимизмъ, съ которыми нравственность такъ-же не позволяетъ согласиться!

Я дошелъ теперь до радикальнаго оптимизма, который состоитъ въ утвержденіи, что сумма благъ превосходитъ сумму бѣдствій и что, въ концѣ коцовъ, все приходитъ къ хорошему концу. Міръ, съ этой точки зрѣнія, есть колоссальное предприятие (entreprise), которое удается или по крайней мѣрѣ удастся—для человѣчества, равно какъ и для каждаго въ отдельности, пусть даже на это потребуются очень длинное время, даже вѣчность. Все хорошо, что кончается хорошо. Съ этой точки зрѣнія и самыя бѣдствія окажутся лишь меньшими благами. Скажемъ болѣе: зло исчезнетъ тогда передъ добромъ. Скажемъ еще болѣе: зла тогда вовсе не будетъ существовать:

И Мудрецъ понялъ, что зла не существуетъ;

Что въ твореніи Божьемъ оно видно лишь снизу ¹⁾.

Въ противоположность этому радикальному оптимизму существуетъ и радикальный пессимизмъ. Онъ учитъ, что бѣдствій больше, чѣмъ благъ, и что въ результатѣ ничто не ока-

¹⁾ Ламартинъ, Жосселель (Joselyn).

чивается хорошо, а все идетъ къ крушенію. Оптимизмъ сулилъ конечное удовлетвореніе; пессимизмъ же ожидаетъ конечнаго разочарованія. Ничего возвышеннаго въ жизни нѣтъ и такъ называемыя блага жизни не идутъ въ счетъ. Что же послѣ этого остается сказать, какъ не то, что добра вовсе не существуетъ.

Я не могу допустить ни такого оптимизма, ни такого пессимизма.

Этотъ совершенный оптимизмъ оскорбляетъ добро, такъ какъ считаетъ его равнодушнымъ къ злу. Это безсердечный, даже преступный оптимизмъ. Онъ—или не признаетъ реальности страданія, или же слишкомъ легко съ нимъ мирится.

То же самое дѣлаетъ онъ и относительно грѣха. При томъ вынужденное, неизбѣжное торжество добра лишаетъ самое добро его святости и, уничтожая свободу, уничтожаетъ вмѣстѣ съ нею и всякую добродѣтель.

Съ другой стороны этотъ совершенный пессимизмъ, о которомъ мы только что говорили, не признаетъ цѣнности нравственности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно напрасно забываетъ о дѣйствительныхъ благахъ жизни.

Итакъ я отвергаю и этотъ оптимизмъ, и этотъ пессимизмъ.

Но есть еще пессимизмъ другаго рода: это тотъ, который включаетъ въ себѣ извѣстный оптимизмъ. Ему, этому пессимизму, не чуждо уваженіе къ нравственному закону съ его безпрекословнымъ авторитетомъ. Онъ чтитъ добро. Онъ лишь не вѣритъ въ его дѣйствительную силу и торжество. Онъ слишкомъ настойчиво и односторонне указываетъ на бѣдствія жизни. Въ немъ есть своеобразный скептицизмъ, который изъ любви и уваженія къ истинѣ постоянно указываетъ на заблужденія, которыми полонъ разумъ человѣческій. О каждой доктринѣ, о каждой идеѣ, о каждомъ предложеніи суровый и строгій цензоръ спѣшитъ сказать: „нѣтъ, это не истина“. До того возвышенно и чисто то понятіе, которое онъ составилъ себѣ объ истинѣ! Точно также строгъ къ благамъ жизни и тотъ пессимизмъ, о которомъ я говорю. О каждомъ изъ нихъ онъ говоритъ: „нѣтъ, это не благо“. Добро, истинное добро весьма

рѣдко. Оно обыкновенно недоступно; лишь небольшое число избранниковъ достигаетъ до него.

Пессимизмъ этотъ, который изъ уваженія и изъ любви къ добру, находитъ жизнь дурной, такъ какъ нравственность въ ней встрѣчается рѣдко и лишь спорадически,—этотъ пессимизмъ заслуживаетъ вниманія. Но его слѣдуетъ уравнивать оптимизмомъ, который признаетъ зло, который видитъ страданіе и грѣхъ, признаетъ за ними всю ихъ реальность и глубину; но въ то же время вѣритъ, что, въ концѣ концовъ, добро сумѣетъ побѣдить зло и восторжествуетъ надъ нимъ. Его формула могла бы быть такова: „никогда не быть побѣжденнымъ зломъ, но побѣждать зло добромъ и въ добрѣ“,—не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое ¹⁾. Но какъ?—этотъ вопросъ вызываетъ много затрудненій. Какою глубокою тайною, въ самомъ дѣлѣ, окруженъ онъ!

Какъ бы то ни было, но именно, имѣя передъ глазами и этотъ пессимизмъ и этотъ оптимизмъ, я и попытаюсь теперь отдать себѣ отчетъ въ томъ, чего стоитъ жизнь.

Г Л А В А XVII

Благо и счастье.

Чтобы изучить столь сложный и трудный вопросъ, какъ только что поставленный, мнѣ необходимо имѣть ясное понятіе о добрѣ, а также и о счастьи: безъ этого я самъ не буду знать, что говорю, признавая жизнь хорошею или дурною.

Начнемъ съ самыхъ обыкновенныхъ сужденій.

Я говорю, положимъ, о ручной работѣ, представленной на мой судъ: „это хорошо“. Я хочу этимъ сказать, что вещь сдѣлана такъ, какъ надлежало ее сдѣлать для того, чтобы она соответствовала своему назначенію, чтобы служила той цѣли, въ виду которой сдѣлана, или, наконецъ, чтобы оправдывала известное понятіе, которое я себѣ о ней составилъ; я нахожу въ ней гармоническое расположеніе частей, соразмѣрность, изящество, которыя я задумалъ и которыхъ желалъ.

О существѣ организованномъ и живомъ я высказываю ана-

¹⁾ Посланіе къ Римлянамъ, XII, 21.

логичное сужденіе и если нахожу его способнымъ выполнять его естественное назначеніе, совершать то, для чего его предназначила природа, поступать согласно его законамъ,—говорю: „хорошо“, т. е., данное существо, по моему мнѣнію, соответствуетъ тому понятію, которое я составилъ себѣ о его нормѣ, которое мнѣ внушаетъ его изученіе.

Если теперь я буду разсматривать человѣка и жизнь человѣческую, то когда, при какихъ условіяхъ я буду въ состояніи сказать: „вотъ это хорошо?“—Очевидно, лишь тогда, когда различныя способности человѣка будутъ развиты гармонично и правильно, т. е., когда все въ этомъ человѣкѣ окажется въ своей мѣрѣ и на своемъ мѣстѣ, сообразно природѣ человѣка, его сущности. Равнымъ образомъ и о жизни я скажу, что „она хороша“, лишь въ томъ случаѣ, если она сообразна идеально разсматриваемой природѣ человѣка, соответствуетъ его сущности.

Такимъ образомъ, существо, которое есть то, чѣмъ оно можетъ и должно быть, которое имѣетъ то, чего требуютъ его природа и его сущность, безъ чего въ немъ былъ бы нѣкоторый недостатокъ, бѣдность,—словомъ существо, которое удовлетворяетъ всѣмъ строгимъ требованіямъ его природы,—такое существо хорошо.

Не есть ли это очень простое, ясное и вѣрное понятіе? Я не вижу въ немъ ничего хитраго или утонченнаго, ничего неяснаго или сбивчиваго, ничего сомнительнаго или неопредѣленнаго. Я выражаю въ немъ лишь то, что у меня на умѣ, —что у всѣхъ людей на умѣ, когда они говорятъ о какомъ либо существѣ, что оно *хорошо*. Это справедливо о лошади, о собакѣ, о какомъ нибудь животномъ; это справедливо также о человѣкѣ. Эти двѣ степени добра заключаются въ нашихъ самыхъ обыкновенныхъ сужденіяхъ. Я спрашиваю у человѣка: какъ его здоровье и онъ отвѣчаетъ мнѣ: „я чувствую себя хорошо“. Это значитъ, что онъ не боленъ, т. е., что онъ въ такомъ состояніи, при которомъ у него все находится на своемъ мѣстѣ, въ порядкѣ, въ равновѣсіи, такъ что онъ ни въ чемъ не испытываетъ недостатка изъ того, что требуется природой. Однако, не подразумѣвается ли въ этомъ выраженіи еще что либо? Безъ сомнѣнія. Въ немъ содержится еще указаніе на

нѣкоторую силу, гибкость, что то легкое и живое,—преизбытокъ жизни, который выражается свѣжестью, блескомъ, цвѣтомъ лица, граціей, изяществомъ, сильной и очаровательной ловкостью во всемъ существѣ, горячей потребностью предпринимать великія дѣла, расходовать имѣющійся запасъ силъ на трудные подвиги, какъ бы странствовать по свѣту и покорять его. Не есть ли это опять-таки хорошее состояніе? Конечно хорошее и даже весьма „хорошее“. Но это послѣднее слово, очевидно не обозначаетъ уже здѣсь лишь удовлетворенія строгихъ требованій природы: оно обозначаетъ приумноженіе, которое, говорилъ Лейбницъ, есть середина, среднее состояніе, средній уровень, Mittel: упадете ниже уровня—это будетъ болѣзнь; поднимитесь выше его—это будетъ красота, совершенство, превосходство ¹⁾).

Теперь изъ двухъ существъ, одипаково развитыхъ соотвѣтственно ихъ сущности, которое же будетъ лучшимъ?

Имъ будетъ, очевидно, то, сущность котораго самая богатая, т. е., въ которомъ окажется больше того, что можетъ занять нашу мысль, что можно уважать, любить, у котораго больше средствъ, больше природной энергіи, способностей, жизнь котораго поэтому выше, разностороннѣе, обширнѣе, развитѣе. Для того, кто умѣетъ размышлять, это вполне очевидно. Земляной червякъ имѣетъ замѣчательную организацію; но организація лошади и собаки гораздо выше его, а человѣкъ, который мыслить и любить *sub specie aeternitatis*, превосходитъ всѣхъ животныхъ. Не видать этого можетъ человѣкъ, имѣющій странныя и предвзятая понятія.

Пойдемъ далѣе. Жизнь въ человѣкѣ и при томъ въ человѣкѣ вполне развитомъ, есть жизнь могучая, благородная, прекрасная. Но болѣе превосходной была бы жизнь существа, мысль котораго имѣла бы болѣе широты и живости, а воля больше твердости и силы. Если я очищу и возвышу то, что называю думать, любить, хотѣть, то я достигну представленія о существѣ, обладающемъ высшею степенью благородства и красоты: жизнь будетъ становиться въ немъ все полнѣе, гармоничнѣе,

1) Нѣмецкое сочиненіе Лейбница о Счастьи: *Von der Glückseligkeit*.

возвышеннѣе. Наконецъ, выше всего на разстояніи, котораго ничто не въ состояніи наполнить, есть Жизнь не только болѣе полная, чѣмъ всѣ остальные формы жизни, но безусловно полная въ себѣ, Жизнь совершенная, несравненная, въ абсолютно положительномъ смыслѣ, такъ какъ она ни въ чемъ не испытываетъ недостатка и ей уже нечего больше желать и ожидать, Жизнь въ совершенномъ и превосходнѣйшемъ смыслѣ этого слова, вся проникнутая сознаниемъ, любовью, эпергіей. Это Жизнь совершенная. И такъ какъ она есть, такъ сказать, само изобиліе, то и сообщается другимъ существамъ, изливается на нихъ безъ всякой необходимости, по совершенно чистымъ и безкорыстнымъ побужденіямъ,—единственно по своей благости: *bonum diffusivum sui*. Будучи Добромъ, она желаетъ добра, творитъ добро и когда не находитъ существъ, на которыхъ бы она могла излить свои дары, то создаетъ ихъ, чтобы въ нихъ въ различной степени выразить то добро, полноту котораго она въ себѣ вмѣщаетъ. Вотъ понятіе о жизни въ полномъ и абсолютномъ смыслѣ этого слова. Жизнь и благо здѣсь составляютъ одно и то же.

Итакъ, есть два вида добра. Для каждаго, отдѣльно взятаго существа, добро есть совершенство; существо хорошо, когда оно выражаетъ свою идею, достигаетъ своей цѣли: *perfectus, perfectio*. Въ ряду существъ добро есть превосходство: то существо, которое лучше другаго, есть существо болѣе высокое, лучшее—отвѣчающее болѣе богатой и высокой идеѣ, цѣль котораго также больше возвышенна.

Изъ этого слѣдуетъ, что высшее Благо есть верховное Совершенство—не потому, что его реализуетъ прогрессъ, но потому, что оно вмѣстѣ есть и то, что есть, и то, что должно быть или какъ говорили въ школѣ Аристотеля, чистый Актъ—бытіе, чистое не имѣющее въ себѣ ничего виртуальнаго (находящагося лишь въ возможности) или скрытаго. Это бытіе превосходнѣйшее, такъ какъ оно несравненно выше всего остальнаго, такъ что все остальное, по отношенію къ нему, какъ будто бы вовсе и не существуетъ.

Наконецъ Благо, которое есть совершенство и превосходство, въ то же время есть благоволеніе (*bienveillance*) и благодѣ-

тельная сила (*bienfaisance*): вѣдь быть добрымъ значитъ желать дѣлать добро и вѣ себя. Вотъ почему верховное Благо (*le Bien*) въ то же время есть и верховная Благость (*Bonté*).

Добавимъ къ этому еще другое соображеніе. Есть разные способы быть добрымъ (въ различныхъ вышеуказанныхъ смыслахъ): добрымъ бываютъ по природѣ; добрымъ бываютъ и по выбору (*choix*). Быть тѣмъ, что человекъ есть по природѣ, не составляетъ никакой личной его заслуги: природа нами получается. Но быть добрымъ по выбору—это великое достоинство, такъ какъ здѣсь существуетъ свобода: въ такомъ случаѣ человекъ бываетъ добрымъ потому, что самъ того захотѣлъ. Это образъ или форма бытія, которую создаемъ мы сами и исключительно благодаря самимъ себѣ и въ этомъ-то именно и заключается подлинный характеръ нравственности: мы какъ бы дополняемъ въ этомъ случаѣ свою природу элементами нравственности, вносимъ въ нее нѣчто изъ другаго порядка,—нѣчто, принципомъ чего природа не служить. Но еще выше доброты по природѣ и по выбору стоитъ доброта по существу (*par essence*). Вотъ эта-то доброта и имѣетъ по истинѣ высокое и несравненное достоинство. Она существуетъ благодаря себѣ самой, благодаря себѣ одной. Природа есть нѣчто отвлѣченное; выборъ предполагаетъ нѣчто уже предсуществующее. Быть же добрымъ по существу, по самой сущности, значитъ быть тѣмъ, что есть, отъ себя и благодаря себѣ. Даже и въ добротѣ по выбору мы находимъ достоинство лишь потому, что въ существѣ условномъ и ограниченномъ она есть лишь не совершенное подражаніе Благости самосущей и самоисточной (*Bonté par essence*).

Остановимся на минуту на этихъ высотахъ. Жизнь полная, совершенная, превосходная, будучи хороша сама по себѣ, хороша также и въ очахъ высшаго Существа, которое есть сама Жизнь и Источникъ жизни. Она видитъ ее, направляетъ, такъ сказать, непрестанно ободряетъ, любитъ, какъ она того заслуживаетъ; какъ же ему не наслаждаться ею? Какъ превосходство,—созерцаемое, уже обладаемое, любимое,—какъ оно само по себѣ могло бы не доставлять наслажденія и радости? Вполнѣ совершенная дѣятельность уже по этому одному несравненно сладостна. И если жизнь, въ обычномъ смыслѣ этого

слова, все таки имѣеть свою сладость: то какимъ образомъ жизнь совершенная могла бы не обладать ею? Удовольствіе есть чувство совершенства, какъ говоритъ Лейбницъ, *voluptas sensus perfectionis* ¹⁾, а долговременная и непрерывная радость—это счастье или блаженство ²⁾.

Существо саможизненное, всесовершенное и вѣчное по этому самому есть Существо вѣчно блаженное. Называютъ ли Его Совершеннымъ, или Вѣчнымъ, или Всеблагимъ: это совершенно одно и то же. Такимъ образомъ, благо является намъ еще въ новомъ видѣ: благо, которое есть совершенство и превосходство, есть также и блаженство, полное счастье.

То, что мы только что сказали о Жизни совершенной, отчасти справедливо такъ же и относительно несовершенныхъ и низшихъ формъ жизни: и въ нихъ всякое совершенствованіе, всякій прогрессъ, влечетъ за собой наслажденіе; всякое обнаруженіе дѣятельности, всякое просвѣтленіе жизни имѣеть своимъ слѣдствіемъ удовольствіе.

Будемъ продолжать наше изслѣдованіе при свѣтѣ установленныхъ понятій.

Предъ нами неполныя и несовершенныя формы жизни. Мы сказали, что всѣ они отображаютъ, хотя и въ различныхъ степеняхъ, Жизнь высшую. Возложимъ въ существа несовершенныя умъ, разумъ: и въ нихъ пробудится болѣе или менѣе созпательное стремленіе къ совершенной Жизни, которая и будетъ главной пружиной всей ихъ дѣятельности. Конечно несовершенная воля можетъ прилѣпиться къ тѣмъ несовершеннымъ благамъ, которыя она находитъ вокругъ себя: это весьма возможно, хотя она и будетъ имѣть стремленіе идти впередъ. Отсюда можетъ возникнуть предпочтеніе низшаго и меньшаго блага высшему. Правда, ничто взятое само по себѣ, не можетъ считаться дурнымъ. Существо низшее, несовершенно, неполно, неудовлетворительно, но все же оно не есть

1) *Definitionis Ethice*. II еще въ „новыхъ опытахъ“ II, XXI, § 41 „Удовольствіе есть чувство совершенства“. II въ маленькомъ трактатѣ «о счастьи» (*Von der Glückseligkeit*): «радость есть чувство совершенства или превосходства».

2) *Definicionis Ethice*: *Felicitas est laetitia durabilis*. Блаженство есть состояніе постоянной радости.

зло: оно только меньшая степень добра. Слѣдовательно, если мы цѣнимъ его, то это еще не можетъ считаться дурнымъ. Однако, и въ этомъ главное,—не слѣдуетъ цѣнить его выше, чѣмъ оно того стоитъ. Точно также, если мы любимъ его, то само по себѣ это не можетъ еще считаться дурнымъ. Только не слѣдуетъ любить его больше, чѣмъ оно того заслуживаетъ. Когда же его цѣнятъ и любятъ больше, чѣмъ оно стоитъ, и, когда, такимъ образомъ воля на немъ останавливается и успокоивается какъ бы на своей цѣли; тогда и именно въ этомъ, въ этомъ одномъ, и заключается все зло. И это уже дѣйствительное положительное зло.

Желать добра сообразно съ его природою,—это добро совершенно особеннаго характера, добро дѣйствительное, положительное, добро, въ собственномъ смыслѣ слова, нравственное. Оно происходитъ отъ добровольной и свободной склонности, которая сама основана на цѣнности и относительномъ совершенствѣ предметовъ,—на естественной іерархіи благъ.

Напротивъ, желать какъ добра того, что на самомъ дѣлѣ не есть добро, желать низшаго блага вмѣсто высшаго—это безпорядокъ *suī generis*, безпорядокъ въ собственномъ смыслѣ слова нравственный и не только не благо, хотя бы и самое меньшее, но положительное зло.

Изъ этого слѣдуетъ, что чувство добровольнаго подчиненія нравственному порядку или, напротивъ, чувство этого свободнаго уклоненія отъ него, безпорядка, есть, въ свою очередь, или добро или зло. Добрая воля доставляетъ радость, которая сама по себѣ имѣетъ нравственный характеръ,—радость, что мы приняли хорошее рѣшеніе и сдѣлали хорошій поступокъ. Напротивъ, злая воля пораждаетъ печаль такъ-же нравственнаго свойства,—сожалѣніе о томъ, что мы поступили дурно. Эта радость и эта печаль суть настроенія весьма реальныя: такимъ образомъ чувство сообразности съ добромъ есть положительное благо; чувство безпорядка—есть положительное зло. Вотъ страданіе въ его первичномъ типѣ: всякій чувствуемый нами безпорядокъ, всякое ощущаемое нами душевное волненіе есть горе, страданіе, положительное зло.

Все это простыя и ясныя понятія. О нихъ часто забываютъ, такъ какъ они весьма обыкновенны. Но слѣдовало бы чаще напоминать о нихъ и обращать на нихъ вниманіе: если они спутаются, то все въ нашемъ пониманіи жизни стапетъ неясно.

Счастіе заключается въ чувствѣ совершенства или превосходства, а это даетъ право сказать, что счастіе есть въ собственномъ смыслѣ слова удовлетвореніе (satisfaction). Для несовершенной природы совершенство заключается въ томъ, чтобы, съ одной стороны, быть обязаннымъ своимъ совершенствомъ и превосходствомъ именно себѣ самому, своимъ собственнымъ успліямъ: это то собственно мы и называемъ добродѣтелью. Благодаря готовности сообразоваться съ добромъ, существо, которое поступаетъ хорошо, т. е., существо добродѣтельное обладаетъ совершенствомъ отчасти уподобляющимъ его верховному совершенству: добродѣтель начинаетъ приписывать ему—и по заслугамъ—величайшее счастіе, которое состоитъ въ наслажденіи самой добродѣтелью и Благомъ, которое служитъ для нея образцомъ и цѣлью. Такое счастіе есть полная удовлетворенность. Оно соединяетъ въ себѣ оба необходимыя для существа несовершеннаго по своей природѣ, условія счастья: утвержденіе въ нравственномъ порядкѣ и сознаніе, что это совершилось свободно. Это-то и значитъ быть счастливымъ.

Мы можемъ теперь сказать, что есть три рода добра: добро, которое есть совершенство или превосходство; добро, которое есть наслажденіе; добро, которое есть добродѣтель. Если мы будемъ разсматривать верховное благо, то найдемъ, что это Жизнь совершенная, превосходная и потому совершенно блаженная. Если же мы будемъ разсматривать добро въ существахъ несовершенныхъ, то различимъ въ нихъ идеаль, затѣмъ средство достиженія идеала и наконецъ достигнутую цѣль. Идеаль—это совершенство; средство—добродѣтель; достигнутая цѣль—это совершенство чувствуемое и какъ бы вкушаемое, т. е., счастіе.

Однако, такъ ли человѣческая жизнь устроена, чтобы идеалы въ ней легко распознавались, средства были доступны и

цѣль достижима? Говоря иначе, приводитъ ли, въ концѣ концовъ, жизнь человѣческая къ тому счастью, какое мы только что намѣтили? Если приводитъ, то она имѣетъ цѣнность; если же нѣтъ—то не имѣетъ. Если приводитъ, то добро въ сущности беретъ верхъ надъ зломъ, хотя мы и замѣчаемъ иногда противное, такъ что добро оказывается разгадкой смысла и истинною цѣлью всего. Если же не приводитъ, то наоборотъ.

Вовсе не необходимо, чтобы жизнь человѣческая всегда и неизменно приводила къ счастью. Можно сказать больше: не хорошо было бы, если бы было такъ. Въ самомъ дѣлѣ, что случилось бы тогда со свободой, а, слѣдовательно, и съ нравственностью? Въ чемъ заключалась бы тогда цѣнность жизни? Желать, чтобы счастье было необходимо обезпечено для всѣхъ, значило бы противорѣчить себѣ и сразу уничтожить и добродѣтель, и счастье, и весь строй нравственной жизни.

Точно также дѣло и не въ томъ, чтобы вести счетъ всѣмъ тѣмъ, которые достигаютъ счастья. Вопросъ не въ этомъ. Слѣдуетъ только узнать, такова ли жизнь, чтобы она могла привести къ счастью? Организована ли она для этого? Если организована, то она хороша, не смотря ни на что; если же нѣтъ, то, также не смотря ни на что, все таки дурна.

Мнѣ кажется, что вопросъ становится теперь яснымъ. Я не говорю, что онъ сталъ легкимъ и простымъ. Нѣтъ. Но наконецъ, я вижу то, чего ищу. Я вижу, чего хочу и чего ожидаю отъ жизни, чтобы признать ее хорошей, именно я хочу, чтобы она открыла мнѣ путь къ счастью, какъ я его только что опредѣлилъ,—не скажу путь покойный и гладкій, но по крайней мѣрѣ, путь возможный.

Теперь спрашивается: какъ получить отвѣтъ на этотъ вопросъ? Слѣдуетъ ли для этого обращаться къ опыту?

Если подъ словомъ опытъ подразумѣвать то зрѣлище или тотъ спектакль, который даетъ мнѣ окружающая меня жизнь, то чего же могу я отъ него ожидать? Спектакль этотъ часто безобразенъ, печаленъ, отнимаетъ бодрость, и, если тѣмъ не менѣе я нахожу жизнь почти всегда сносною, даже пріятною,

то что такое это мимолетное счастье въ сравненіи съ тѣмъ, идею котораго я ношу въ себѣ и которое одно только представляется достойнымъ служить цѣлью жизни? Разъ мы узнаемъ подлинную цѣну нравственной личности, мы можемъ уже находить цѣнность въ жизни лишь въ томъ случаѣ, если она подготовляетъ освобожденіе и торжество нравственной личности. Я становлюсь теперь разборчивымъ и требовательнымъ. Счастья посредственнаго,—такого, которое встрѣчается сплошь и рядомъ; конечно, достаточно для того, чтобы „влячить свое существованіе“; но его недостаточно для того, чтобы находить жизнь хорошей, чтобы цѣнить ее, признавать въ ней высокое значеніе и цѣнность. А тогда? Тогда я долженъ буду снова и еще разъ взвѣснить тѣ идеи, которыя я только что изложилъ, чтобы опредѣлить ихъ дѣйствительное значеніе и не рисковать, въ дальнѣйшемъ ходѣ моихъ размышленій, впасть въ ошибку.

Что я сдѣлалъ доселѣ? Я пытался выяснить, съ помощью подраздѣленій, и развить понятіе очень знакомое всѣмъ намъ, понятіе добра. Это задача весьма важная. Если въ самомъ дѣлѣ я сумѣю отдать себѣ отчетъ въ этомъ процессѣ, если сумѣю измѣрить всю его важность; то увижу, что изслѣдованіе такого рода ведетъ очень далеко. Когда мы имѣемъ дѣло не съ отвлеченнымъ и общимъ понятіемъ,—съ понятіемъ выработаннымъ, искусственнымъ, хотя и на основаніи дѣйствительныхъ наблюденій—но съ одною изъ тѣхъ первичныхъ и необходимыхъ идей, безъ которыхъ мысль не можетъ не утвердиться, ни идти впередъ, то мы приближаемся, такъ сказать, къ самой дѣйствительности. Чѣмъ свободнѣе идея отъ всякихъ случайныхъ примѣсей, тѣмъ болѣе она устойчива и содержательна. Добро, разсматриваемое лишь какъ этикетка, подъ которою помѣщаютъ все, называемое хорошимъ, есть нѣчто абстрактное; но постарайтесь сдѣлать это понятіе опредѣленнымъ, точнымъ, яснымъ, установить его въ его чистомъ видѣ, и вы откроете всю ту реальность, которая въ немъ содержится. Вы достигнете еще больше реальности, если, разсмотрѣвъ это понятіе во всей его чистотѣ, постараетесь развить вполне, раскрыть до конца все его содержаніе. Вы сначала пытались обособить его

ото всего, ему чуждаго; теперь вы хотите предоставить его самому себѣ и разсмотрѣть, что такое оно само по себѣ. Отвлеченныя понятія не устояли бы противъ такого испытанія. Они не способны къ такому безконечному прогрессу. Отъ прикосновенія они дробятся, разбиваются и разрушаются. Первоначальныя же идеи, предоставленныя сами себѣ, напротивъ, принимаютъ свое безконечное значеніе и здѣсь на этой высшей ступени, какъ говорилъ Лейбницъ ¹⁾, получаютъ свой истинный смыслъ и удовлетворяютъ разумъ. Здѣсь же, на этой высотѣ, онѣ снова находятъ реальность, реальность высшую—трансцендентную. То, чего онѣ требуютъ, какъ долженствующаго быть, существуетъ.

Итакъ, проникнувшись идеею добра, я буду утверждать все то, что предполагаетъ, содержать въ себѣ или чего требуетъ эта идея. Вопреки опыту, я требую того, что должно быть, существуетъ. И въ этомъ вѣтъ ничего слишкомъ смѣлаго. Въ самомъ дѣлѣ, быть разумнымъ не значитъ ли имѣть въ себѣ именно силу и смѣлость утверждать, съ одной стороны, необходимыя требованія мысли, которая не можетъ выносить противорѣчій, а съ другой—ненарушимыя требованія добра, которому во всемъ должно принадлежать послѣднее слово.

Итакъ я принимаю, что добро существуетъ, что оно есть принципъ и цѣль всего и что, не смотря на опроверженія опыта,—конечно, не полного и плохо истолкованнаго—именно въ добрѣ заключается смыслъ человѣческой жизни.

Прибавлю къ этому, что я не введу въ теорію, которую попытаюсь развить для согласенія опыта съ неискоренимыми убѣжденіями разума и совѣсти, ничего такого, что было бы несогласимо съ требованіями добра. Такъ я оскорбилъ бы добро, если бы, напр., не имѣлъ яснаго понятія о злѣ и рассматривалъ бы зло, лишь какъ меньшую степень добра: это значило бы забывать о чистой природѣ добра и не имѣть къ нему достаточнаго уваженія и, если бы я задумалъ объяснить жизнь, не принимая въ соображеніе положительной реальности зла, то

¹⁾ Разсужденіе о Метафизикѣ, § 1.

это значило бы, что я не достаточно знаю, что такое добро. Равнымъ образомъ, я оскорбилъ бы добро и въ томъ случаѣ, если бы не обращалъ должнаго вниманія на цѣну нравственной личности. Я разсуждалъ бы въ такомъ случаѣ о жизни, быть можетъ, и благородно, но эгоистично. Я видѣлъ бы въ ней прекрасное произведеніе, продуктъ искусства,—нѣчто въ родѣ счастливаго и удачнаго предпріятія; но я не обращалъ бы вниманія и не заботился бы о неудачахъ, темныхъ и невыгодныхъ сторонахъ жизни. Однако, если добро есть воистину добро, если мы сумѣли придать идеѣ добра всю ея чистоту и полноту; то мы не имѣемъ уже права относиться къ нравственной личности такъ, какъ будто бы она не имѣетъ никакого нравственнаго достоинства.

Итакъ, рѣшившись оберегать святость добра, я удаляю изъ своихъ объясненій всѣ тѣ взгляды, которые не признаютъ зла и жертвуютъ нравственною личностью.

Это еще не все. Не достаточно только уважать добро; необходимо еще имѣть вѣру въ него. Слѣдовательно, утверждая, что добро существуетъ, я утверждаю, въ силу естественной и непосредственной послѣдовательности, что жизнь человѣческая такова, что въ ней добро одерживаетъ верхъ или, говоря точнѣе, что человѣкъ можетъ, если хочетъ, быть счастливымъ.

Такимъ образомъ Благо есть совершенство, превосходство, жизнь полная, безусловно ни отъ чего независящая, вполне довольствующаяся сама собой а, поэтому самому, благодѣтельная и блаженная. Колеблюсь-ли я, утверждая это? Отнюдь нѣтъ. Это—идея ясная, богатая, полная, доведенная до конца, стоящая на высшей ступени, вполне реальная. Безъ этого à priori нѣтъ мысли, нѣтъ разума. Благо существуетъ. Это высшая реальность, безусловно положительная, такъ какъ она чужда всякаго отрицанія, свободна отъ всѣхъ ограниченій, безъ всякой примѣси небытія: это—бытіе, въ которое не можетъ проскользнуть ничто изъ того, что называется не быть. Верховное Существо или верховное Благо (что совершенно одно и то же) имѣетъ верховное право дѣйствительно существовать. Я вѣрю въ Благо,—вѣрю, что оно существуетъ и для всего служитъ причиной, цѣлью и принципомъ.

Это утверждение влечетъ за собою далѣе, другое, а именно, что въ нашемъ мірѣ Благо есть цѣль, цѣль существованія. Это вѣрно и теоретически (а ргіогі), и фактически. Я могу этого не видѣть; но это такъ. Я могу не знать, какъ все это совершается, но это несомнѣнно такъ. Зло вѣдь не есть ни цѣль ни принципъ. Зло реально, но оно предполагаетъ Благо. Если бы не было Блага, то что же такое было бы тогда Зло? Благо есть первое по понятію и первое по бытію. Оно есть принципъ и цѣль всего. Слѣдовательно, человѣческая жизнь существуетъ ради Блага. Это утверждение сначала кажется смѣлымъ, но въ сущности его есть не что иное, какъ непосредственное слѣдствіе признанія Блага. Благо есть цѣль жизни человѣческой не только само по себѣ, но такъ-же и въ томъ практическомъ смыслѣ, что, съ одной стороны, оно желатель-но для человѣка, а, съ другой,—достижимо.

* * *

(Продолженіе будетъ).

Высочайше утвержденный Уставъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ.

ГЛАВА I.

Общія положенія.

§ 1. Общество имѣеть цѣлю — возстановленіе православнаго христіанства между горскими племенами Кавказа.

§ 2. Общество имѣеть счастье состоять подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ и въ вѣдѣніи Святейшаго Синода.

§ 3. Ближайшее направленіе дѣйствій Общества возлагается на Экзарха Грузіи, въ качествѣ его Предсѣдателя.

§ 4. Всѣ распорядительныя дѣйствія принадлежатъ Совѣту Общества.

§ 5. Общество имѣеть свою печать съ гербомъ Россійской Имперіи и съ надписью: „печать Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ“.

ГЛАВА II.

Составъ Общества.

I. О члѣнахъ.

§ 6. Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ состоитъ: изъ членовъ почетныхъ, членовъ дѣйствительныхъ, членовъ сотрудниковъ и членовъ ревизителей.

§ 7. Члены Общества, сообразно различнымъ наименованіямъ, обязываются платить ежегодно: перваго разряда (члены почетные) 250 руб., втораго разряда (члены дѣйствительные) 150 руб. и третьяго разряда (члены сотрудники) 50 руб.

Ежегодныя членскіе платежи для означенныхъ въ предшедшемъ пунктѣ разрядовъ могутъ быть замѣнены единовременнымъ взносомъ капитала: для перваго разряда 2.500 р., втораго—1.500 р. и третьяго 1.000 р.

Члены четвертаго разряда (члены ревизители) обязываются внести единовременно капиталъ въ 50 р.

Всѣ лица, внесшія въ пользу Общества единовременно наличными деньгами или государственными процентными бумагами ка-

питаѣ, въ указанныхъ выше размѣрахъ, получаютъ пожизненное званіе членовъ Общества.

Примѣчаніе. Лицамъ, вступившимъ въ званіе членовъ 4-го разряда до 16-го іюня 1868 г., предоставляется внести одновременно 50 р., или же вносить членскій платежъ въ размѣрѣ и на основаніяхъ, существовавшихъ до упомянутаго срока, т. е. по 20 р. въ годъ.

§ 8. Въ члены Общества поступаютъ лица православнаго исповѣданія, обоюго пола и всѣхъ состояній. Число ихъ не ограничено.

Примѣчаніе. Измѣненіе § 8 устава послѣдовало вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія 12-го Іюня 1893 г.

§ 9. Члены Общества перваго и втораго разрядовъ утверждаются въ семь званій Высочайшею Властію, по представленію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, а члены 3-го и 4-го разрядовъ Совѣтомъ Общества. Дипломы на званіе членовъ всѣхъ четырехъ разрядовъ выдаются за подписью Предсѣдателя, Вице-Предсѣдателя, надлежащею скрѣпою и приложеніемъ печати Общества.

Примѣчаніе. Знаки 1-го и 2-го разрядовъ, установленные для членовъ Общества, носятъ на шеѣ, на широкой свѣтло-фіолетовой лентѣ, а знаки 3-го и 4-го разрядовъ на узкой свѣтло-фіолетоваго цвѣта лентѣ, на лѣвой сторонѣ груди, послѣ орденскихъ знаковъ и медалей.

§ 10. Заслуги тѣхъ членовъ Общества, кои своимъ усердіемъ или пожертвованіями будутъ особенно содѣйствовать возстановленію православнаго христіанства на Кавказѣ, представляются Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, по ходатайству Совѣта Общества, Всемилостивѣйшему вниманію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

§ 11. Члены Общества, не выполнившіе обязанности, определенной § 7, считаются сложившими съ себя это званіе.

II. О Совѣтѣ и общихъ собраніяхъ Общества.

§ 12. Общество дѣйствуетъ по всѣмъ своимъ дѣламъ чрезъ особый, учрежденный во главѣ его, Совѣтъ. Годовое общее собраніе членовъ Общества созывается Совѣтомъ для выслушанія отчета о дѣятельности Общества, для избранія ревзійонной коммисіи и выбора 4-хъ членовъ Совѣта. Члены Общества всѣхъ разрядовъ участвуютъ въ общемъ годовомъ собраніи Общества съ правомъ голоса.

§ 13. Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Экзарха Грузіи состоитъ изъ Вице-Предсѣдателя, назначаемаго Главноначальствующимъ гражданскою частію на Кавказѣ, и изъ 8 членовъ Общества, изъ коихъ 4 члена назначаются Предсѣдателемъ Совѣта, а остальные 4 избираются на три года Обществомъ, въ общемъ онаго собраніи.

§ 14. Дѣла Совѣта Общества ведутся въ Канцеляріи Экзарха Грузин, и на покрытіе расходовъ по дѣлопроизводству назначается Совѣтомъ опредѣленная сумма изъ средствъ Общества.

§ 15. Совѣтъ собирается по усмотрѣнію Предсѣдателя и по соображенію съ количествомъ, сиѣшностію и важностію дѣлъ, требующихъ обсужденія Совѣта.

§ 16. Для дѣйствительности засѣданій Совѣта требуется присутствіе не менѣе 2-хъ членовъ, кромѣ Предсѣдателя.

§ 17. Совѣту предоставляется право приглашать въ свои засѣданія, для обсужденія спеціальныхъ вопросовъ, постороннихъ лицъ, мнѣнія которыхъ могутъ быть полезны и необходимы.

§ 18. Дѣла, по обсужденіи ихъ въ совѣтѣ, рѣшаются по большинству голосовъ. Въ случаѣ несогласія Предсѣдателя съ постановленіемъ большинства членовъ Совѣта, дѣло представляется на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

§ 19. Всѣ члены Общества могутъ, ревнуя объ усиѣшномъ ходѣ дѣла, сообщать Совѣту свои виды и желанія. Совѣтъ обсуждаетъ степень ихъ примѣняемости, отвѣргаетъ или принимаетъ ихъ и въ годовомъ отчетѣ изъясняетъ о ходѣ, данномъ каждому предположенію члена Общества.

§ 20. Общество пользуется правомъ бесплатной корреспонденціи; псылки же, отправляемыя Обществомъ, или адресуемыя на его имя, пересылаются почтовыми учрежденіями бесплатно, если не превышаютъ вѣсомъ одного пуда.

ГЛАВА III.

Средства Общества.

§ 21. Средства Общества состоятъся: 1) изъ членскихъ взносов; 2) кружечнаго сбора; 3) пособія отъ Правительства; 4) ежегоднаго поступленія опредѣленныхъ суммъ изъ Капитула Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ и 5) случайныхъ поступленій и пожертвованій.

§ 22. Для усиленія силъ средствъ Совѣту Общества предоставляется обращаться съ воззваніями ко всѣмъ русскимъ православнымъ о поспльныхъ, на предпринятое имъ дѣло, пожертвованіяхъ.

§ 23. Всѣ поступившіе въ Совѣтъ общества взносы и пожертвованія, какъ денежныя, такъ и вещественныя, немедленно записываются на приходъ въ установленныя для того книги. Свѣдѣнія о таковыхъ пожертвованіяхъ и взносахъ помѣщаются въ годовомъ отчетѣ Общества.

§ 24. Принадлежація Обществу свободныя денежныя суммы вносятся на текущій счетъ въ одно изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, или же обращаются въ государственныя, или гарантированныя Правительствомъ, процентныя бумаги. Ближайшій порядокъ храненія и расходованія суммъ Общества опредѣляется Совѣтомъ.

§ 25. Соразмѣряя свои дѣйствія со средствами, Совѣтъ, при наступленіи каждаго года, составляетъ подробную смѣту доходовъ и расходовъ, положительно опредѣленныхъ. Затѣмъ все особенныя и экстренныя расходы могутъ быть допускаемы не иначе, какъ по постановленіямъ Совѣта.

ГЛАВА IV.

Дѣйствія Общества.

§ 26. Въ кругъ дѣйствій Общества входятъ: а) сооруженіе и содержаніе церквей и устройство при нихъ помѣщеній для духовенства; б) открытіе церковно-приходскихъ школъ для образованія горскаго юношества и содѣйствіе имъ денежными средствами; в) переводъ на туземныя языки Священнаго Писанія, Богослужебныхъ, учебныхъ и другихъ, полезныхъ для чтенія книгъ, и печатаніе какъ слѣхъ переводовъ, такъ и священно-церковныхъ книгъ на грузинскомъ языкѣ, и г) содѣйствіе Епархіальному Начальству въ исполненіи его предположеній по улучшенію благосостоянія горскаго духовенства и возвышенію уровня его образованія.

А. Сооруженіе и содержаніе церквей.

§ 27. Сооруженіе и возобновленіе церковныхъ зданій предпринимается Обществомъ по извѣщеніямъ духовнаго начальства, или же по тѣмъ данымъ о состояніи церковныхъ зданій въ горскихъ приходахъ, которыя будутъ получены самимъ Обществомъ.

Примѣчаніе. Путевыя издержки лицъ, посылаемыхъ для осмотра зданій или наблюденія за ходомъ строительныхъ работъ, а равно выдача имъ прогоновъ или другихъ пособій, производятся изъ суммъ Общества, по усмотрѣнію Совѣта.

§ 28. Исполненіе самыхъ работъ по сооруженію церквей и другихъ зданій, возведеніе коихъ будетъ принято Обществомъ на свое попеченіе, производится или подрядомъ, или хозяйственнымъ образомъ, смотря по тому, который изъ двухъ способовъ будетъ признанъ Совѣтомъ наиболее выгоднымъ.

§ 29. Торги производятся въ мѣстностяхъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію Предсѣдателя Общества.

§ 30. При торгахъ, если таковые будутъ производиться не въ самомъ Совѣтѣ Общества, присутствуетъ лицо, избранное для того Предсѣдателемъ Общества.

§ 31. При обезпеченіи договоровъ и обязательствъ, принимаемыхъ на себя подрядчиками, а равно при исполненіи и прекращеніи сихъ договоровъ, соблюдаются правила, въ законахъ гражданскихъ для казенныхъ подрядовъ установленныя. Впрочемъ, предоставляется Совѣту Общества дѣлать пѣкоторыя для подрядчиковъ облегченія въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ это возможнымъ.

§ 32. Освидѣтельствованіе работъ, произведенныхъ съ подряда или хозяйственнымъ образомъ, производится лицами, для того избранными Предсѣдателемъ.

§ 33. Отчеты по сооруженію, возобновленію или исправленію церковныхъ и принадлежащихъ къ нимъ зданій подлежатъ разсмотрѣнію Совѣта Общества.

Б. Учрежденіе школъ. Содѣйствіе къ учрежденію и содержанію горскихъ школъ.

§ 34. Общество пмѣетъ въ своемъ вѣдѣніи церковно-приходскія школы для образованія дѣтей горскихъ жителей. Относительно сихъ школъ Общество дѣйствуетъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года правилъ о церковно-приходскихъ школахъ. Совѣтомъ Общества на содержаніе состоящихъ въ вѣдѣніи его церковно-приходскихъ школъ ассигнуется сумма, сообразно съ средствами Общества.

В. Переводъ книгъ Священнаго Писанія, Богослужебныхъ и другихъ.

§ 35. Совѣтъ Общества печется о переводѣ книгъ Священнаго Писанія, а также Богослужебныхъ и другихъ, полезныхъ для чтенія, книгъ на горскіе и вообще туземные языки.

§ 36. Печатаніе и изданіе сихъ переводовъ и книгъ Общество производитъ на свой счетъ.

Г. Содѣйствіе Епархіальному Начальству къ улучшенію положенія горскаго духовенства.

§ 37. Содѣйствіе Общества Епархіальному Начальству матеріальными средствами можетъ быть вызвано предложеніями духовнаго вѣдомства, или самаго Совѣта Общества.

§ 38. Такое содѣйствіе состоитъ: а) въ снабженіи горскихъ церквей ризницею и утварью; въ б) учрежденіи новыхъ причтовъ и

производствѣ содержанія вообще всему горскому духовенству; в) въ назначеніе денежныхъ суммъ на введеніе, въ случаѣ надобности, въ курсахъ духовныхъ семинарій дополнительныхъ предметовъ преподаванія, съ цѣлю образованія и приготовленія дѣтей горскихъ семействъ къ церковному служенію.

§ 39. Заботливость Общества въ отношеніи устройства и улучшенія положенія причтовъ церквей, какъ возведенныхъ его попеченіями, такъ и вообще состоящихъ въ вѣдомствѣ его ограничивается денежными, на счетъ суммъ Общества, пособіями, какъ лично священно-и-церковно-служителямъ, такъ и ихъ вдовамъ и сиротамъ.

§ 40. Размѣръ денежнаго пособія, сверхъ опредѣленнаго жалованья, выдаваемого духовнымъ лицамъ, зависитъ отъ степени ихъ заслугъ и усмотрѣнія Общества.

§ 41. Заботясь объ улучшеніи содержанія церковныхъ причтовъ, Общество не касается внутренняго управленія ими. Дѣло это вполнѣ зависитъ отъ Епархіальнаго Начальства точно такъ же, какъ и самое замѣщеніе священно-и-церковно-служительскихъ должностей.

ГЛАВА V.

Отчеты Общества.

§ 42. Совѣтъ Общества ежегодно составляетъ отчетъ, который долженъ заключать въ себѣ подробныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ дѣятельности Общества, какъ-то: 1) о числѣ возобновленныхъ, исправленныхъ и вновь сооруженныхъ церквей; 2) о числѣ вновь учрежденныхъ на счетъ суммъ Общества и пользующихся содержаніемъ отъ общества церковныхъ причтовъ въ горскихъ приходахъ; 3) о числѣ и состояніи церковно-приходскихъ школъ, находящихся въ вѣдѣніи Общества; 4) о переводѣ и изданіи священныхъ и прочихъ духовныхъ книгъ, и 5) о доходахъ и расходахъ по всѣмъ частямъ управленія.

§ 43. Отчеты представляются Ея Императорскому Величеству, Государынѣ Императрицѣ МАРИИ ѲЕОДОРОВНѢ, Высочайшей Покровительницѣ Общества, и Святѣйшему Синоду.

§ 44. Сверхъ сего экземпляры отчетовъ сообщаются Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода и другимъ почетнымъ лицамъ и вообще распространяются въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ.

§ 45. Всѣ безъ исключенія члены имѣютъ право на безденежное полученіе отчетовъ Общества.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Февраля № 3. 1897 года.

Содержаніе. Отъ Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта.—Высочайшая отмѣтка.—Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 1895/96 учебный годъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1895/96 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя звѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ.

Отъ священника сл. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда, Иліи Слюсарева Совѣтомъ получено слѣдующее благопріятное донесеніе о состояніи сектантства въ сл. Рѣчкахъ за послѣднее время истекшаго 1896 г.

„Высылка 5 главныхъ рѣчанскихъ сектантовъ не понравилась оставшимся членамъ ихъ семействъ и возбудила среди нихъ сильное раздраженіе; нѣкоторые родственники ихъ тоже сочувствовали имъ. Но въ началѣ декабря сосланныя прислали своимъ семьямъ письма, содержавіе которыхъ ихъ озадачило. Четыре изъ нихъ писало, что они искренно покаялись, оставили свои заблужденія, уже исповѣдывались и приобщались Св. Таинъ, совѣтовали и имъ сдѣлать то же и надѣются скоро быть въ Рѣчкахъ. Эти письма были читаны при стеченіи народа, и для фанатиковъ—сектантовъ было очень цѣловко и непріятно, что ихъ вожаки отказываются отъ своихъ взглядовъ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ обрадовались ожидаемому возвращенію высланныхъ, напр. жена и малолѣтнія дѣти Матвѣнка, семьи Суржука и Твердохлѣба. Но нѣкоторые были поражены такимъ содержаніемъ этихъ писемъ и недовольны ими. Такъ, сынъ солдата Матвѣнка—Митрофанъ (19 л.) отписалъ своему отцу, что онъ не доволенъ его поведеніемъ и огорчевъ, что больно ужъ скоро подался. Иванъ Ольховникъ (20 л.) писалъ брату своему Игнатію, чтобы тотъ постарался какъ нибудь удержать своихъ сотоварищей и вразумилъ ихъ не перемѣнять своего ученія. А этотъ Игнатій Ольховникъ одинъ только изъ 5 высланныхъ остался твердымъ въ своемъ заблужденіи и въ письмѣ своемъ, полученномъ предъ тѣмъ временемъ,

извѣщаль что онъ одинъ остался здоровъ, а „тѣ дорогою поболѣли“. Надо замѣтить, что онъ, какъ отличный плотникъ, хорошо и тамъ пристроился (при маслобойнѣ), а товарищи его съ трудомъ могли найти себѣ работу для дневнаго пропитанія.

Какъ-бы то ни было, по содержаніе этихъ писемъ, полученныхъ отъ кающихся сектантовъ (искренно или нѣтъ, пока неизвѣстно), *имѣло бѣлія послѣдствія*. Нѣкоторые колебавшіеся подростки отшатнулись отъ сектантства; сами сектанты поставлены въ целовкое положеніе, теряютъ свою устоячивость и ожидаютъ возвращенія своихъ руководителей. Для православныхъ пріятель такой поворотъ дѣла, пріятно, что сектантство сознается въ своей неправотѣ. Вообще въ концѣ прошедшаго года въ сословіи мѣстнаго сектантства замѣтна перемѣна къ лучшему благодаря тому, что высланные рѣчанскіе вожаки открыто сознались въ своихъ релігіозныхъ заблужденіяхъ“.

Отъ Харьковскаго Епархіального училищнаго совѣта.

Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ журнальнымъ опредѣленіемъ своимъ, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, постановилъ: „объявить по епархіи къ свѣдѣнію духовенства, что 1) лица, вновь опредѣляемыя священниками въ одноклірныя приходы, или священники, перемѣщенные на таковыя же приходы, — безъ всякаго утвержденія должны вступать въ отиравленіе обязанностей по завѣдыванію и законоучительству въ мѣстныхъ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты и о принятіи на себя этихъ обязанностей своевременно прописывать въ клировыхъ вѣдомостяхъ, 2) въ случаѣ невозможности для кого либо изъ такихъ священниковъ, по исключительнымъ обстоятельствамъ, принять на себя указанныя обязанности въ школахъ, они обязаны доводить о семъ до свѣдѣнія мѣстнаго уѣзднаго отдѣленія, а это послѣднее должно представлять Совѣту каждый разъ особые доклады по вопросу объ освобожденіи мѣстныхъ священниковъ отъ школьной службы съ обстоятельнымъ изложеніемъ уважительныхъ данныхъ по сему предмету и 3) что преподаваніе Закона Божія въ церковно-приходскихъ школахъ, существующихъ въ двухклірныхъ или трехклірныхъ приходахъ, по прежнему возлагается на обязанность младшихъ священниковъ, если объ освобожденіи сихъ послѣднихъ отъ законоучительства не было сдѣлано, кѣмъ слѣдуетъ, особыхъ распоряженій.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго поступило къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода сообщеніе о томъ, что: въ молитвенную память о въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III прихожанинъ Иверско-Богородичной церкви слободы Владиміровки, Купянскаго уѣзда, Харьковской епархіи, крестьянинъ Григорій Оранскій на построеніе въ названной слободѣ новой церкви пожертвовалъ лѣснаго матеріала на 7,200 рублей.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Синодальнаго Оберъ-Прокурора о такомъ выраженіи вѣрноподданинческихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, въ 30-й день ноября 1896 года, благоугодно было Собственноручно начертать: „Прочель съ удовольствіемъ“.

Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 18⁹⁵/₉₆ учебный годъ.

(Продолженіе *).

VIII.

При обученіи дѣтей положеннымъ для церковно-приходскихъ школъ предметамъ, учащіе, какъ сказано выше (см. гл. IV отчета) слѣдовали программамъ, утвержденнымъ Святѣйшимъ Синодомъ. По свѣдѣніямъ, имѣющимся въ отчетахъ уѣздныхъ отдѣленій Совѣта и окружныхъ наблюдателей, видно, что въ незначительной части церковно-приходскихъ школъ нѣкоторые изъ учебныхъ предметовъ не были пройдены въ отчетномъ году въ томъ объемѣ, который указанъ существующими программами, частію по обширности программъ для учебнаго года, а частію потому, что дѣти, вслѣдствіе ненастной погоды въ осеннее время учебнаго года, а также по недостатку обуви и теплой одежды и по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, неаккуратно посѣщали школы и такимъ образомъ задерживали правильное и послѣдовательное теченіе школьныхъ занятій. Вполнѣ правильной постановкой учебнаго дѣла отличаются 213 школъ. Въ 216 школахъ учебныя занятія въ общемъ можно назвать поставленными болѣе или менѣе удовле-

*) См. „Вѣра и Разумъ“ № 2, за 1897 г.

творительно; строй же учебнаго дѣла въ 112 школахъ слѣдуетъ признать не вполне удовлетворительнымъ.

Нравственное воспитаніе учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ епархіи было предметомъ особенной заботы лицъ, завѣдующихъ и учащихся въ оныхъ. Средствами для развитія въ учащихся нравственнаго чувства были: ежедневныя утреннія и вечернія молитвы предъ началомъ и послѣ ученія, а также пѣніе въ классное время повседневныхъ молитвъ и другихъ церковныхъ молитвословій и гимновъ: „Боже Царя храни“ и „Коль славенъ.“ При этомъ руководители школъ приучали дѣтей къ внимательному отношенію къ молитвѣ, благоговѣйному участию въ оной, и напоминали имъ о святости постовъ и вообще всѣхъ установленій церкви. Должное вниманіе со стороны воспитывающихъ обращено было и на то, чтобы дѣти неопустительно посѣщали церковныя богослуженія въ воскресные, праздничные и табельные дни, а способные изъ нихъ занимались бы чтеніемъ и пѣніемъ на клиросѣ и исполняли служебныя обязанности въ алтарѣ. Говѣніе и истинно-христіанское приготовленіе дѣтей къ исповѣди и причащенію Св. Таинъ составляли предметъ особаго попеченія со стороны руководителей и учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ; вмѣстѣ съ симъ наставники внушали учащимся страхъ Божій, чувство вѣрноподданнической преданности Государю Императору, любовь къ отечеству, почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ начальствующимъ и старшимъ, и товарищеское миролюбіе. Наконецъ, къ обязанностямъ воспитателей относилось приученіе дѣтей къ школьнымъ порядкамъ и наблюденіе за ихъ чистоплотностію и опрятностію въ одеждѣ и бережливымъ отношеніемъ къ чужой и своей собственности и т. п.

Утреннія и вечернія молитвы въ школѣ исполнялись всѣми учениками по очереди, въ присутствіи законоучителей; въ тѣхъ же школахъ, въ которыхъ учащіяся, по разнымъ причинамъ, не приобрѣли или не могли приобрести достаточнаго навыка къ внятному и бѣглому чтенію повседневныхъ молитвъ, таковыя были исполняемы самими законоучителями или другими учащими въ школахъ. Въ нѣкоторыхъ начинающихъ школахъ практиковалось чтеніе молитвъ со словъ учащихся, причемъ для сбереженія времени, назначеннаго собственно для классныхъ занятій, были читаны не всѣ утреннія и вечернія молитвы, а только тѣ, которыя были избираемы законоучителями школъ. Главнѣйшія молитвы, каковы: „Царю Небесный,“ „Отче нашъ,“ „Богородице Дѣво радуйся,“ „Спаси Господи, люди Твоя:“ и др., пѣлись подъ руководствомъ наставниковъ, по возможности, всѣми учащимися.

Дисциплинарныя мѣры въ церковно-приходскихъ школахъ были та-

ковы: замѣчаніе, внушеніе, лишеніе права принимать участіе во время перемѣвъ въ дѣтскихъ играхъ и забавахъ. При недѣйствительности этихъ мѣръ наставники доводили до свѣдѣнія родителей или опекуновъ о перадѣніи и шалости учащихъся, а упорно лѣнивыхъ учениковъ и неоднократно замѣченныхъ въ нетерпимыхъ проступкахъ, производившихъ соблазнъ и вредное вліяніе на ихъ товарищей, удаляли изъ школы навсегда.

Росписаніе уроковъ, согласно съ требованіемъ программъ, было во всѣхъ школахъ, въ нѣкоторыхъ же школахъ и особенно въ тѣхъ, гдѣ, по малоспособности наличныхъ низшихъ членовъ клира или по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ для правильнаго хода учебныхъ занятій, обученіемъ дѣтей занимались одни приходскіе священники, которые въ классное время иногда оставляли учебныя занятія въ школахъ, для исполненія неотложныхъ мірскихъ требъ,—росписаніе учебныхъ часовъ не было строго выполняемо; записъ уроковъ въ особо заведенные для сего журналы или тетради была введена во всѣхъ школахъ епархіи.

Въ отчетное время въ пѣвческихъ хорахъ участвовали ученики 222 школы, въ количествѣ отъ 4 до 30 человекъ въ каждомъ. Хоры существовали въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ епархіи, а именно: *Ахтырскаго уѣзда*: 1) въ г. Ахтыркѣ при соборѣ—18 ч., 2) въ г. Ахтыркѣ при Николаевской церкви—7 ч., 3) въ с. Славгородѣ—8 ч., 4) въ с. Ясенкѣ—12 ч., 5) въ Бакировкѣ—6 ч., 6) въ Кириковкѣ—8 ч., 7) въ г. Ахтыркѣ, при Петро-Павловской церкви,—10 ч., 8) въ Котельвѣ, при Троицкой церкви,—15 ч., 9) въ Пушкарномъ—7 ч.; *Богодуховскаго уѣзда*: 10) въ г. Богодуховѣ, при Троицкой церкви—20 ч., 11) въ г. Богодуховѣ, при Покровской церкви—20 ч., 12) въ г. Богодуховѣ при Успенской церкви—25 ч., въ селеніяхъ: 13) Яшномъ—14 ч., 14) Поличковкѣ—10 ч., 15) въ с. Лютовкѣ—25 ч., 16) въ с. Большой Писаревкѣ: при Покровской церкви—20 ч., 17) при Успенской—15 ч., 18) при Николаевской—15 ч., 19) въ с. Вольномъ—12 ч., 20) въ Красномъ Кутѣ—15 ч.; *Валковскаго уѣзда*: 21) въ с. Новой Воделогѣ, при Николаевской церкви—17 ч., 22) Левендаловкѣ—10 ч., 23) Ковягахъ—5 ч., 24) Станичномъ—6 ч., 25) Перекопѣ—4 ч., 26) Коломакѣ, при Успенской церкви—10 ч., 27) въ с. Просяномъ—7 ч., 28) въ Княжномъ—8 ч., 29) въ с. Покровскомъ—7 ч.; Въ 13-ти непоименованныхъ школахъ *Волчанскаго уѣзда*: участвовало въ церковныхъ хорахъ 165 ч. *Зміевскаго уѣзда*: 30) въ с. Кочеткѣ—12 ч., 31) въ с. Боровой—20 ч., 32) въ с. Алексѣевкѣ, при двухъ церквяхъ—34 ч., 33) въ Веденскомъ—13 ч., 34) въ г. Чугуевѣ, при

Покровской церкви,—30 ч., 35) въ г. Чугуевѣ, при Скорбященской церкви—10 ч., 36) въ Соколовѣ—6 ч., 37) въ с. Соколовѣ при Архангело-Михаиловской—ц. 10 ч., 38) въ с. Звѣздахъ—18 ч., 39) въ г. Зміевѣ при соборѣ—12 ч., 40) въ г. Зміевѣ при Успенской церкви—10 ч., 41) въ с. Махначехъ—8 ч., 42) въ с. Константиновѣ—10 ч., 43) въ Ново-Покровскомъ—18 ч., 44) въ Отрадѣ—6 ч., 45) въ с. Шебелинкѣ—12 ч., 46) въ с. Богодаровой—16 ч., 47) въ с. Андреевкѣ—10 ч., 48) въ Скрипаяхъ—9 ч., 49) въ Гинѣевкѣ—8 ч., 50) въ Яковенковомъ—8 ч., 51) въ с. Пришибѣ—6 ч., 52) въ с. Волчьемъ Яру—8 ч., 53) въ Бригадировкѣ—16 ч., 54) въ с. Бережѣ, при двухъ церквахъ—21 ч., 55) въ с. Гуляй-полѣ—25 ч., 56) въ с. Гомольшѣ—6 ч., 57) въ Граковомъ—4 ч., 58) въ Замостьѣ—10 ч., 59) въ с. Зарожномъ—8 ч., 60) въ с. Каменной Яругѣ—15 ч., 61) въ с. Лунивкѣ—15 ч., 62) въ с. Лагеряхъ—6 ч., 63) въ Лиманѣ—8 ч., 64) въ с. Малиновой—5 ч., 65) въ Нижней Орелі—12 ч., 66) въ с. Плесовой—6 ч., 67) въ с. Терновой—8 ч., 68) въ с. Шелудковѣ—4 ч., 69) с. Булацеловѣ—9 ч., 70) въ с. Боркахъ—10 ч., 71) въ с. Глазуновкѣ—10 ч., 72) въ с. Гіевѣ—15 ч., 73) въ с. Ефремовкѣ—9 ч., 74) въ с. Закотномъ—7 ч., 75) въ с. Киселяхъ—, 5 ч., 76) въ с. Мѣловкѣ—6 ч.; *Изюмского уѣзда*: 77) въ г. Изюмѣ, при Кресто-Воздвиженской церкви—10 ч., 78) въ с. Малой Камышевахъ—18 ч., 79) въ г. Славянскѣ, при Воскресенской церкви—20 ч., 80) въ Славянскѣ, при Троицкой—12 ч., 81) въ Славянскѣ, при Всѣхсвятской церкви—25 ч., 82) въ Ольховомъ Рогѣ—10 ч., 83) въ с. Спѣваковкѣ—9 ч., 84) въ с. Николаевкѣ—9 ч., 85) въ Голой Долинѣ—25 ч., 86) въ Богородичной—22 ч., 87) въ с. Бѣлянской—18 ч., 88) въ с. Знаменскомъ—27 ч., 89) въ с. Лозоватомъ—8 ч., 90) въ с. Райскомъ—16 ч., 91) въ с. Алисовкѣ—12 ч., 92) въ Золотомъ Колодезѣ—10 ч., 93) въ с. Залиманѣ—18 ч., 94) въ с. Мецебиловой—12 ч., 95) въ с. Шандроголовой—4 ч., 96) въ с. Поповкѣ—5 ч., 97) въ с. Нивифоровѣ—5 ч., 98) въ с. Яремовѣ—4 ч., 99) въ с. Щуровкѣ—11 ч., 100) въ с. Гусаровѣ—6 ч., 101) въ с. Пескахъ—7 ч., 102) въ с. Савинцахъ, при Успенской церкви—6 ч., 103) въ Рай-городкѣ—16 ч.; *Купянскаго уѣзда*: 104) въ с. Новой Ольшанѣ—20 ч., 105) въ с. Ново-Млинскѣ—22 ч., 106) въ с. Петро-Павловкѣ—12 ч., 107) въ с. Покровскѣ, при Покровской церкви—6 ч., 108) въ с. Владиміровкѣ—10 ч., 109) въ с. Коломійчихѣ—4 ч., 110) въ с. Кругликовѣ—10 ч., 111) въ с. Сватовой Лучкѣ, при Успенской церкви—10 ч., 112) въ с. Волоской Балаклеикѣ—6 ч., 113) въ с. Каменкѣ—4 ч., 114) въ с. Куземовкѣ—10 ч., 115) въ с.

Отрадномъ—5 ч., 116) въ с. Покровскомъ, при Троицкой церкви—5 ч., 117) въ Сеньковѣ—20 ч., 118) въ с. Торской—13 ч.; *Старобѣльскаго уѣзда*: 119) въ г. Старобѣльскѣ, при соборѣ—14 ч., 120) въ г. Старобѣльскѣ, при Николаевской церкви—5 ч., 121) въ с. Подгоровкѣ—4 ч., 122) въ с. Дималѣ—5 ч.; 123) въ с. Евсугѣ—5 ч., 124) въ с. Половинкиной 5 ч., 125) въ с. Титаровкѣ—12 ч., 126) въ с. Шульгинкѣ—6 ч., 127) въ с. Елифановкѣ—6 ч., 128) въ с. Боровенькѣ—6 ч., 129) въ с. Климовкѣ—8 ч., 130) въ с. Рудевомъ—9 ч., 131) въ с. Гайдовкѣ—5 ч., 132) въ с. Новой-Астрахани, при двухъ церквахъ, по 5 ч., 133) въ с. Алексѣевкѣ (2 окр.)—8 ч., 134) въ с. Бѣловуравиной, при двухъ церквахъ—30 ч., 135) въ с. Богородичной—4 ч., 136) въ с. Закатномъ—5 ч., 137) въ с. Макартепной—9 ч., 138) въ с. Маньковкѣ—8 ч., 139) въ с. Нищеретовой—8 ч., 140) въ с. Талюшевкѣ—5 ч., 141) въ с. Тимоновой—26 ч., 142) въ с. Богодаровой—6 ч., 143) въ с. Бѣлолуцкѣ, при двухъ церквахъ—34 ч., 144) въ с. Курячевкѣ—11 ч., 145) въ с. Марковкѣ, при трехъ церквахъ—25 ч., 146) въ с. Новой Россоши—8 ч., 147) въ с. Осиновой, при двухъ церквахъ—21 ч., 148) въ с. Просляной—4 ч., 149) въ с. Сычевкѣ—5 ч., 150) въ с. Баранковой—6 ч., 151) въ с. Бѣловодскѣ, при двухъ церквахъ—18 ч., 152) въ с. Городищѣ—6 ч., 153) въ с. Зеликовкѣ—6 ч., 154) въ Деркульскомъ заводѣ—4 ч., 155) Зориковкѣ—5 ч., 156) Кононовкѣ—6 ч., 157) въ с. Караячномъ—5 ч., 158) въ с. Монсеевкѣ—7, 159) въ с. Никольскомъ—10 чел., 160) въ с. Семиковкѣ—6 ч., ч., 161) въ Стрѣлецкомъ заводѣ—5 ч., 162) въ с. Боровой—6 ч., 163) въ с. Безгиновой—12 ч., 164) въ с. Трехизбянкѣ—13 ч., 165) въ с. Петрс-Павловкѣ при двухъ церквахъ—30 ч., 166) въ с. Черниговкѣ—8 ч., 167) въ с. Чебаповкѣ—12 ч.; *Сумскаго уѣзда*: 168) въ г. Сумахъ, при соборѣ—20 ч., 169) въ г. Сумахъ, при Покровской церкви—14 ч., 170) въ г. Сумахъ, при Николаевской церкви—12 ч., 171) въ гор. Сумахъ, при Троицкой церкви—10 ч., 172) въ г. Сумахъ, при Пророко-Ильинской церкви—17 ч., 173) въ с. Воробьевкѣ—10 ч., 174) въ с. Хотѣнѣ—8 ч., 175) въ г. Бѣлопольѣ, при Пророко-Ильинской церкви—15 ч., 176) въ г. Бѣлопольѣ, при Петро-Павловской церкви—15 ч., 177) въ г. Бѣлопольѣ, при Рождество-Богородичной церкви—10 ч., 178) въ с. Малой Чернетчинѣ—15 ч., 179) въ с. Искрисковѣ—12 ч., 180) въ с. Рогозиномъ—12 ч., 181) въ Аняпномъ—7 ч., 182) въ Николаевкѣ—12 ч., 183) въ Рѣчкахъ, при Троицкой церкви—14 ч., 184) въ Стецковѣ—при Дмитріевской церкви—10 ч., 185) въ Алексѣевкѣ—15 ч., 186) въ Тимошеевкѣ—12 ч., 187) въ Бобринкѣ—6 ч.,

188) въ Подлѣсновкѣ—9 ч., 189) въ с. Лукѣ—11 ч., 190) въ с. Нижней Сыроваткѣ—12 ч., 191) въ Старосельѣ—7 ч., 192) въ Николаевкѣ (школ. гр.)—17 ч., 192) Большой Черпетчинѣ—6 ч., 193) въ с. Юнаковкѣ—20 ч., 194) въ с. Кальченковомъ—7 ч., 195) въ с. Ободахъ—6 ч., 196) въ г. Сумахъ, при Рождество-Богородичной церкви—15 ч.; *Харьковскаго уѣзда*: въ г. Харьковѣ: 197) при Воскресенской церкви—13 ч., 198) при Александро-Невской—30 ч., 199) при Преображенской—10 ч., 200) при мѣщанской богадѣльнѣ—15 ч., 201) въ с. Ивановкѣ—15 ч., 202) въ с. Основѣ 15 ч., 203) въ с. Березовкѣ—5 ч., 204) въ с. Пересѣчномъ—4 ч., 205) въ с. Полевомъ—10 ч., 206) въ с. Малой-Даниловкѣ—14 ч., 207) въ Куряжскомъ монастырѣ—12 ч., 208) въ с. Ольшаной, при трехъ церквахъ—24 ч., 209) въ с. Деркачахъ, при Николаевской церкви,—25 ч., 210) въ с. Деркачахъ, при Рождество-Богородичной церкви,—24 ч., 211) въ с. Черкасской-Лозовой—17 ч., 212) въ с. Мироновкѣ—10 ч., 213) въ Бабаяхъ—4 ч., 214) въ Комаровкѣ—20 ч., 215) въ с. Вертѣевкѣ—14 ч., 216) въ Казачьей-Лопани—11 ч., 217) въ Одноробовкѣ—8 ч., 218) въ Липцахъ, при Николаевской церкви—18 ч., 219) въ Золочевѣ при Николаевской церкви—10 ч., 220) въ Удахъ—12 ч., 221) въ Козачкѣ—14 ч., въ г. Харьковѣ, при Архангело-Михайловской церкви—12 ч., 222) при Всѣхсвятской церкви—5 ч.; всего участвовало въ хорахъ *2766 человекъ*.

Въ концѣ отчетнаго года были произведены выпускные экзамены на полученіе льготныхъ свидѣтельствъ по отбыванію воинской повинности въ 228 школахъ епархіи. На основаніи существующихъ правилъ объ экзаменахъ въ церковно-приходскихъ школахъ Епархіальный Училищный Совѣтъ, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, удостоилъ полученія свидѣтельствъ на означенную льготу учениковъ нижеслѣдующихъ школъ: *Ахтырскаго уѣзда*: 1) Ахтырской при соборѣ—14 ч., 2) Котелевской—11 ч., 3) Боромлинской—5 ч., 4) Краснопольской—6 ч., 5) Тростянецкой—3 ч., 6) Жингайловской—3 ч., 7) Краснопольской, при Успенской церкви—3 ч., 8) Славгородской—4 ч., 9) Хухрянской—5 ч., 10) Бакировской—4 ч., 11) Познянской—3 ч., 12) Ясеновской—6 ч., 13) Бранцовской 1 ч., 14) Мезеновской—4 ч., 15) Кириковской—1 ч., 16) Янково-Рогской—2 ч., 17) Закобыльской—2 ч.; *Богодуховскаго уѣзда*: 18) Богодуховской, при соборѣ—7 ч., 19) Богодуховской, при Покровской церкви,—10 ч., 20) Богодуховской, при Троицкой церкви,—8 ч., 21) Больше-Писаревской, при Покровской церкви—4 ч., 22) Больше-Писаревской, при Успенской церкви,—5 ч., 23) Вольновской—3 ч., 24) Ивановской—3 ч.,

25) Константиновской—2 ч., 26) Краснокутской, при Николаевской церкви,—1 ч., 27) Краснокутской, при Успенской церкви—4 ч., 28) Кручанской—5 ч., 29) Лихачевской—4 ч., 30) Лютовской—7 ч., 31) Мало-Писаревской—3 ч., 32) Мурафской, при Архангело-Михайловской церкви,—4 ч., 33) Мурафской, при Николаевской церкви,—7 ч., 34) Мирнянской—2 ч., 35) Пархомовской—1 ч., 36) Поповской—2 ч., Сѣвнянской—4 ч., 37) Ставчанской—2 ч., 38) Тарасовской—2 ч., 39) Ямнянской—6 ч.; *Валковскаго уѣзда*: 40) Валковской при соборѣ—1 ч., 41) Валковской, при Успенской церкви,—2 ч., 42) Высокопольской—2 ч., 43) Княжанской—4 ч., 44) Калениковской—9 ч., 45) Ковеговской—2 ч., 46) Коломакскихъ при Воскресенской церкви—3 ч., 47) при Успенской—1 ч., 48) при Николаевской—1 ч., 49) Левендаловской—3 ч., 50) Мняковской—6 ч., 51) Михайловской—1 ч., 52) Ново-Водолажской двухклассной—11 ч., 53) Ново-Водолажской, при Воскресенской церкви—3 ч., 54) Новословской—1 ч., 55) Огульчанской—3 ч., 56) Перекопской—1 ч., 57) Просянской—12 ч., 58) Свѣжковской—6 ч., 59) Станчанской—1 ч., 60) Черемушанской—1 ч.; *Волчанскаго уѣзда*: 61) Волчанской, при соборѣ—10 ч., 62) Заводянской—6 ч., 63) Варваровской—4 ч., 64) Грачевской—3 ч., 65) Косинской—2 ч., 66) Волчанской-Мировослицкой—3 ч., 67) Мартовской—10 ч., 68) Ново-Александровской—5 ч., 69) Нижне-Писаревской—4 ч., 70) Старо-Салтовской—5 ч.; *Зміевскаго уѣзда*: 71) Зміевской, при соборѣ—9 ч., 72) Алексѣевской при Троицкой церкви—2 ч., 73) Андреевской—6 ч., 74) Асѣвской—2 ч., 75) Балаклейской—5 ч., 76) Богодаровской—5 ч., 77) Бригадировской—3 ч., 78) Березькой, при Вознесенской церкви—5 ч., 79) Боровской—9 ч., 80) Верхне-Бишквинской—5 ч., 81) Волохово-Ярской—4 ч., 82) Гомольшанской—3 ч., 83) Гуляй-Польской—4 ч., 84) Замостянской—2 ч., 85) Коробчанской—7 ч., 86) Константиновской—3 ч., 87) Лагерской—2 ч., 88) Лозовеньской—3 ч., 89) Мосьяновской—5 ч., 90) Нижне-Орельской—3 ч., 91) Охоченской—3 ч., 92) Соколовской—4 ч., 93) Терновской—3 ч., 94) Черкасско-Бишквинской—3 ч., 95) Чугуево-Осиновской—2 ч., 96) Чугуевской-Покровской—3 ч.; *Изюмскаго уѣзда*: 97) Бавновской—13 ч., 98) Богодаровской—4 ч., 99) Барвенковской, при Успенской церкви,—2 ч., 100) Былбасовской—8 ч., 101) Голодолинской—6 ч., 102) Давиловской—3 ч., 103) Барвенковской, при Георгіевской церкви,—5 ч., 104) Дробышевской—2 ч., 105) Залимапской—3 ч., 106) Знаменской—7 ч., 107) Изюмской, при Крестовоздвиженской церкви,—5 ч., 108) Изюмской, при Покровской церкви,—2 ч., 109) Лиманской—5 ч., 110) Мало-Камышевахской—5 ч., 111)

Мечебиловской—5 ч., 112) Привольской—4 ч., 113) Протопоповской—2 ч., 114) Поновской—4 ч., Райской—8 ч., 115) Савинской, при Успенской церкви—3 ч., 116) Сиѣваковской—3 ч., 117) Славянской, при Воскресенской церкви,—7 ч., 118) Славянской, при Всѣхсвятской церкви,—7 ч., 119) Славянской, при Троицкой церкви,—6 чел., 120) Савинской, при Вознесенской церкви—2 ч., 121) Яремовской—5 ч., 122) Бѣлянкой—4 ч., 123) Чистоводской—2 ч.; *Кутянского уѣзда*: 124) Крясянской—1 ч., 125) Куземовской—4 ч., 126) Кругляковскій—3 ч., 127) Комаровской (Ижум. уѣз.)—2 ч., 128) Коломійчанской—4 ч., 129) 130) Нижне-Дуванской—2 ч., 131) Ново Ольшанской—8 ч.; 132) Ново-Красновской—2 ч., 133) Ново-Георгиевской—2 ч., 134) Ново-Млинской—10 ч., 135) Покровской—2 ч., 136) Сеньковской—1 ч., 137) Савтово-Луцкой—2 ч., 138) Терновской—3 ч., 139) Торской—6 ч.; *Лебединскаго уѣзда*: 140) Алешанской, при Преображенской церкви—2 ч., 141) Алешанской, при Покровской церкви—1 ч., 142) Боровеньской—1 ч., 143) Ворожбянской—5 ч., 144) Нижне-Верхосульской—2 ч., 145) Ольшанской—4 ч., 146) Рябушкинской—4 ч., 147) Сергѣевской—5 ч., 148) Терновской—4 ч.; *Старобѣльскаго уѣзда*: 149) Бѣловодской, при Троицкой церкви,—12 ч., 150) Бѣлолуцкой—10 ч., 151) Боровеньской—2 ч., 152) Боровской—4 ч., 153) Бѣлокуракинскій—47, 154) Бѣловодской, при Николаевской церкви—4 ч., 155) Байдовской—1 ч., 156) Великотской—2 ч., 157) Волкодавской—1 ч., 158) Городищанской—4 ч., 159) Донцовской—6 ч., 160) Евсугской—2 ч., 161) Курячевской—1 ч., 162) Колоповской—3 ч., 163) Кабыченской—2 ч., 164) Лизинской—3 ч., 165) Морозовской—2 ч., 166) Марковской, при Преображенской церкви—3 ч., 167) Марковской, при Троицкой церкви—3 ч., 168) Маньковской (Куп. уѣз.)—7 ч., 169) Муратовской—4 ч., 170) Ново-Ахтырской—2 ч., 171) Нишеретовской—7 ч., 172) Никольской—2 ч., 173) Ново-Росошанской [3 ч., 174) Ново-Астраханской—6 ч., 175) Осиповской, при Успенской ц.,—6 ч., 176) Просяковской—2 ч., 177) Рудовской—2 ч., 178) Сычевской—3 ч., 179) Старобѣльской, при Покровской ц.—3 ч., 180) Стрѣльцовской—5 ч., 181) Трехизбянской—3 ч., 182) Шульгинеккой—1 ч.; *Сумскаго уѣзда*: 183) Бѣлопольской, при Пророко-Ильинской церкви,—13 ч., 184) Бѣлопольской, при Петро-Павловской церкви—9 ч., 185) Вировской—2 ч., 186) Ворожбянской—3 ч., 187) Воробьевской—3 ч., 188) Грибенниковской—3 ч., 189) Ильмовской—4., 190) Искрисковской—8 ч., 191) Лучанской—7 ч., 192) Мало-Чернетчинской—1 ч., 193) Нижне-Сыроватской—2 ч., 194) Ободской—4 ч., 195)

Падлѣсновской—5 ч., 196) Прорубской—2., 197) Павловской—3 ч., 198) Рогозьянской—3 ч., 199) Рѣчанской—8 ч., 200) Сумской, при Троицкой церкви,—4 ч. 201) Сумской, при Покровской церкви,—10 ч., 202) Сумской, при Николаевской церкви,—9 ч., 203) Сумской, при Преображенской церкви,—14 ч., 204) Водолажской—7 ч.; *Харьковскаго уѣзда*: 205) Харьковской, при Александро-Невской церкви—44 ч., 206) Харьковской, при Воскресенской церкви,—11 ч., 207) Харьковской, при Всѣхсвятской церкви,—10 ч., 208) Озерянской—209) при мѣщанской богадѣльнѣ—3 ч., 210) Куряжской—3 ч., 211) Ивановской—5 ч., 212) Мало-Даниловской—3 ч., 213) Алексѣевкой—2 ч., 214) Роганской—5 ч., 215) Бабаевской—2 ч., 216) Комаровской—6 ч., 217) Мерефянской, при Николаевской церкви,—6 ч., 218) Ольшанской, при Воскресенской церкви,—5 ч., 219) Ольшанской, при Покровской церкви,—5 ч., 220) Ольшанской, при Трехсвятительской церкви,—6 ч., 221) Пересечанской—5 ч., 222) Павъ-Ивановской—2 ч., 223) Одвоборовской—2 ч., 224) Удянской—4 ч., 225) Деркачевской, при Николаевской церкви,—9 ч., 226) Деркачевской, при Рождество-Богородичной церкви,—11 ч., 127) Черкасско-Лозовской—9 ч., 228) Козачья-Лопань—3 ч.; а всего удостоены льготныхъ свидѣтельствъ *1028 человекъ*, въ томъ числѣ: 55 человекъ окончившихъ полный курсъ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ: Харьковской, при Александро-Невской церкви, и Ново-Водолажской, при Николаевской церкви (Валковскаго уѣзда), получили свидѣтельства на льготу III разряда.

Въ числѣ учениковъ, удостоенныхъ свидѣтельствъ на льготу III разряда, значится Реньенъ Артуръ Реслингъ, сынъ мѣщанина, католическаго вѣроисповѣданія. Кромѣ сего 68 учениковъ, хотя и окончили курсъ ученія, но не получили права на льготу по воинской повинности; изъ нихъ 29 человекъ не удостоены полученія льготныхъ свидѣтельствъ за недостиженіемъ одиннадцати лѣтняго возраста ко дню испытаній и 39 учениковъ—по недостаточности успѣховъ.

Изъ *3136* ученицъ, обучавшихся въ отчетное время въ церковно-приходскихъ школахъ епархіи, *149* были подвергнуты выпускнымъ испытаніямъ; всѣ онѣ обнаружили въ общемъ очень хорошіе успѣхи въ знаніи предметовъ по курсу одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и получили выпускныя свидѣтельства по формѣ, установленной Святѣйшемъ Синодомъ.

Изъ представленныхъ въ Епархіальный Училищный Совѣтъ отчетовъ уѣздныхъ отдѣленій онаго и окружныхъ наблюдателей видно, что мѣстное населеніе вообще сочувственно относилось къ церковно-при-

ходскимъ школамъ. Сочувствіе это выразилось въ болѣе или менѣе значительныхъ пожертвованіяхъ на нужды школъ, какъ частныхъ обывателей, такъ и нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ, а также въ письменныхъ (общественные приговоры) и словесныхъ заявленіяхъ этихъ обществъ поддерживать существованіе школъ опредѣленными денежными взносами и другими матеріальными пособіями.

Сравнительно лучшими въ учебно-воспитательномъ отношеніи должны быть признаны нижеслѣдующія школы: *Ахтырскаго уѣзда*: Ахтырская, при соборѣ, Хухрянская, при Покровской церкви, Бакировская, Ясеновская; *Богодуховскаго уѣзда*: городскія Богодуховскія: соборная, при Троицкой и Покровской церквахъ, сельскія: Больше-Писаревскія: Покровская, Успенская; Ямнявская; Мурафскія: Архангело-Михайловская и Николаевская, Лютовская; *Валковскаго уѣзда*: при соборѣ, Ново-Водолажская при Воскресенской церкви, Проспянская, Старо-Водолажская, Калениковская; *Волчанскаго уѣзда*: при соборѣ, и Мироносицкой церкви, Велико-Бурлуцкая, Старо-Салтовская, Варваровская, Печепѣжская при Преображенской церкви, Нижне-Писаревская, Заводянская; *Зміевскаго уѣзда*: Алексѣевская при Троицкой церкви, Березкая при Вознесенской церкви, Гомольшанская, Верхне-Впшкншская, Волохо-Ярская, Коробчанская, Основская, Звѣдковская, Боровская; *Изюмскаго уѣзда*: Изюмская, при Крестовоздвиженской церкви, Славянскія: при Троицкой, Всѣхсвятской и Воскресенской церквахъ, Бално-Татіановская, Голодолинская, Знаменская, Мало-Калпшевахская, Лиманская, Паповская, Райская, Барвенковскія: при Георгіевской и Успенской церквахъ, Мечебиловская; *Купянскаго уѣзда*: Комаровская, Коломійчанская, Краснянская, Кругляковская, Куземовская, Ново-Глуховская, при Троицкой церкви, Ново-Краснянская, Ново-Млинская, Ново-Ольшанская, Покровская, Сватово-Луцкая при Успенской церкви, Сеньковская, Терновская, Торская; *Старобѣльскаго уѣзда*: Старобѣльскія: соборная и при женскомъ Скорбященскомъ монастырѣ, Бѣлокуракинская, при Тихоновской церкви, Городищенская, Тимоновская, Сычевская, Осиповская, при Успенской церкви; Бѣловодская: при Троицкой и Николаевской церквахъ, Петропавловская, при Петро-Павловской церкви, Николаевская, Боровская, Волкодавская, Трехизбянская; *Сумскаго уѣзда*: Сумскія: Соборная при Николаевской церкви, Бѣлопольскія: при Петро-Павловской и Пророко-Ильинской церквахъ, Рѣчанская, при Троицкой церкви, Локнянская, Юнаковскія при: Преображенской и Рождество-Богородичной церквахъ, Ильмовская, Водолажская, Искрисковская, Хотѣнская, Гребенниковская, Сумская при Пророко-Ильинской церкви, Ильинская и Николаевская

(школы грамоты); *Харьковскаго уѣзда*: Харьковскія: при Епархіальномъ женскомъ училищѣ, Александро-Невская, Воскресенская и Всѣхсвятская 1-я, Ивановская, Роганская, Деркачевскія: при Николаевской и Рождество-Богородичной церквахъ, Козачье-Лопанская, Комаровская, Ольшанская при Трехсвятительской церкви, Мерешанская при Николаевской церкви.

(Продолженіе будетъ).

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18^{95/96} учебный годъ.

(Продолженіе *).

В. Учители и учительницы необязательныхъ предметовъ.

1. Учительница французскаго языка во всѣхъ штатныхъ классахъ училища, начальница училища Евгенія Николаевна *Гейнрихъ*; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 р. за урокъ) 600 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 1 августа 1883 года.

2. Учитель музыки (игры на рояли) Николай Александровичъ *Орловскій*; окончилъ курсъ гимназій; жалованья получаетъ за 17 ученицъ по 25 р. и за 13 ученицъ по 20 р. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 28 августа 1882 года.

3. Учительница музыки (на рояли), дѣвица Неоніла Васильевна *Михайлова*; окончила курсъ женской гимназій; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 21 сентября 1892 года.

4. Учительница музыки (на рояли) Вильгельмина Рудольфовна *Корнильева*; домашняго образованія; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 8 ноября 1888 года.

5. Учительница музыки (на рояли) Варвара Петровна *Эвармицкая*; окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 20 сентября 1883 года.

6. Учительница музыки (на рояли) дѣвица Θεодосія Васильевна *Михайлова*; окончила курсъ женской гимназій; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 20 августа 1893 года.

7. Учительница музыки (на рояли), вдова коллежскаго регистратора Марія Павловна *Астремская*; окончила курсъ женской гимназій; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 22 сентября 1894 года.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2, за 1897 г.

8. Учительница музыки (на рояли) Софья Леопольдовна *Овельтз*; окончила курсъ женской гимназіи; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 11 сентября 1895 года.

9. Учитель музыки (игры на скрипкѣ) Александръ Ивановичъ *Колесниковъ*; жалованья получаетъ 450 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 23 октября 1891 года.

Г. Старшія воспитательницы.

1. Въ приготовительномъ классѣ, дѣвица Анна Гавриловна *Троицкая*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 года.

2. Въ I классѣ дѣвица Анастасія Александровна *Ястремская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 28 января 1888 года.

3. Во II нормальномъ классѣ вдова поручика Евдокія Павловна *Сорокина*; она же завѣдывала фундаментальною бібліотекою, учебниками и учебными принадлежностями; окончила курсъ женской гимназіи; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; кромѣ того 60 р. въ годъ за завѣдываніе фундаментальною бібліотекою и учебниками; въ настоящей должности съ 13 сентября 1871 года по 3 августа 1884 года и вторично съ 10 августа 1887 года.

4. Во II параллельномъ классѣ дѣвица Аполлинарія Павловна *Вышемирская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 11 августа 1894 года.

5. Въ III нормальномъ классѣ дѣвица Надежда Ивановна *Попова*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 20 августа 1893 года.

6. Въ III параллельномъ классѣ дѣвица Елисавета Яковлевна *Пужовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 17 августа 1895 года.

7. Въ IV нормальномъ классѣ, дѣвица Людмила Евѣимовна *Дьякова*; окончила курсъ женской гимназіи; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 сентября 1872 года.

8. Въ IV параллельномъ классѣ дѣвица Александра Владиміровна *Яновская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности со 2 сентября 1891 года.

9. Въ V нормальномъ классѣ дѣвица Александра Ивановна *Левандовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 7 февраля 1885 года.

10. Въ V параллельномъ классѣ дѣвица Ольга Теодоровна *Вертеловская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

11. Въ VI нормальномъ классѣ дѣвица Зинаида Ивановна *Нельговская*; она же завѣдывала ученическою бібліотекою; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; кромѣ того 25 р. въ годъ за завѣдываніе ученическою бібліотекою; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 г.

12. Въ VI параллельномъ классѣ дѣвица Елисавета Андреевна *Кураховская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 282 р. и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

Д. Младшія воспитательницы.

1. Въ приготовительномъ классѣ—дѣвица Валентина Андреевна *Щелкунова*; 2. Въ I классѣ—дѣвица Дарія Пантелеевновна *Мирвода*; 3. Во 2 нормальномъ классѣ—дѣвица Валентина Ивановна *Стенурская*; 4. Во 2 параллельномъ классѣ—дѣвица Антонина Семеновна *Подольская*; 5. Въ 3 нормальномъ классѣ—дѣвица Зинаида Михайловна *Иннокова*; 6. Въ 3 параллельномъ классѣ—дѣвица Марія Яковлевна *Павлова*; 7. Въ 4 нормальномъ классѣ—дѣвица Вѣра Константиновна *Аристова*; 8. Въ 4 параллельномъ классѣ—дѣвица Серафима Андреевна *Пономарева*; 9.

Въ 5 нормальномъ классѣ—дѣвица Анастасія Яковлевна *Павлова*; 10. Въ 5 параллельномъ классѣ—дѣвица Серафима Ивановна *Пономарева*; она же завѣдывала музыкальною библіотекою; 11. Въ 6 нормальномъ классѣ—дѣвица Евгенія Ивановна *Павлова*; 12. Въ 6 параллельномъ классѣ—дѣвица Анна Николаевна *Лашкарева*; изъ нихъ В. А. *Щелкунова* окончила курсъ женской гимназіи, а всѣ остальные—въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ каждая, при казенной квартирѣ со столомъ, 150 р. въ годъ и 25 р. ежегодной награды; кромѣ того воспитательница Серафима Ивановна *Пономарева* получила 15 р. за завѣдываніе музыкальною библіотекою; въ настоящей должности: Валентина *Щелкунова* и Евгенія *Павлова* съ 17 августа 1895 года; Дарія *Мирвода* и Антонина *Подольская* съ 11 августа 1894 года; Валентина *Степурская* съ 13 октября 1895 года; Марія *Павлова* съ 6 сентября 1893 года; Серафима Андреевна *Пономарева* съ 20 декабря 1893 года; а всѣ остальные съ 20 августа 1893 года.

Е. Другія служащія въ училищѣ лица.

1) Врачъ при училищной больницѣ, Харьковскій губернскій судебный инспекторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ *Стефановичъ-Севастіановичъ*, докторъ медицины; жалованья получаетъ 300 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 13 января 1877 года.

2) Надзирательница училищной больницы, вдова священника Лукія Павловна *Ковалева*; домашняго образованія; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 242 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 10 октября 1871 года.

3) Помощница больничной надзирательницы, дѣвица Пелагія Петровна *Прокофьева*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 150 р. въ годъ; въ настоящей должности 4 октября 1880 года.

4) Помощница больничной надзирательницы, вдова діакона Татіана Петровна *Краснокутская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 150 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 5 апрѣля 1894 года.

5) П. д. эконома Русскій мѣщанинъ Алексѣй Феодоровичъ *Васильевъ*; жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ со столомъ, 560 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 22 августа 1894 года.

Примѣчаніе. Кромѣ выше помѣдованныхъ лицъ, при училищѣ со-

стояли еще: а) *кастеляниа*, завѣдующая бѣльемъ и одеждою воспитаницъ, и б) *ключница*, завѣдующая, въ качествѣ помощницы эконома, столовою и буфетомъ.

2. Составъ учащихся.

Харьковское Епархіальное женское училище — шестиклассное, съ приготовительнымъ классомъ и пятью параллельными отдѣленіями.

Составъ учащихся въ немъ въ концѣ 18⁹⁵/₉₆ учебнаго года представляеть слѣдующая таблица:

К Л А С С Ы.	Общее число учащихся.	Духовныхъ.	Инословныхъ.	Живущихъ въ общежитіи.	Приходящихъ.	На полномъ Епархіальномъ содержаніи.	На половинномъ ¹⁾ .	Степендіати и содержаніи на средства благотворителей.	Окончили курсъ и удостоены аттестата.
Приготовительный	48	40	8	48	—	10	—	—	—
Первый	54	42	12	54	—	2	—	3	—
II Нормальный	47	40	7	47	—	8	1	2	—
II Параллельный	44	29	15	44	—	10	1	—	—
III Нормальный	45	31	14	45	—	1	—	3	—
III Параллельный	44	33	11	44	—	8	—	2	—
IV Нормальный	52	35	17	52	—	5	3	5	—
IV Параллельный	56	48	8	56	—	9	5	4	—
V Нормальный	39	30	9	38	1	7	—	1	—
V Параллельный	36	31	5	36	—	5	3	4	—
VI Нормальный	36	36	—	36	—	9	2	7	36
VI Параллельный	29	24	5	29	—	6	1	3	29
Всего	530	419	111	529	1 ²⁾	80	16	34	65

1) Съ платою за содержаніе и обученіе по 50 р. въ годъ, вмѣсто 70.

2) Дочь дѣлопроизводителя училища, живущаго смежно съ училищемъ.

Примѣчаніе. За полную пансіонерку вносится 70 р. въ годъ, за половинную (съ уменьшеннымъ взносомъ, но пользующуюся отъ училища веѣмъ, паравиѣ съ полными пансіонерками) 50 р., за дочерей духовенства иносепархіальнаго по 180 р. и за дѣвицъ свѣтскаго происхожденія по 200 р.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Награждены скуфіямъ священники: Покровской церкви, сл. Городища, Старобѣльскаго уѣзда, Алексѣй *Инноковъ*; Троицкой церкви, сл. Ново-Астрахани, того же уѣзда, Симеонъ *Черняевъ*; Митрофаніевской церкви, сл. Климовки, того же уѣзда, Константинъ *Настюкинъ*; Вознесенской церкви, с. Скрыпаева, Зміевскаго уѣзда, Владиміръ *Раевскій*.

— Награждены набодренниками священниками: Крестовоздвиженской церкви, сл. Байдовки, Старобѣльскаго уѣзда, Евлампій *Амивцевъ*; Николаевской церкви, г. Ахтырки, Параспій *Федоровъ*.

— Определенный на штатное діаконское мѣсто къ Ахтырскому Покровскому собору учитель—псаломщикъ, Василій *Григоревичъ*, 6 января н. г. рукоположенъ въ санъ діакона.

— П. д. псаломщика Пророко-Ильинской церкви х. Андреевскаго, Лебедянскаго уѣзда, Георгій *Измайловъ*, утвержденъ въ означенной должности.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты къ Покровской церкви с. Жпгайловки, Ахтырскаго уѣзда крест. Андрей *Лозовой*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Церковный конгрессъ въ Америкѣ.—Латинская пропаганда на Востока.—Римско-католическія польскія семинаріи.—Сектантская пропаганда въ С.-Петербургѣ.—Церковно-приходскія братства.—Архипастырское предупрежденіе.—Руководственныя указанія кандидатамъ священства.—О преподаваніи Закона Божія въ пародныхъ школахъ свѣтскими лицами.—Мѣры къ улучшенію матеріальнаго благосостоянія духовенства.—Предстоящій юбилей духовной семинаріи.—Новое высшее женское учебное заведеніе.—Замѣчательное археологическое открытіе въ Палестинѣ.

Въ ноябрѣ минувшаго года, какъ сообщаетъ «Церк. Вѣсти.», въ С. Америкѣ состоялся ежегодный 17-й конгрессъ епископальной церкви. Этого рода конгрессы въ С. Америкѣ имѣютъ—то же назначеніе, какъ церковные конгрессы въ Англии, т. е., дать свободное выраженіе внутреннимъ потребностямъ церковной и религіозно-нравственной жизни и страны, безъ всякой официальной обязанности состоявшихся на нихъ заключеній или постановленій. Въ этомъ отношеніи церковные конгрессы служатъ не только выразителями и показателями наличнаго состоянія церкви, но и возбуждателями церковно религіозной жизни и даже богословской мысли. На англоамериканскомъ церковномъ конгрессѣ (состоявшемся въ Норфолькѣ) обсуждалась всевозможные вопросы, выдвигаемые жизнью, и о характерѣ ихъ можно судить по слѣдующимъ рефератамъ: „о новомъ направленіи богословія въ Германіи“, „какъ лучше всего исполнять общественный долгъ“, „постоянство и прогрессъ въ истолкованіи христіанскихъ символовъ“, „въ чемъ состоятъ организескій законъ церкви“, „пастырство въ условіяхъ современной жизни“, „археологія и Библия“ и пр. и пр.

— По сообщенію бѣлградскаго корреспондента «Моск. Вѣд.»,

латинская пропаганда и въ послѣднее время усиленно работаетъ на востокѣ, и притомъ занимается не обращеніемъ магометанъ и язычниковъ въ христіанство, а старается, если возможно, олатинить сербовъ, болгаръ и грековъ. Въ общемъ, не смотря на стойкость сыновъ православія, особенно сербовъ, пропаганда успѣла достигнуть нѣкоторыхъ, хотя и незначительныхъ, результатовъ: за послѣднія тридцать лѣтъ многіе болгары перешли въ латинство и унию, есть нѣкоторые случаи такихъ же успѣховъ латинства и въ Греціи, и въ Константинополѣ, и въ Смирнѣ, и въ другихъ мѣстахъ; но среди сербовъ всѣ старанія пропаганды оказались безплодными, ибо тысячи и тысячи сербовъ предпочли бы смерть отреченію отъ христіанско-православной церкви и вѣры. Такъ какъ, не смотря на всѣ усилія, латинская пропаганда идетъ все-таки медленно, то пропагандисты взяли за старое средство религіозной смуты—унию и, опираясь на недавнія папскія энциклики о единеніи церквей, начали объяснять православнымъ, что они-де могутъ сохранить свою вѣру, удержавъ свой церковный языкъ, литургію и обряды и признавъ лишь папу и унию съ Римомъ; что тогда имъ будутъ строить церкви; прислать церковную утварь, платить священникамъ, содержать школы и оказывать всевозможную поддержку, и что римско-католическія государства будутъ заступаться передъ Турціей одинаково и за р.-католиковъ, и за униатовъ.—Понятно, что пропагандисты не упускаютъ случая, чтобы пользоваться распрями среди православныхъ народовъ. Особенно благопріятнымъ обстоятельствомъ для нихъ послужила недавняя распря между сербами и греками въ Ускюбѣ. Въ виду того, что патріархъ константинопольскій не хочетъ уступить и допустить, чтобы сербы пмѣли своихъ епископовъ въ Македоніи и Старой Сербіи, униатская пропаганда особенно усилила свою дѣятельность тамъ, надѣясь, что сербы, озлобленные противъ грековъ и патріарха, охотно признаютъ унию съ Римомъ и отдѣлятся отъ православной церкви. Надежда конечно напрасная, такъ какъ сербы очень привязаны къ православію; но послѣ того, какъ съ одной стороны, Турція не счтаетъ сербовъ за политическую національность, а съ другой—интригуютъ греки и болгары, а сербы предоставлены сами себѣ,—возможно, что униатская пропаганда достигнетъ нѣкоторыхъ результатовъ въ Македоніи и Старой Сербіи, если возникшій вопросъ не будетъ миролюбиво улаженъ между спорящими сторонами.

— «Лит. Еп. Вѣд.» поднимаютъ серьезный вопросъ о томъ, чему учатъ въ Виленской и Тельшевской римско-католическихъ семинаріяхъ, задачей коихъ служитъ подготовка ксендзовъ для Виленской, Ковенской и Гродненской губерній. Семинаріи предпочитаютъ дѣйствовать втихомолку и не сообщаютъ обществу никакихъ о себѣ свѣдѣній. Никогда не бываетъ въ этихъ заведеніяхъ и публичныхъ актовъ, на которые приглашались бы почетныя лица въ городѣ, хотя Высочайше утвержденный 19 ноября 1843 года уставъ и установилъ публичныя испытанія. Доступъ въ эти заведенія для частныхъ лицъ невозможенъ. Не много знаетъ о нихъ и правительственная власть. Знакомство учебнаго вѣдомства съ дѣятельностью римско-католическихъ семинарій ограничивается тѣми наблюденіями, какія можетъ сдѣлать депутатъ учебнаго вѣдомства, обязательно присутствующій на приѣмныхъ, переводныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ по предметамъ русскаго языка, русской исторіи и географіи. Но этотъ депутатъ не можетъ присутствовать ни при испытаніяхъ по другимъ предметамъ, ни на урокахъ по какому-бы то ни было предмету въ теченіе учебнаго года. Что касается административной власти, то она можетъ посѣщать семинаріи, но... только въ исключительныхъ случаяхъ. Римско-католическія епархіальныя семинаріи, видимо, хотятъ дѣйствовать въ полной свободѣ и независимости отъ надзора русской власти. Независимое положеніе католическихъ духовныхъ семинарій имѣетъ, однако, своимъ результатомъ то, что—за послѣднее время ксендзы, особенно Ковенской губерній, начинаютъ все чаще и чаще высказывать крайнюю нетерпимость ко всему русскому, православному. Ксендзы запрещаютъ своимъ духовнымъ дѣтямъ посѣщать костелъ и систематически отказываютъ въ исполненіи церковныхъ требъ за то, что они служатъ въ „волчьемъ гнѣздѣ“, то-есть у русской помещицы; запрещаютъ, подъ угрозой лишенія св. причастія, вопреки Высочайшей волѣ, посѣщать православныя храмы въ высокаторжественныя дни, и смущаютъ дѣтскую совѣсть учащихся внушеніями, что они совершаютъ грѣхъ, обращаясь во время классной молитвы лицомъ къ православной иконѣ. У одного изъ ксендзовъ-преподавателей Кѣлецкой римско-католической семинаріи найденъ актъ, составленный въ 1887 году, за подписью восьми ксендзовъ обязавшихся съѣзжаться каждый годъ для цѣлей, которыя будутъ определены на первомъ съѣздѣ. Въ томъ же актѣ записано постановленіе возлагающее на всѣхъ участниковъ съѣзда обязательство да-

вать по 40 руб. тому изъ членовъ съѣзда, который волей судьбы будетъ заключенъ въ монастырь или сосланъ. Кромѣ этого акта, найденъ проектъ программы, въ которыхъ, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, порицаются правительственныя распоряженія и совѣтуется вести въ семинаріяхъ дѣло воспитанія въ анти-правительственномъ духѣ, съ тѣмъ, чтобы со временемъ избавить простой народъ отъ яда привязанности къ Русскому правительству.

— Петербургскому духовенству предстоитъ повидимому вступить въ энергическую борьбу съ пашковщиной, которая продолжаетъ распространяться и въ высшемъ, и въ низшемъ (особенно фабричномъ) классѣ столичнаго населенія. Притихшая послѣ 1884 г., эта секта, по словамъ «С.-Петерб. Дух. Вѣстника», въ послѣднее время пріободрилась и, болѣе подготовившись къ своей пропагандѣ, чѣмъ въ первое десятилѣтіе существованія, съ большимъ усиліемъ принялась за нее. Во всѣхъ частяхъ города она успѣла завести центры пропаганды, изъ которыхъ въ десяти обращеніе православныхъ въ прошломъ году происходило почти открыто; по всему городу разосланы пашковскіе миссіонеры, которые чаще всего въ видѣ разносчиковъ-продавцовъ разнаго товара, пропикаютъ въ квартиры и постоянные дворы. Одною изъ приманокъ, употребляемыхъ для уловленія легкомысленныхъ людей въ сектанство, служитъ возможность для каждаго быть осѣненнымъ Духомъ Божиимъ и сдѣлаться проповѣдникомъ въ сектантскихъ собраніяхъ. „Вѣдь въ самомъ дѣлѣ заманчиво, говоритъ названный духовный журнала, кучеру и лакею возсѣдать въ креслахъ барина и поучать, и кого же?—своего же барина“!

— Для религіознаго просвѣщенія народа весьма много обѣщаютъ сдѣлать и отчасти уже дѣлаютъ заводимыя по нѣкоторымъ сельскимъ приходамъ церковно-приходскія братства. Члены этихъ братствъ, какъ справедливо указалъ въ послѣднее время таврической епарх. миссіонеръ въ мѣстномъ еп. журналѣ, постепенно сплочиваясь и объединяясь въ мысли быть истинными христіанами и приносить добро ближнимъ, со временемъ сами окрѣпнутъ и другихъ, слабыхъ, могутъ привести въ мѣру возраста Христова, что собственно и нужно въ жизни истинному христіанину. Нынѣ не мало народилось разныхъ сектъ. Причиною ихъ быстрого возникновенія служитъ между прочимъ слабое развитіе у насъ общественнаго самосознанія и разъединенность. При братствѣ этого быть не можетъ; напротивъ, каждый членъ его сочтетъ

своею обязанностию спасти погибающаго брата. Тамъ же, гдѣ сектанство уже развито, братство, служа образцомъ христіанской жизни, не преминетъ вступить съ нимъ въ единоборство. Иногда приходится встрѣчать, что братчики, владѣя громаднѣмъ запасомъ свѣдѣній изъ Слова Божіа, публично на смерть поражаютъ сектантовъ. Дай Богъ, чтобы эти благія учрежденія охватили сѣтью всю Россію. Одно изъ подобныхъ братствъ возникло въ декабрѣ прошлаго года въ хуторѣ Калачѣ на Дону, подъ названіемъ: „Пятизбѣнское Николаевское церковное противораскольническое братство“. Первою задачею своею братство, по словамъ «Дон. Е. В.», ставитъ усиленное служеніе утвержденію и распространенію православія среди мѣстнаго населенія. Нужно замѣтить, что названная станица можетъ считаться гнѣздомъ раскола и такимъ его центромъ, въ которомъ отъ дней древнихъ и донинѣ сосредоточиваются главныя его силы и поддерживающіе его существованіе расадники, какъ-то: скиты, многочисленныя моленныя съ пхъ не менѣе многочисленными всякаго рода наставниками, а въ недавнее время здѣсь нашель себѣ пріютъ даже одинъ лжеепископъ — Спиридонъ Архиповъ (изъ отставныхъ лейбъ-казаковъ, нынѣ, правда, уже умершій). Мысль о томъ, чтобы соединить лучшія мѣстныя силы и направить ихъ къ ослабленію раскола въ данной мѣстности, возникла еще въ 1894 году. «Церк. Вѣст.».

— Преосвященный Калужскій Макарій, какъ сообщаютъ «Кал. Еп. Вѣд.», обратился къ мѣстной своей консисторіи съ слѣдующимъ, достойнымъ особаго вниманія, предложеніемъ: „Дорогое для каждаго просвѣщеннаго человѣка дѣло народнаго образованія должно быть тѣмъ наче дорого для духовенства, какъ дѣло имъ исперва начатое, имъ веденное, и ему исключительно принадлежавшее до самаго, такъ называемаго, Петербургскаго періода нашей исторіи; какъ такое, которое десять лѣтъ тому назадъ Высочайшею властію блаженныя памяти Государа Императора Александра III ему возвращенное и снова врученное съ надеждою и увѣренностію, что духовенство, въ этомъ святомъ дѣлѣ, окажется на высотѣ своего призванія, оправдаетъ возлагаемыя на него надежды, опять явится воспитателемъ, оберегателемъ и охранителемъ народа, наставникомъ и руководителемъ его, какимъ оно и было первоначально въ Кіевскій, а затѣмъ и Московскій періодъ нашей исторіи. Безмездный трудъ духовенства въ этомъ св. дѣлѣ въ первое десятилѣтіе къ чести и славѣ духовенства оправдавшій

надежды, возлагавшіяся на него, какъ извѣстно, далъ основаніе для высшей власти поставить дѣло церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты болѣе прочно, съ вознагражденіемъ труженниковъ въ этомъ дѣлѣ. Такое лестное вниманіе правительства къ десятилѣтнимъ трудамъ духовенства, и тѣмъ болѣе завѣщаніе самого апостола, „чтобы сугубыя чести сподоблялись труждающіеся въ ученіи“ (Тимоф. 5, 17), должно бы еще болѣе побудить и расположить дѣтей духовенства, получившихъ образованіе, посвятить себя, по выходѣ изъ семинаріи, хотя на нѣкоторое время, на это св. дѣло, и потому еще, чтобы имѣть большее право съ практической подготовкою къ учительству принять санъ священника. На дѣлѣ же, къ прискорбію, оказывается, что многіе изъ окончившихъ курсъ проводятъ время праздно, что не можетъ не быть укорительнымъ для нихъ; тѣмъ болѣе, что Епархіальный Училищный Совѣтъ нуждается въ хорошихъ кандидатахъ къ замѣщенію должности учителей въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты; также и лица, не получившія полного семинарскаго образованія, если и пріобрѣтаютъ свидѣтельства на званіе учителя, то для того только, чтобы занять штатное діаконское мѣсто, просьбами о чемъ не мало досаждаютъ епархіальной власти вмѣсто того, чтобы предварительно практической подготовкою въ учительствѣ пріобрѣсти сугубое право получить священный санъ діакона. Предлагаю консисторіи чрезъ напечатаніе настоящаго моего предложенія въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ поставить въ извѣстность всѣхъ ищущихъ сана священническаго и діаконскаго, что они мною будутъ удостоиваемы онаго только тогда, когда прослужатъ въ должности учителя въ церковно-приходской школѣ не менѣе трехъ лѣтъ. Безъ этого никто и изъ окончившихъ курсъ и пріобрѣтшихъ право на учительство по экзамену не долженъ утруждать меня прошеніями объ опредѣленіи ихъ на мѣста священническія и діаконскія, и прошенія ихъ будутъ оставляемы безъ всякаго удовлетворенія“.

— Преосвященными архипастырями въ нѣкоторыхъ епархіяхъ даны, по словамъ «Церк. Вѣст.», мѣстному духовенству и лицамъ, готовящимся къ пастырству архипастырскія указанія относительно приготовленія къ священству, духовнаго руководительства паствъ и другихъ обязанностей по дѣламъ приходскимъ. Высокопреосвященный архіепископъ рижскій Арсеній, въ своемъ послѣднемъ новогоднемъ обращеніи къ приходскимъ священникамъ рижской епархіи,

призывалъ ихъ къ миссіонерской дѣятельности въ своихъ приходахъ среди латышей, эстонцевъ, а также и русскихъ старообрядцевъ—раскольниковъ. Высокопреосвященный выражалъ при этомъ увѣренность, что духовенство рижской епархіи съ достоинствомъ понесетъ труды миссіонерской дѣятельности. Пастыри епархіи болѣе или менѣе подготовлены къ этой дѣятельности и своимъ происхожденіемъ и образованіемъ. Большая часть изъ нихъ мѣстнаго происхожденія, родились и выросли среди лютеранъ, а нѣкоторые родившись отъ смѣшанныхъ браковъ, жили въ православно-лютеранскихъ семьяхъ. Потому они отъ юности своей знакомы съ лютеранствомъ—не только съ его внѣшнею—бытовою жизнью, но и съ внутреннимъ содержаніемъ. Семинарское же образованіе (а нѣкоторыхъ и академическое) хорошо познакомило ихъ съ лютеранскимъ вѣроученіемъ и отличіемъ его отъ православія. При этомъ нельзя не обратить вниманія еще на двѣ особенности въ краѣ: на церковно-религіозную, которая впрочемъ присуща вообще лютеранству, и на національную. Въ лютеранствѣ развито искусство проповѣданія слова Божія, и лютеране Прибалтійскаго края любятъ проповѣдь. Это сильно отражается и на православныхъ жителяхъ края, и въ нашей прибалтійской православной церкви наши чада любятъ проповѣдь. Къ чести духовенства епархіи нужно сказать, что оно усердно проповѣдуетъ слово Божіе. А такъ какъ большая часть нашихъ пастырей вышла и выходятъ изъ среды тѣхъ же національностей (латышей и эстовъ), куда они поступаютъ, по окончаніи образованія, на служеніе Церкви Божіей: то понятно, что въ родной странѣ и на родной почвѣ они могутъ съ успѣхомъ трудиться на полѣ миссіонерской дѣятельности.—Преосвященный тверской Дмитрій призналъ нужнымъ разъяснить нѣкоторыя обязанности лицъ, изъявившихъ желаніе принять священный санъ. Въ концѣ прошлаго декабря преосвященный сдѣлалъ по епархіи слѣдующія распоряженія: Усмотрѣно мною, что кандидаты священства, подавши епархіальному начальству прошенія, не являются къ богослуженію въ архіерейскую церковь, чрезъ что нѣтъ возможности усмотрѣть ихъ способности къ пастырскому служенію и степень подготовленности къ принятію священства. Для отвращенія на будущее время подобныхъ порядковъ, объявить чрезъ Епархіальныя Вѣдомости кандидатамъ священства, что каждый изъ нихъ, подавши прошеніе о предоставленіи ему священническаго мѣста, обязанъ постоянно ходить въ церковь архіерейскаго дома къ бо-

гослуженію и принимать въ ономъ участіе пѣніемъ, чтеніемъ и проповѣдываніемъ слова Божія на литургіи.

— По словамъ «Сына Отеч.», въ настоящее время поставленъ на очередь принципиальный вопросъ: имѣютъ ли право свѣтскія лица преподавать законъ Божій? Вопросъ этотъ очень важный. Далекое не все равно, кто будетъ въ школѣ преподавать и истолковывать истины христіанскаго вѣроученія. Возбужденное въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ С.-Петербургскимъ губернскимъ земствомъ ходатайство о распространеніи на свѣтскихъ лицъ права преподавать законъ Божій въ начальныхъ народныхъ училищахъ передано министерствомъ на заключеніе Св. Синода. „Чѣмъ обусловлено ходатайство, говоритъ также газета, намъ неизвѣстно. Весьма возможно, что въ основѣ его лежатъ какъ недостатокъ законоучителей, такъ, можетъ быть, и столь часто встрѣчающіяся личныя недоразумѣнія между земскими либералами и представителями духовенства. Какъ бы тамъ ни было, но не должно забывать, что преподаваніе закона Божія далеко не такъ просто, какъ это кажется людямъ поверхностнымъ и въ извѣстной степени индифферентнымъ. Для этого необходима специальная подготовка, а она далеко не у всякаго. Быть учителемъ и даже хорошимъ учителемъ далеко еще не значить быть хорошимъ законоучителемъ. Если отъ учителя для успѣха дѣла требуется, чтобы онъ самъ какъ можно глубже проникся преподаваемымъ предметомъ, то къ законоучителю эти требованія предъявляются еще строже, потому что самый предметъ чрезвычайно важенъ. Его нельзя ставить на одну доску съ географіей или арифметикой. Безъ этихъ предметовъ человекъ можетъ прожить, но безъ основъ религіи онъ не проживетъ, а слѣдовательно и ввѣрять преподаваніе этого предмета первому попавшемуся свѣтскому лицу значило бы дѣлать большую ошибку. Если ужъ дѣйствительно въ школьной практикѣ встрѣчается такая необходимость, надо по крайней мѣрѣ, поступать болѣе или менѣе осмотрительно. Въ этихъ случаяхъ, по нуждѣ, можно поручать преподаваніе столь важнаго предмета и свѣтскимъ лицамъ, но при этомъ желательно, чтобы лицо это получило соотвѣтственную подготовку и преподавало хотя бы подъ нѣкоторымъ контролемъ со стороны духовнаго лица“.

Этотъ здравый взглядъ свѣтской газеты обращаетъ на себя вниманіе потому, что въ настоящее время, вслѣдствіе распространенія въ свѣтскомъ обществѣ духа невѣрія и отрицанія, рѣдко

можно встрѣтить такое разумное сужденіе о столь важномъ вопросѣ, какъ обученіе закону Божію въ народной школѣ.

— Въ калужской епархіи сдѣлана попытка, по словамъ «Церк. Вѣст.», устранить одно изъ затрудненій въ пастырскомъ служеніи именно—бѣдственное положеніе духовенства епархіи, не имѣющаго готовыхъ помѣщеній ни общественныхъ, ни церковныхъ. Въ предложеніи консисторіи по этому предмету преосвященный калужскій говоритъ: поступаетъ на приходъ священникъ и вмѣсто того, чтобы вседушно отдаться великому дѣлу пасенія паствы, онъ всю заботу въ первую же пору полагаетъ на устройство дома, значительно иногда должаясь. А долгъ требуетъ уплаты,—опять забота сторонняя, и эта забота нерѣдко заѣдаетъ молодого священника, поступающаго на приходъ съ чистыми намѣреніями и искренне добрыми желаніями, а затѣмъ, подъ гнетомъ нужды, онъ совсѣмъ охладѣваетъ къ прямому своему дѣлу. Если немѣніе домовъ для жительства тяжело отзывается на священникѣ, то насколько тяжелѣе то же самое должно отзываться на низшихъ членахъ причта, доходъ которыхъ едва достаточенъ бываетъ только на пропитаніе. Чтобы дать возможность обрекающимъ себя на служеніе церкви совершать таковое съ радостью, а не въздыхая, предлагаю консисторіи предписать благочиннымъ, чтобы они приложили всеусильное стараніе о построеніи для членовъ причта домовъ на счетъ общества, особенно гдѣ есть казенныя лѣсныя дачи. Если же на общественныя суммы окажется невозможнымъ устроить помѣщенія, то разрѣшается устроить таковыя на церковныя суммы, особенно въ тѣхъ селахъ, гдѣ уже есть помѣщенія для священниковъ.

— Сослужившая весьма большую службу для православія въ Прибалтійскомъ краѣ рижская духовная семинарія оканчиваетъ и готовится праздновать 50-лѣтіе своего служенія отечественной церкви. Знаменательная для семинаріи годовщина исполнится 1 сентября, такъ какъ дѣйствительное открытіе семинаріи, первоначально называвшейся эсто-латышскимъ дух. училищемъ, совершено было 1 сентября 1847 г.; но, въ виду особеннаго значенія для семинаріи дня 1 октября, празднованіе предполагается совершить 1 октября текущаго года, о чемъ и сдѣлано представленіе въ Св. Синодъ. Епархіальный журналъ сообщаетъ, что почти всѣ служащіе въ епархіи священники, псаломщики и даже учителя вышли изъ рижской семинаріи, и признаетъ несомнѣннымъ, что они отнесутся сочувственно къ ея торжеству.

— Въ текущемъ году, какъ сообщаетъ «Прав. Вѣст.», послѣдуетъ открытіе въ Петербургѣ женскаго медицинскаго института. вмѣстѣ съ симъ сообщается, что Государь Императоръ повелѣтъ соизволивъ выдать изъ государственнаго казначейства обществу для усиленія средствъ петербургскаго женскаго медицинскаго института 65,000 рублей, на устройство общежитія для слушательницъ этого высшаго учебнаго заведенія.

— Въ концѣ прошлаго года старшій секретарь іерусалимской патріархіи, архимандритъ Ѳотій, отпраздновалъ по дѣламъ церковнымъ въ землю Моавитскую бывшаго профессора патріаршей семинаріи — библіотекаря святогробскаго братства Клеопу Кикилидису. Этому послѣднему, какъ любителю археологій, было поручено осмотрѣть по ту сторону Іордана древній городъ Медабу. Въ этомъ городѣ за послѣдніе годы было найдено очень много мозаикъ, свидѣтельствующихъ о существованіи когда-то многочисленныхъ христіанскихъ храмовъ въ этомъ мѣстѣ. И дѣйствительно, исторія говоритъ, что въ V и VI вѣкахъ по Р. Х. въ моавитскихъ предѣлахъ считалось нѣсколько епархій и созидалось множество церквей и монастырей. Всѣ эти христіанскіе памятники съ наступленіемъ Хозроя были уничтожены и потомъ во весь періодъ господства мусульманъ никогда не были возстановляемы. Основаніе прежнихъ прекрасныхъ храмовъ палестинскихъ, ихъ восхитительныя половыя мозаики лежатъ подъ грудами мусора. Европейцы за послѣднее время скупаютъ у мусульманъ земли и открыли не мало древнихъ мозаичныхъ картинъ. Но думается, всѣхъ счастливейше оказался святогробскій библіотекаръ Клеопа Кикилидисъ. Онъ, откапывая въ Медабѣ основанія одной большой церкви наткнулся на мозаику, которая очень заинтересовала археолога. Раскопки были продолжены; половая мозаика все болѣе и болѣе проявлялась. Къ великой радости и изумленію археолога наконецъ обнаружилось, что мозаика по характеру исполненія можетъ быть отнесена къ V вѣку и представляетъ громадную географическую карту Палестины, Сиріи и Египта той эпохи. Понятное дѣло, что подобное открытіе будетъ имѣть громадное значеніе для христіанской археологій, исторіи и географіи. Эта мозаичная карта V вѣка ясно покажетъ, какое было преданіе у христіанъ того времени о святыхъ мѣстахъ, гдѣ они находились, ибо обозначены на картѣ и церкви, и монастыри. Такъ какъ на картѣ обозначены планы важнѣйшихъ городовъ, то новое открытіе про-

льетъ много свѣта для людей, занимающихся топографіей древнихъ историческихъ городовъ. Греческая газета „Священный союзъ“ передаетъ, что открытіе Клеопы Кивклидиса возбудило необыкновенный интересъ къ себѣ всего ученаго міра въ Іерусалимѣ. Всѣ ждутъ фотографіи и подробныхъ плановъ вновь открытой мозаики. И дѣйствительно, есть чѣмъ заинтересоваться и пожелать дальнѣйшихъ раскопокъ.

«Мір. Отг.»

Священникъ К. П. Ѳедоровъ.

(Н Е К Р О Л О Г Ъ).

2 января сего 1897 года, въ 12 часовъ дня, на 48 году жизни, скончался отъ брюшной водянки всѣми знавшими его любимыи и уважаемый священникъ Успенской церкви слободы Нижней Орелъ, Зміевского уѣзда, Константинъ Павловичъ Ѳедоровъ. Смерть его была неожиданныю для семьи, прихожанъ и духовенства округа. Еще 11 ноября минушаго 1896 года о. Константинъ чувствовалъ себя настолько хорошо, что въ этотъ день за 25 верстъ пріѣхалъ въ слободу Алексѣевку на съѣздъ духовенства 2 Зміевского округа. Въ этотъ день онъ казался совершенно здоровымъ и никто изъ священниковъ не могъ помышлять о томъ, что это будетъ послѣднее свиданіе съ о. Константиномъ. Возвратившись домой, о. Константинъ въ тотъ же день сталъ жаловаться на нездоровье; у него появилась опухоль всего тѣла, которая быстро стала увеличиваться. Не смотря на это, онъ продолжалъ служить и совершать въ приходѣ требы; хотя съ трудомъ служилъ литургію и совершалъ требы 6 декабря, въ день Св. Николая. Но это было уже послѣднее его служеніе. Онъ слегъ въ постель; болѣзнь его быстро стала усиливаться и 2 января с. г. о. Константинъ тихо скончался.

Покойный родился въ слободѣ Нижней Орелъ, Зміевского уѣзда, гдѣ отецъ его ранѣе состоялъ на должности причетника и гдѣ ему въ послѣдствіи суждено было болѣе 24 лѣтъ священствовать. По окончаніи курса въ мѣстной Духовной Семинаріи въ 1871 году, о. Константинъ болѣе года состоялъ учителемъ сельской школы; а въ 1872 году Пресвященнымъ Вспіанномъ рукоположенъ во священника къ Успенской церкви слоб. Нижней Орелъ, гдѣ и состоялъ на службѣ до самой кончины, и никогда не высказывалъ желанія перейти на другое мѣсто. Въ продолженіе своей 24 лѣтней службы покойный о. Константинъ проходилъ должность законоучителя въ школахъ земской и церковно-приходской и въ теченіе 12 лѣтъ — должность окружнаго депутата.

Какъ приходскій священникъ о. Константинъ пользовался любовію и уваженіемъ своихъ прихожанъ; особенную любовь онъ заслужилъ отъ прихожанъ за свое безкорыстное пастырское служеніе и отеческое къ нимъ отношеніе: онъ всегда отзывчиво относился къ ихъ нуждамъ и во всѣхъ случаяхъ жизни давалъ имъ необходимые совѣты и наставленія.

Въ день смерти о. Константина его прихожане со слезами на глазахъ, передавая другъ другу печальную вѣсть, единогласно говорили: „Мы въ своемъ батюшкѣ потеряли дорогаго наставника и руководителя“. Богослуженія и требы въ приходѣ покойникъ всегда совершалъ неспѣшно, громко, отчетливо и съ глубокимъ благоговѣніемъ и потому его служеніе на прихожанъ производило глубокое впечатлѣніе; при совершеніи литургіи поставлялъ себѣ въ непремѣнный долгъ всегда говорить предъ прихожанами поученія; его поученія произносились въ формѣ импровизаций, языкомъ живымъ и яснымъ и потому отличались понятностію и паздательностію. Отличительными чертами въ характерѣ покойнаго были стойкость въ убѣжденіяхъ, любовь къ правдѣ, скромность, простота въ обращеніи со всѣми, и доброе, не злобное сердце, требовательность къ себѣ и снисходительность къ другимъ. Все это дѣлало его чрезвычайно симпатичнымъ и потому онъ считался любимымъ человѣкомъ не только среди прихожанъ и духовенства, но и среди всѣхъ, кто его зналъ.

Въ семействѣ почившаго остался жена и 9 непристроенныхъ дѣтей: 2 взрослыхъ дочери, сынъ, обучающійся въ духовной семинаріи, 2 дочери, обучающіяся въ епархіальномъ училищѣ и 4 малолѣтнихъ — 7, 4, 2 лѣтъ и 1 мѣсяца. Положеніе оспротѣвней семьи весьма печальное, такъ какъ о. Константинъ, кромѣ дома и необходимыхъ вадворныхъ построекъ, послѣ себя не оставилъ никакихъ средствъ. Имѣя многочисленное семейство, всѣ получаемые имъ доходы онъ употреблялъ на содержаніе и воспитаніе своихъ дѣтей, воспитывая нѣсколько лѣтъ сряду одновременно по 2 или по 3 души. 4 января происходили похороны о. Константина. Послѣ заупокойной литургіи, отпѣваніе усопшаго совершено было мѣстнымъ благочиннымъ въ сослуженіи 5 священниковъ, при 3 діаконахъ; пѣли псаломщики ближайшихъ церквей округа и хоръ изъ учениковъ мѣстной церковно-приходской школы. Приходская церковь едва могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ отдать послѣдній долгъ усопшему. При отпѣваніи надъ гробомъ усопшаго сказаны были рѣчи священникамъ, товарищами по Семинаріи, о. Алексѣемъ Новомірескимъ и о. Александромъ Стаховскимъ. О. Александръ Стаховскій въ своей рѣчи живо и съ глубокимъ чувствомъ охарактеризовалъ усопшаго, какъ добраго пастыря сослуживца, отца семейства и человѣка и его рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ; всѣ

присутствующіе искренно оплакивали преждевременно умершаго о. Константина и никто изъ нихъ не могъ удержаться отъ слезъ при видѣ почившаго и его многочисленной, несчастной, осиротѣвшей семьи, оставшейся безъ всякихъ средствъ.

Миръ праху твоему, добрый пастырь и честный человѣкъ!..

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

БЕСѢДЫ ПО ЗЕМЛЕДѢЛІЮ

И. А. Бильдерлина. Съ 18 рисункамъ. Цѣна 40 коп., съ пересыл. 50 коп. 1897 г. С.П.Б. Изданіе А. Ф. Маркса. Редакція журнала „В. и Р.“ рекомендуетъ эту книгу всѣмъ любителямъ земледѣлія, какъ по дѣльности совѣтовъ, изложенныхъ въ книгѣ, такъ и по достоинству и доступности изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ 1897 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе Богословскаго Вѣстника ежемѣсячно, книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати листовъ, по прежней программѣ. Содержаніе журнала распадается на пять отдѣловъ.

Отдѣлъ I. Творенія Св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ.

Отдѣлъ II. Изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ.

Отдѣлъ III. Изъ современной жизни. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ обзорныя современныя событія изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ, а также свѣдѣнія о внутренней жизни Академіи.

Отдѣлъ IV. Критика, рецензіи и библиографія по богословскимъ, философскимъ и историческимъ наукамъ.

Отдѣлъ V. Приложенія.

Подписная цѣна за годъ: безъ пересылки шесть рублей, съ пересылкой семь рублей, за границу восемь рублей.

Адресъ: въ Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ э. орд. проф. В. Соколовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ „СИСТЕМЫ ЛОГИКИ“ ДЖ. СТ. МИЛЛЯ.

Новый переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей и съ необходимыми пояснительными примѣчаніями *В. Н. Ивановскаго*.

Каждая изъ 6-ти книгъ сочиненія составитъ выпускъ. Все сочиненіе (около 1.000 страницъ большого формата и убористой печати) выйдетъ въ теченіе 1897 г.

Подписная цѣна *три* рубля безъ пересылки и *четыре* рубля *пятьдесятъ* копѣекъ съ пересылкой заказной бандеролью.

1-я книга выйдетъ около 1 марта 1897 г. *По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.*

Допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ вносится 1 рубль; при выходѣ 2-й и 4-й книгъ по рублю; книги 5-я и 6-я выдаются бесплатно.

Желающимъ сочиненіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ магазинъ „Книжное Дѣло“, Москва, Моховая, д. Бенкендорфа, отсюда можно выписывать и другія изданія магазина:

1) *Шерръ, Г.* Всеобщая исторія литературы, переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга. Два большихъ тома (20—25 выпуск.) со множествомъ гравюръ картинъ, автографовъ, факсимиле и др. приложений. Больше 1.000 стр. текста. Цѣна по подпискѣ безъ доставки 6 р., съ доставкой и пересылкой 8 р.

2) *Фюстель-де-Куланжъ.* Древняя гражданская община. Цѣна 2 р.

3) *Данте-Аллигieri.* Божественная комедія. Ч. I. Адъ. Переводъ Н. Н. Голованова, подъ ред. проф. Ф. Буслаява. Ц. 1 р. 50 коп.

4) *Дрейфусъ, К.* Мировая и социальная эволюція. Ц. 1 р. 50 коп.

5) *На добрую память изъ русскихъ писателей.* Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р. 25 коп.

6) *Теннисонъ, А.* Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова, со ст. И. И. Иванова: „Теннисонъ и его поэзія“, в портретомъ Теннисона. Цѣна 50 коп.

7) *Фуллеръ, А.* Темпераментъ и характеръ. Ц. 1 руб.

8) *Милль, Д. С.* Огюсть Контъ и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Канта.

9) *Милль, Д. С.* Автобіографія. Ц. 75 коп.

10) *Уордъ, Л.* Психическіе факторы цивилизаціи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній.

11) *Тома, Ф.* Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 коп.

12) *Ланге.* Эмоціи (психо-физіологическій очеркъ) Ц. 30 коп.

13) *Спенсеръ, Г.* Классификаціи наукъ. Ц. 75 коп.

14) *LEGRAIN.* Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Ц. 75 коп.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

будеть выходить въ 1897 году на прежнихъ основаніяхъ. Программа газеты: 1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п. 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя. 3) Корреспонденція внутренняя и заграничная. 4) Извѣстія изъ славянскихъ земель. 5) Повѣсти и рассказы. 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ). 7) Обзоръ русскіхъ журналовъ и газетъ. 8) Критика литературная, художественная и театральная. 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края, 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія. *Подписная цѣна* на „Кіевское Слово“ съ доставкой и пересылкой на годъ **10 р.**, на 6 м.—**6 р.**, на 3 м.—**4 р.**, на 1 м.—**1 руб. 50 к.**; безъ доставки и пересылки—на годъ **8 р.**, на 6 м.—**5 р.**, на 3 м.—**3 р.**, на 1 м.—**1 р.** Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ **5 р.** и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые **5 р.**; безъ доставки въ тѣ-же сроки по **4 р.** Заграничныя подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по **60 к.** за каждый мѣсяць. За перемѣну иногороднаго адреса—**20 к.** Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Издиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К^о. Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Кіевского Слова“, Большая Владимірская, домъ № 35.

Редакторъ-издатель *В. М. Богдановъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА

въ 1897 году.

„Православный Собесѣдникъ“ будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой. Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя бібліотеки, „какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства“ (Синод. опред. 8 сент. 1874 года № 2792). Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—**СЕМЬ РУБЛЕЙ.**

При журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ издаются

„Извѣстія“ по Казанской епархіи,

выходящія два раза въ мѣсяць нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта. Причты Казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ. Цѣна „Извѣстій“ для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ съ пересылкою—**ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ.** Подписка принимается въ редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи, въ Казани.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ“

НА 1897 Г.

(Пятый годъ изданія).

Изданіе миссіонерскаго журнала „ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ“ будетъ продолжаться и въ 1897 году. „Православный Благовѣстникъ“, какъ органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, по прежнему будетъ имѣть свою цѣлю— съ одной стороны выясненіе великой важности миссіонерскаго служенія для Русской православной церкви и Русскаго государства, а съ другой—возможно-полное и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ), и тѣхъ условій, среди которыхъ она совершается въ настоящее время. Программа журнала слѣдующая: I. Отдѣлъ официальный. Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества. II. Руководящія статьи по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи. III. Современное положеніе отечественныхъ миссій. Географическіе очерки мѣстностей, населенныхъ инородцами и служащихъ поприщемъ дѣятельности для нашихъ вѣропроповѣдниковъ. Очерки этнографическіе изображающіе религіозно-нравственныя воззрѣнія инородцевъ, ихъ бытъ, а также семейныя и общественныя отношенія въ связи съ религіозными вѣрованіями. Русскіе вѣропроповѣдники—въ мѣстахъ ихъ постоянной дѣятельности, внѣшняя сторона ихъ жизни. Проповѣдь, условія, благопріятствующія проповѣди или же останавливающія ея успѣхи. Мѣры, принимаемыя въ утвержденію православія между новообращенными инородцами и сближенію ихъ съ русскими. Просвѣтительно-благотворительныя учрежденія въ православно-русскихъ миссіяхъ. IV. Очерки и рассказы изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ. V. Миссіонерская дѣятельность на западѣ. Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ. VI. Извѣстія и замѣтки, краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и заимствуемыя изъ газетъ, писемъ и пр. VII. Библиографія. Отзвѣны о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству. VIII. Извѣстія о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій. IX. Объявленія. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ (15 и 30) книжками, въ объемѣ не менѣе четырехъ печатныхъ листовъ. Цѣна изданія четыре рубля 50 коп. безъ пересылки и пять рублей съ пересылкою, за границу—шесть рублей. Подписка принимается въ редакціи журнала „Православный Благовѣстникъ“, а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Стрѣтенка, домъ Спасской церкви. Остающіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за 1893, 1894 и 1895 годы могутъ быть высланы по четыре рубля. Редакторъ Н. Комаровъ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

360 №№ ГАЗЕТЫ, „НОВОСТИ СЕЗОНА“ 50 книгъ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, ТЕАТРА, СПОРТА И ПРОЧ.

съ рисунками, портретами и

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Газета „НОВОСТИ СЕЗОНА“ будетъ выходить съ 1-го января 1897 г. по утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ программѣ, въ которую войдутъ: 1. Статьи по теоріи искусствъ всѣхъ родовъ. 2. Статьи по вопросамъ театральнаго дѣла и спорта въ Россіи и за-границей. 3. Хроника театровъ и спорта. 4. Критическія статьи, рецензіи, замѣтки, извѣстія о театрахъ, концертахъ, литературныхъ вечерахъ, любительскихъ спектакляхъ, скачкахъ, бѣгахъ, велосипедныхъ и гребныхъ гонкахъ и проч. 5. Мнѣнія другихъ газетъ по вопросамъ театра, искусствъ и спорта и разборъ этихъ мнѣній. 6. Корреспонденція изъ всѣхъ городовъ Россіи и изъ за-границы. 7. Фельетонъ: повѣсти, рассказы, очерки, сценки преимущественно изъ жизни артистовъ; стихотворенія, анекдоты. 8. Разныя извѣстія. 9. Либретто пьесъ, оперъ и балетовъ текущаго репертуара. 10. Программы и афиши загородныхъ и провинціальныхъ театровъ. 11. Портреты и рисунки. 12. Приложенія: драматическія произведенія, преимущественно текущаго репертуара. Сообразуясь съ такой широкой программой и поставивъ своей цѣлью создать такой органъ печати, который вполне отвѣчалъ бы требованіямъ современной жизни, редакция постаралась привлечь къ участию въ газетѣ всѣ лучшія русскія литературныя силы.

Въ числѣ, предназначенныхъ для помѣщенія въ книгахъ „Новостей Сезона“ въ 1897 г. драматическихъ сочиненій, въ портфель редакціи уже имѣются: 1) Всѣ сочиненія князя А. И. Сумбатова (Южина)—десять 5-ти и 4-хъ актовъ драмъ. 2) Всѣ драматическія сочиненія Н. Л. Пущкарева—(7-мь истор. и пер. др. и траг.) 3) Всѣ лучшія пьесы текущаго заграничнаго репертуара: „Афижанка“, Эбермана; „Умирающіе“, Зудермана; „Потопленный колоколь“, Гауптмана и мн. др.

Примѣчаніе. Всѣ перечисленные выше пьесы въ отд. продажѣ будутъ стоить 44 рубля.

Подписная цѣна: на 1 годъ—7 руб., на 1/2 года—4 руб. съ пересылкой и доставкой.

Примѣчаніе. Пробныя номера газеты и еженедѣльныхъ приложеній ея (книгъ) могутъ быть, посланы всѣмъ желающимъ предварительно ознакомиться съ ними, за шесть 7-ми копѣчныхъ почтовыхъ марокъ.

Подписка принимается: Москва, Петровка, д. Ценскаго.

Редакторъ П. И. Ничеевъ.

Издатель В. И. Раммъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1834 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое послѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Изычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доктора А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофапа Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православленъ-ли intercomunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линническаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семнаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.